

**Уральский
федеральный
университет**
имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы

Всероссийского психологического форума

Том 2

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЫЦИНА

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийского психологического форума

Том 2

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 159.9(063)
ББК Ю9я43
П86

Ответственные редакторы
Л. В. Токарская, кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии образования,
М. А. Лаврова, старший преподаватель Уральского федерального
университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

*Ответственность за содержание
материалов несут авторы*

Психология сегодня: актуальные исследования и перспекти-
вы : материалы Всероссийского психологического форума : в 2 т.
П86 Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года / отв. ред. Л. В. Токарская,
М. А. Лаврова ; Министерство науки и высшего образования Рос-
сийской Федерации, Уральский федеральный университет. — Ека-
теринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — Т. 2. — 230 с. : ил. — ISBN
978-5-7996-3515-2. — ISBN 978-5-7996-3579-4 (т. 2). — Текст : элек-
тронный.

ISBN 978-5-7996-3515-2

ISBN 978-5-7996-3579-4 (т. 2)

В сборник вошли материалы участников Всероссийского психологи-
ческого форума. Работы исследователей и практиков, представляющих
различные области современной психологии, их все объединяет направ-
ленность в будущее и общая цель — формирование новых трендов отрасли.

Предназначено для широкого круга читателей.

УДК 159.9(063)
ББК Ю9я43

ISBN 978-5-7996-3515-2

ISBN 978-5-7996-3579-4 (т. 2) © Уральский федеральный университет, 2022

Г. В. Акопов

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
Самара, Россия*

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ

В научно-теоретическом плане тема сознания как предмет психологических изысканий периодически актуализируется. С момента оформления научного статуса психологии на каждом историческом переходе от одного экономического уклада к другому обновляются общенаучные знания. При этом перманентно изменяется центральная проблематика сознания: от методических вопросов (интроспекция) к структурно-функциональным и объективированным знаниям (аналитическая философия сознания, когнитивная наука, нейронаука). В этом процессе на первый план сегодня выходит так называемая «трудная проблема сознания».

Ключевые слова: сознание, типология, категории, категориальные пространства, коммуникативность сознания.

Garnik V. Akopov

*Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia*

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS: NEW APPROACHES AND SOLUTIONS

In scientific and theoretical terms, the topic of consciousness as a subject of psychological research is periodically updated. From the moment of registration of the scientific status of psychology, at each historical transition from one economic structure to another, general scientific knowledge is updated. At the same time, the central problematic of consciousness is permanently changing: from methodological issues (introspection) to structural-functional and objectified knowledge (analytical philosophy of consciousness,

cognitive science, neuroscience). In this process, the so-called “difficult problem of consciousness” comes to the fore today.

Keywords: consciousness, typology, categories, categorical spaces, communicativeness of consciousness.

Введение. Категориальный аппарат психологии находится в стадии трансформации, связанной с существенным расширением предметной области психологии, а также возрастанием ее междисциплинарных связей. В современных исследованиях определено новое междисциплинарное направление, обозначенное как наука о сознании [1], формируется новая методология, призванная способствовать решению так называемой «трудной проблемы сознания» [2–5]. Оформленный ранее категориальный аппарат психологии (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, К. К. Платонов, М. Г. Ярошевский, и др.) не обеспечивает решение задач новой методологии. Версии понятия «категория» определяются в связи с новой совокупностью ее производных, таких как «категориальный анализ», «категориальный строй», «категориальная система» (А. В. Петровский, В. А. Петровский и др.); «категориальная фокусировка» и ее виды, «категориальный дискурс», «категориальная упорядоченность» (А. А. Пископпель). Заявлен расширительный психологический статус категорий как «посредников» между естественными и социогуманитарными науками (А. Н. Кричевец). Предпосылки нового оформления категориального подхода сложились также в связи с положениями о структуре психологических теорий (А. В. Юревич). Это, в частности, касается положения о центральной (ключевой) категории и базовых утверждениях теории, связанных с центральной категорией. Фиксация ключевых категорий и теоретических положений позволяет дифференцировать различные категориальные пространства постановок проблемы сознания. Размерность этих пространств определяется числом привлекаемых категорий. Возможны моно-категориальные, би-категориальные, поли-категориальные пространства. Так, к моно-категориальным можно отнести следующие существующие теории: информационная (Д. И. Дубровский, Д. Тонони), атенционная (М. Грациано), рефлексивная (М. Велманс), «субъективная» (У. Кригель), гиперсетевая — «когнитом» (К. В. Анохин) и др. К би-категориальным можно отнести сенсомоторную тео-

рию сознания (А. Ное, К. О'Риган); теорию сознания низкого и высоко порядка (Д. Розенталь, Р. Дженнаро); сенсорно-аффективную теорию сознания (А. Дамасио); комплексную теорию высшего порядка и глобального рабочего пространства (К. V. Gulick). В отечественной психологии это структурные представления о сознании Л. С. Выготского (общение и обобщение); В. П. Зинченко (бытийный и рефлексивный слои сознания); Г. В. Акопова (коммуникация и инстаурация) [6; 7] и др. К поли-категориальным можно отнести теорию множественного микросознания (С. Зеки); нейросоциокультурную теорию сознания (Ч. Вайтхед и др.); представления о категориальном составе сознания: знание, отношение, рефлексия (С. Л. Рубинштейн); различные виды субъектности (В. И. Панов). С категориальным подходом органично связан типологический подход [6].

Результаты. Расширенное оформление типологического подхода включает девять типов постановки проблемы сознания. 1. Территориально-культурный контекст, в частности национальная традиция научных исследований сознания; 2. Исследования, основанные на широком определении сознания: разновидность материи (нервная энергия, лептонное поле, осцилляции и др.); идеальное явление (информация, коммуникативное поле, социокультурное пространство и др.); 3. Исследования, основанные на тех или иных атрибущиях носителя («собственника» — Г. Г. Шпет) сознания: Человек (тело, нервная система, мозг); Общество; Живые организмы; Космос и др.; 4. Исследования на границах внешней и внутренней регуляции сознания: поиск нейронных коррелятов сознания (биологическая детерминация); гипотеза лингвистической относительности и др. (социокультурная детерминация); 5. Типы взаимосвязи (взаимодействия) внешнего и внутреннего: отражение (репрезентация); порождение (конструирование); независимое (параллельное) существование; консолидирующее взаимодействие; 6. Типы психологических «инструментов» идентификации сознания: интеллектуально-рефлексивное (когнитивизм); эмоционально-образное (интуитивизм); мотивационно-действенное (бихевиоризм); нарративно-аналитическое; комплексное (энактивизм); экопсихологическое; 7. Избираемые для исследования феномены сознания: языковое (речевое) сознание; рефлексивное (интроспективное)

сознание; коммуникативное сознание, в том числе невербальное сознание; поведенческое сознание; особые и измененные состояния сознания, включая сновидное сознание, созерцание и др.; 8. Разнообразие видов человеческой активности в идентификации сознания: экономическое сознание; политическое сознание; правовое сознание; управленческое сознание; религиозное сознание; этническое сознание и др.; 9. Ценностные ориентации (установки), определяющие тот или иной тип мышления исследователя: локальность (точечность) — глобальность; монизм — дуализм; элементаризм — холизм; самотождественность объекта — редукционизм; реализм (практицизм) — идеализм (космизм); рационализм — интуитивизм; причинный — целевой детерминизм; объективизм (от 3-го лица) — субъективизм (от 1-го лица) и др.

Библиографические ссылки

1. Ревонсуо А. Психология сознания / пер. с англ. СПб. : Питер, 2013. 336 с.
2. Чалмерс Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. М. : УРСС : ЛИБРОКОМ, 2013. 509 с.
3. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб. : Речь, 2003. 364 с.
4. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. М. : РАО, 2011. 1086 с.
5. Петренко В. Ф., Супрун А. П. Методологические пересечения психо-семантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 377 с.
6. Акопов Г. В. Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. 2016. № 2. С. 178–191.
7. Акопов Г. В. Категория сознания в современной психологии. Самара : Изд-во ООО «Порто-принт», 2019. 278 с.

Л. С. Акопян

Г. В. Акопов

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
Самара, Россия*

СОЗЕРЦАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И ФОРМА САМОТЕРАПИИ

Созерцание представляется важной составной частью ментальных процессов, состояний, а также свойств личности, не совпадая полностью ни с одним из базисных психических процессов. Особенностью процесса созерцания является его фактическое осознание индивидом как особого состояния, при том что не вполне осознается содержание созерцания и его трехчастная структура (предсозерцание, собственно созерцание и постсозерцание). Функциональной особенностью созерцания является внутренняя, скрытая переработка либо коррекция или трансформация микро-, мезо- и макросмыслов жизнедеятельности человека. Немаловажно также то, что этот процесс переосмысления, согласно полученным данным, весьма эмоционально позитивен для индивида. Процесс созерцания можно квалифицировать так же, как спонтанную психологическую самотерапию личности.

Ключевые слова: созерцание, содержание, функции, сознание, бессознательное, смысл, эмоции, самотерапия.

Liubov S. Akopyan

Garnik V. Akopov

*Samara State Social and Pedagogical University
Samara, Russia*

CONTEMPLATION AS A SPECIAL PSYCHOLOGICAL PHENOMENON AND A FORM OF SELF-THERAPY

Contemplation seems to be an important component of mental processes, states, and personality traits, not completely coinciding with any of the basic mental processes. A feature of the process of contemplation is

its actual awareness by the individual as a special state, despite the fact that the content of contemplation and its tripartite structure (pre-contemplation, contemplation proper and post-contemplation) are not fully realized. A functional feature of contemplation is the internal, hidden processing, or correction or transformation of micro-, meso- and macro-meanings of human life. It is also important that this process of rethinking, according to the data obtained, is very emotionally positive for the individual. The process of contemplation can also be qualified as a spontaneous psychological self-therapy of the individual.

Keywords: contemplation, content, functions, consciousness, unconscious, meaning, emotions, self-therapy.

Введение. Современные высокие технологии активно захватывают все сферы жизнедеятельности человека, размываются границы между природной и рукотворной средой, естественным и искусственным, сознаваемым и бессознательным. Феномен бессознательного, освоенный наукой, искусством, практикой терапии в версиях З. Фрейда, К. Юнга, П. Диеля и других авторов приобретают сегодня иные очертания. В этом контексте созерцание можно сравнить с камнем, который оставался в стороне от строительной площадки бессознательного. В то же время тема созерцания широко представлена в эзотерических и религиозных изданиях. В англоязычной литературе созерцание (contemplation) особенно широко представлено в категориях медитации. Научный интерес к проблеме созерцания первоначально был реализован в формате Поволжского семинара [1], а затем на всероссийской конференции [2]. На этой основе были определены перспективы преодоления известного противопоставления сознания и бессознательного посредством категории созерцания [3; 4].

Материалы и методы. В исследованиях, выполненных совместно с Л. С. Акопян [5], была показана эмоциональная эквивалентность созерцания как психического состояния у студентов-психологов, предоставивших текстуальные описания своих реминисценций об опыте созерцания в возрастном периоде от момента осознания себя («помню себя с ... лет»), как правило, с 5–6 лет, до текущего времени. Контент-анализ многообразного содержания

реминисценций студентов в категориях переживания показал, что состояние созерцания не несет в себе какой-либо значительной эмоциональной динамики, при том, что участники не помнят (не вспоминают) исходное переживание, то есть эмоциональное состояние до наступления процесса созерцания. Само состояние созерцания участники опроса характеризуют как спокойное, умиротворяющее, ровное по настроению, то есть без существенных изменений уровня эмоциональных проявлений в процессе созерцания.

Результаты. По результатам пилотного исследования был сконструирован опросник созерцательной активности. Структура опросника позволяет определить представления респондентов о созерцании и личном опыте переживания этого состояния. Участники — студенты 18–19 лет. В группе из 11 человек получено 37 описаний созерцания: из них 42 % содержат такие определения, как «погружение в себя» («в свой собственный мир», «в свои мысли, чувства, мечты», «уход в себя», отрешение от внешнего мира», «нахождение в своем мире», «переживание в своем мире», «переживание в себе» и т. д.); несколько больше — 46 % — определений созерцания как состояния спокойствия («смирение»; «наслаждение», в том числе эстетическое, «умиротворение», «единение с миром», «с окружающим пространством», «открытость миру» и т. д.); остальные 12 % идентифицируются как «задумчивость», которое, по-видимому, является денотацией состояния созерцания.

В совокупности ответов студентов на уточняющие вопросы об особенностях активности во время созерцания и его содержании удалось выделить следующие аспекты погруженности индивида в созерцание: 1) процессуальный аспект характеризуется «погружением или уходом в себя», «остановкой внутреннего диалога», «спокойствием», «душевной гармонией», «наслаждением происходящим», «ощущением себя третьим лицом», «наблюдателем» и т. д.; 2) содержательный аспект определяется следующими высказываниями участников: «задумываешься о важных вещах в жизни», «о любви к природе и людям, о судьбе», «смотришь на красоту, природу, созерцаешь ее и сразу в голову начинают лезть мысли о своей жизни, о прошлом, будущем, настоящем», «неосознанно всплывает то, что не проанализировано», «происходит оценка ситуации без чувств

и эмоций»; 3) ситуационный аспект: «созерцание приходит на природе», «когда один», «когда смотришь или слушаешь прекрасное, или что-то спокойное, красивое» и др.; 4) функциональный (результативный) аспект: «созерцание помогает правильно проанализировать происходящее», «извлечь опыт», «иногда нам этого не хватает, чтобы остановиться, созерцать красоту и подумать», «достигается гармония с самим собой», «уходят внутренние зажимы», «изменяется восприятие», «успокоение ума», «переоценка событий без эмоций, без сожаления, как наблюдатель со стороны», «после созерцания легкость и радость» и др.

Участники атрибутируют примерно одинаковую эмоциональную окраску в процессе созерцания. Это главным образом такие состояния, как спокойствие, счастье, удовлетворение, свобода, теплота, чувство единства. Достаточно часто встречаются ответы, отрицающие какое-либо эмоциональное сопровождение созерцания: «без чувств и эмоций», «отключение от всего мира», «ощущение себя третьим лицом, наблюдателем». Интересно отметить, что в описаниях предшествующего созерцанию момента времени участники не фиксируют каких-либо эмоций. Вместе с тем после созерцания атрибутируются спокойствие, расслабленность, «приятное послевкусие от процесса», «в мыслях все встает на свое место», чувство гармонии, легкости, радости. Единичные высказывания, атрибутирующие активное постсозерцательное состояние: «чувство, что что-то нужно поменять или выполнить какие-то действия именно сейчас», «бывает чувство раздражения, если прервали». Способность вызывать у себя по своему желанию состояние созерцания, управлять им признали очень немногие участники.

На завершающей стадии опроса участники сравнивали созерцание с такими ментальными состояниями, как дремота (сновидение), задумчивость, вдохновение, инсайт, припоминание, сосредоточение, медитация, наблюдение, воображение. Сравнение нужно было осуществить по трем критериям: а) полное совпадение (тождество); б) определенное сходство; в) абсолютная непохожесть. Высокую степень сходства созерцания (более 80 %) участники отнесли к состояниям задумчивости и наблюдению; определенное сходство —

с вдохновением и медитацией; полное несходство — с дремотой и припоминанием.

Заключение. Полученные нами результаты в исследованиях 2021 г. парадоксальным образом во многом совпадают с результатами, полученными в исследованиях на выборках школьников (16–17 лет) и студентов (20–21 лет), отстоящих от предшествовавших на 7–8 лет [6]. Парадоксальность состоит также в независимости результатов от различного используемого инструментария. Такая воспроизводимость феномена созерцания говорит о нем как о важном, неслучайном ментальном свойстве человека.

Библиографические ссылки

1. Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема : материалы Всерос. конф. / отв. ред. Г.В. Акопов. Самара : ПГСГА, 2011.
2. Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема : материалы Всерос. конф. / под ред. Г.В. Акопова, Е.В. Бакшутовой, Самара, 21 мая 2013 г. Самара : ПГСГА, 2013.
3. Акопов Г.В. Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты / под ред. чл.- корр. РАН, д-ра псих. наук, проф. В.Ф. Петренко. Самара : БЕК 21, 2014.
4. Шестун Е.В., Подоровская И.А. Созерцание в теоретическом осмыслении и практиках монотеистических религий / под ред. Г.В. Акопова. Самара : СамРУПС, 2014.
5. Акопян Л.С., Акопов Г.В. Эмоциональная эквивалентность созерцания как психического состояния // Психология психических состояний: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Казан. федер. ун-т, 14–16 ноября 2013 г. Ч. 1. Казань : Отечество. 2013. С. 3–8.
6. Акопян Л.С. Представления о феномене созерцания у студентов // Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема : материалы Всерос. конф. / под ред. Г.В. Акопова, Е.В. Бакшутовой. Самара, 21 мая 2013 г. Самара : ПГСГА. 2013. С. 144–147.

ПРОБЛЕМЫ, ВЫЗОВЫ И РИСКИ ПАНДЕМИИ ПОСТКОРОНАВИРУСНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Уникальная ситуация функционирования российской системы образования на этапе пандемии (COVID-19) и в постковидный период отражена в исследованиях последних трех лет. Осуществлен анализ основных тенденций данных исследований. Разработана анкета для изучения последствий пандемийного и постпандемийного этапа развития образования для преподавателей высшей школы. Анкетирование проведено на базе вузов России и ближайшего зарубежья. Выполнен анализ ее результатов по вопросам проблем, рисков, вызовов, негативных и позитивных последствий для высшего образования и профессиональной самореализации преподавателей вузов. Выявлены наиболее важные условия эффективной организации высшего образования в условиях дистанционного и гибридного обучения.

Ключевые слова: дистанционное (онлайн) обучение, гибридное (смешанное) обучение, профессиональная самореализация, анкетирование, риски и перспективы посткоронавирусной стадии.

Elena L. Afanasenkova

Sakhalin State University

Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

PROBLEMS, CHALLENGES AND RISKS OF A PANDEMIC POST-CORONAVIRUS STAGE OF DEVELOPMENT EDUCATION IN RUSSIA

The unique situation of the functioning of the Russian education system at the stage of the pandemic (COVID-19) and in the post-covid period is reflected in the studies of the last three years. The analysis of the main trends of these studies has been carried out. A questionnaire has been

developed to study the consequences of the pandemic and post-pandemic stages of education development for higher school teachers. The survey was conducted on the basis of universities in Russia and the nearest abroad. The analysis of its results on issues of problems, risks, challenges, negative and positive consequences for higher education and professional self-realization of university teachers is carried out. The most important conditions for the effective organization of higher education in the conditions of distance and hybrid learning are identified.

Keywords: distance (on-line) training, hybrid (mixed) training, professional self-realization, questionnaire, risks and prospects of the post-coronavirus stage.

Введение. В современных исследованиях проблемы влияния COVID-19 в период пандемии на систему высшего образования (ВО) находится на стадии анализа и попыток обобщения этого уникального опыта функционирования образования в условиях дистанционного и гибридного обучения. В работах 2020 года в основном предпринимались попытки осуществить первичный анализ дистанционного формата для основных видов образования и форм обучения, который возник непредсказуемо быстро, вынужденно и на момент пандемии носил безальтернативный характер (И. А. Алешковский и др. [1]; О. В. Орусова [2]; У. С. Чердакли [3] и др.). Исследования 2021 года стали носить ярко выраженный сравнительный анализ, упор в которых в основном делался на выявление позитивных и негативных факторов в системе основного образования, обусловленных дистанционным и гибридным обучением (Е. Л. Афанасенкова [4]; Ф. И. Собянин и др. [5] и др.). Научные изыскания 2022 года стали носить более системный и обобщающий характер. В них предпринимаются попытки подвести первые итоги посткоронавирусной стадии развития общества и системы образования, в том числе систематизировать риски, проблемы и ресурсы, которые были обусловлены пандемией (COVID-19) и посткоронавирусной стадией (Л. Ю. Панина [6]; В. А. Смирнова [7] и др.).

Анализ исследований по данной проблематике позволил нам выделить основные *риски посткоронавирусного этапа развития* системе образования в России: 1) длительное пребывание системы

образования в ситуации неопределенности, обусловленной пандемией и ее возможными всплесками в будущем; 2) реализация основных образовательных программ в дистанционном и гибридном режиме обучения; 3) вынужденно быстрая цифровизация образовательного процесса; 4) необходимость формирования новых компетенций у всех субъектов образования (обучающие; обучающиеся, родители и др.); 5) сложности методического обеспечения студентов в учебном процессе, и прежде всего в его практических формах; 6) трудности психолого-педагогического сопровождения, полноценного взаимодействия в образовательном пространстве всех субъектов образования; 7) проблемы организации труда педагогических кадров в условиях дистанционного и гибридного обучения; 8) проблема сохранения личных границ и пространства для преподавательского состава и другие.

К основным угрозам и вызовам образования в посткоронавирусный этап можно отнести: 1) формализация образовательного процесса; 2) определенное снижение качества образования; 3) сложность и трудоемкость мониторинга результатов обучения; 4) ограниченность личного общения и взаимодействия в образовательном процессе; 5) недостаточная кибербезопасность; 6) необходимость масштабной модернизации материально-технической базы образовательных организаций повсеместно для реализации образовательного процесса в условиях дистанционного и гибридного обучения и т. д.

Однако риски, вызовы и угрозы, как считают многие исследователи: Е. Л. Афанасенкова (2021), Ф. И. Собянин и др. (2021), Е. А. Руднев (2021), О. Н. Гончарова, М. Ю. Халилова (2022), Л. Ю. Панина (2022), В. А. Смирнова (2022) и др. — создают объективные условия для развития новых возможностей в системе образования и для ее субъектов: 1) новые возможности в доступности образования не зависят от удаленности субъекта образования от места обучения (мобильность образования); 2) формирование и уточнение новых образовательных стандартов; 3) повышение качества образования за счет расширения его границ (территориальных, содержательных и т. п.); 4) формирование единого образовательного пространства; 5) индивидуализация (персонализация) образовательного процесса;

6) расширение возможностей и границ очного образования; 7) совершенствование форм и возможностей самостоятельной работы студентов; 8) рост здоровой конкуренции (среди специалистов: преподавателей университетов; университетов в целом как в отечественной системе образования, так и за рубежом) и т. д.

Материалы и методы. Для выявления и обобщения результатов влияния пандемии и поспандемийного этапа на процесс обучения в вузах РФ нами была разработана *анкета для преподавателей вузов*. Она включала в себя пять вопросов.

Анкетирование проводилось в два этапа. Первый этап: февраль-март 2021 года (42 преподавателя из 10 вузов РФ и ближнего зарубежья). Второй этап: январь-февраль 2022 года (100 преподавателей из 12 вузов РФ и ближнего зарубежья). Данные носят обобщенный характер по двум выборкам, т. к. существенных различий в полученных результатах не было выявлено. В опросе приняли участие 142 преподавателя высших учебных заведений: СахГУ (Южно-Сахалинск), ИРОСО (Южно-Сахалинск), СГУ и СГМУ (Смоленск); УРГПУ (Екатеринбург); НГПУ им. К. Минина (Нижний Новгород); ФУ при Правительстве Российской Федерации, РГГУ, МГПУ (Москва); МГПУ им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Республика Мордовия); УНПУ им. К. Д. Ушинского (Одесса, Украина); БГПУ им. Максима Танка (Минск, Беларусь). Из них женщин — 97, мужчин — 45; докторов наук — 32 человека, кандидатов наук — 65 человек, старших преподавателей — 45 человек. Педагогический стаж: от 1 до 10 лет — 20 человек; от 11 до 20 лет — 38 человек; от 21 до 30 лет — 54 человека, от 31 года и более — 30 человек. Направленность образовательной деятельности: педагогическая — 88 чел.; психологическая (психолого-педагогическая) — 54 чел.

Результаты. В ходе обработки данных анкетирования мы получили следующие обобщенные результаты.

1. *Основные трудности, барьеры (внешние, внутренние) при внедрении дистанционного и гибридного обучения:* 1) нарушение границ рабочего времени преподавателя и объективная необходимость пересмотра оплаты труда за значительно возросший объем работы — 129 чел. (90,8 %); 2) необходимость модернизации учебного материала, неэффективность ранее использовавшихся

методов для дистанционного и гибридного обучения — 125 чел. (88 %); 3) оперативное освоение новых профессиональных компетенций преподавателями вузов в современных условиях посткоронавирусного этапа — 122 чел. (85,9 %); 4) высокая динамика изменений требований к организации образовательного процесса в дистанционном и смешанном формате, продиктованная слабой предсказуемостью изменений ситуации с пандемией — 112 чел. (78,9 %); 5) существенные ограничения полноценного оперативного контроля за уровнем усвоения студентами учебного материала, ограничения при проведении практических и лабораторных занятий в онлайн — 91 чел. (64,1 %); остальные результаты по ответам респондентов были в числовых границах менее 50 %.

2. *Новые ресурсы и возможности для преподавателей вуза в условиях новых рисков пандемийного и постпандемийного этапов:* 1) повышение общего технического уровня, разработка новых технологий для организации и сопровождения образовательного процесса дистанционно — 140 чел. (98,6 %); 2) эргономичность образовательного процесса — 132 чел. (93 %); 3) формирование новых возможностей для поддержки образовательного процесса в дистанционном и смешанном режиме на разных уровнях: административном, техническом, технологическом, методическом и др. — 115 чел. (81 %); 4) увеличение возможностей электронных библиотек; улучшение работа образовательных порталов и платформ — 98 чел. (69 %); 5) повышение профессиональных компетенций в области использования информационных технологий в преподавании, научных исследованиях — 95 чел. (66,9 %); 6) разработка и освоение новых форм, методов мотивации и активизации учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях дефицита личного контакта — 86 чел. (60,6 %); остальные результаты не превышают порог 50 %.

3.1. *Положительный опыт профессиональной самореализации преподавателей вуза в условиях коронавирусного и посткоронавирусного этапов:* 1) обогащение образовательного информационного ресурса сайта вуза — 42 чел. (100 %); 2) повышение собственной профессиональной квалификации за счет освоения современных информационных технологий дистанционного обучения — 135 чел. (95,1 %); 3) мобилизация в короткие сроки и трансформация профес-

сионального опыта при сохранении стабильных образовательных результатов — 136 чел. (95,8 %); 4) обогащение предметных курсов новыми информационными и методическими ресурсами — 118 чел. (83,1 %), формирование навыков тайм-менеджмента — 114 чел. (80,3 %); остальные результаты находятся в числовых границах менее 50 %.

3.2. Негативный опыт профессиональной самореализации преподавателей вузов в условиях коронавирусного и посткоронавирусного этапов: 1) повышенная физическая нагрузка на глаза, гиподинамия, синдром хронической усталости — 142 чел. (100 %); 2) понимание того, что очная (офлайн) работа со студентами дает возможность гораздо глубже проработать многие компетенции в обучении — 87 чел. (61,3 %); остальные результаты не превышают порог 50 %.

4. Прорывы и достижения в профессиональной самореализации: 1) освоение новых информационных технологий обучения через различные образовательные платформы — 135 чел. (95,1 %); 2) система высшего образования подтвердила свою жизнеспособность: учебный процесс не был остановлен, уровень усвоения учебного материала студентами не снизился, продолжалось проведение научных исследований — 131 чел. (92,3 %); 3) разработка новых информационных технологий, возможностей и ресурсов для поддержки и укрепления психического и физического здоровья субъектов образования, участвующих в дистанционном обучении — 125 чел. (88 %); остальные результаты не превышают порог 50 %.

5. Важный профессиональный опыт, эффективные методы организации и осуществлении дистанционного и смешанного обучения: 1) обогащение теоретического и методического инструментария для дистанционного и гибридного обучения — 128 чел. (90,1 %); 2) развитие активных форм поиска эффективных решений проблем в области дистанционного и смешанного обучения — 98 чел. (69 %); 3) создание новой методической копилки (форм, видов, методов и пр. подачи учебного материала, организации групповой и индивидуальной работы, оценивания образовательных результатов и т. п.) — 77 чел. (54,2 %); 4) формирование особой этики отношений для дистанционного формата обучения и взаимодействия — 71 чел. (50 %); остальные результаты не превышают порог 50 %.

Заключение. Таким образом, анкетирование показало, что риски и вызовы пандемийного и постпандемийного этапов развития задействовали новые эффективные ресурсы профессиональной самореализации преподавателей вузов. Именно это обеспечило определенную стабильность системы высшего образования в ситуации неопределенности. Подводя итоги анализа результатов анкетирования, мы можем обозначить наиболее важные условия эффективной организации обучения в новых условиях. Система организации и внедрения дистанционного обучения в вузах будет эффективной при наличии подготовленной телекоммуникационной и кадровой инфраструктуры, мер по обеспечению комплексной безопасности жизнедеятельности, а именно: 1) специальное оборудование и техническая поддержка для специалистов и студентов дома, в студенческих общежитиях, компьютерных классах открытого доступа с подключением к Интернету; 2) высокоскоростные каналы связи для преподавателей на дому, студентов в общежитиях, пунктах самоизоляции (лечения), а также в аудиториях вузов; 3) принятие к эксплуатации новых надежных платформ LMS (learning management system — система управления обучением, платформа или программное приложение, предназначенные для интеграции инструментов обучения, а также администрирования, управления и распространения образовательных и информационных материалов, формирования аналитики и отчетности), наполненных тематическим контентом, наличие эффективной системы удаленной координации; 4) меры по обеспечению комплексной информационно-кибернетической, психофизиологической безопасности учащихся и преподавателей во время дистанционного и смешанного обучения; 5) новые перспективные проекты, системы стимулирования для обеспечения продуктивно-поступательной профессиональной самореализации профессорско-преподавательского состава вузов; 6) определение состояния и современных тенденций развития системы образования для выделения соответствующих профессиональных компетенций преподавателя вуза с акцентом на цифровизацию, компьютеризацию образовательного процесса в условиях дистанционного и гибридного обучения.

Библиографические ссылки

1. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаршвили, О. В. Крухмалева и др. // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–100.
2. Орусова О. В. Как коронавирус изменил систему высшего образования: анализ перехода вузов на дистанционное обучение // Науч. обозрение. Серия 1: экономика и право. 2020. № 3. С. 184–195.
3. Чердакли У. С. Особенности труда педагогических работников в системе дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 // МНКО. 2020. № 3 (82). С. 279–281.
4. Афанасенкова Е. Л. Трудности и новые ресурсы профессиональной самореализации преподавателя вуза в контексте дистанционного обучения в условиях пандемии // Психолого-гуманитарный ресурс технического вуза : сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 22–23 апреля 2021 г.) / под ред. Н. Г. Григорьевой, А. А. Лежениной. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2021. С. 163–172.
5. Дистанционное обучение в период пандемии: за и против / Ф. И. Собянин, И. В. Ирхина, В. Л. Кондаков и др. // Совр. проблемы науки и образования. 2021. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30762> (дата обращения: 22.04.2022).
6. Панина Л. Ю., Фролова А. В., Щербакова Э. В. Опыт дистанционного обучения: из практики вузовского преподавания // КПЖ. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-distantsionnogo-obucheniya-iz-praktiki-vuzovskogo-prepodavaniya> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Смирнова В. А. Развитие системы дистанционного обучения в вузовском образовании в период пандемии // Совр. пед. образование. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-distantsionnogo-obucheniya-v-vuzovskom-obrazovanii-v-period-pandemii> (дата обращения: 15.04.2022).

СИСТЕМА ХРОНОТОПИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗА МИРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Образ мира человека рассматривается как динамическая система, представляющая собой совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов. Раскрываются общие закономерности становления данной системы в процессе обучения в вузе. В этом контексте анализируется взаимообусловленность развития системы идентичностей, временной перспективы и ценностно-смысловых ориентаций личности студентов вуза. На основании результатов эмпирического исследования делается вывод о ведущей роли уровня развития системы ценностно-смысловых ориентаций личности в становлении хромотопических характеристик образа мира студентов, что позволяет рассматривать его в качестве основной психологической детерминанты данного процесса.

Ключевые слова: образ мира, идентичность, временная перспектива, ценностно-смысловые ориентации, студенты.

Roman O. Balabashchuk

Kemerovo State University,

Kemerovo, Russia

THE SYSTEM OF CHRONOTOPIC CHARACTERISTICS OF THE IMAGE OF THE WORLD AND THE PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF ITS FORMATION DURING STUDY AT THE UNIVERSITY

The image of the human world is considered as a dynamic system, which is a set of spatial-temporal and value-semantic components. The general patterns of the formation of this system are revealed during study at the university. The interdependence of the development of the identity system, time perspective and value-semantic orientations of the personality

of university students is analyzed in this context. Based on empirical research, the conclusion is made about the leading role of the level of development of the system of value-semantic orientations of personality in the formation of chronotopic characteristics of the students' image of the world. This allows us to consider it as the main psychological determinant of this process.

Keywords: image of the world, identity, time perspective, value-semantic orientations, students.

Введение. Образ мира традиционно рассматривается в качестве субъективной пространственно-временной характеристики объективной среды жизнеосуществления человека. Позднее пространственно-временные координаты жизненного мира человека были дополнены еще одним, ценностно-смысловым, измерением [1]. Соответственно, образ мира рассматривается сегодня как сложная система, включающая совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов, выступающих его хронотопическими характеристиками. В своей модели образа мира в качестве пространственной характеристики мы рассматриваем систему идентичностей личности, очерчивающую ее субъективную «территорию». Временными характеристиками выступают временная перспектива личности и эмоциональное восприятие своего прошлого, настоящего и будущего. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира являются ценностные ориентации личности и степень их фактической реализации, а также осмысленность жизни и ее отдельных временных локусов [2]. Система хронотопических характеристик образа мира имеет динамический характер, трансформируясь и развиваясь под влиянием изменения условий жизни. Примером значимого для развития личности изменения среды является поступление в вуз, связанное с переходом из одной жизненной ситуации в другую и проявляющееся в изменении социального окружения и характера деятельности. В ранее проведенном нами исследовании описаны общие особенности образа мира студентов вузов, раскрыты закономерности динамики его пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих в процессе обучения [3]. Однако характер взаимосвязи и взаимовлияния названных компонентов в период обучения в вузе, определяющий

детерминацию становления образа мира как целостной системы, остается недостаточно изученным. В этой связи целью настоящего исследования является выявление содержательных компонентов образа мира студентов вуза, выступающих внутренними детерминантами его развития.

Материалы и методы. Основным методом настоящего исследования является теоретический анализ источников по данной проблеме, а также вторичный анализ данных, полученных в серии исследований образа мира и его отдельных составляющих, в том числе выполненных с участием автора, на выборке студентов российских вузов.

Результаты. Исследования закономерностей становления идентичности личности, ее временной перспективы и системы ценностно-смысловых ориентаций свидетельствуют о тесной взаимосвязи этих процессов, что позволяет говорить о том, что изменение и развитие образа мира имеет целостный характер, представляя собой системную и взаимообусловленную трансформацию его хромотопических компонентов. Так, по словам А. В. Серого и М. С. Яницкого, переход из одной жизненной ситуации в другую обуславливает кризис идентичности, переживание которого, в свою очередь, определяется переоценкой своего отношения к субъективному прошлому, настоящему и будущему [4]. По мнению авторов, идентичность личности тесно взаимосвязана и с ее ценностными ориентациями, а становление идентичности студентов вуза определяется в итоге формированием их ценностно-смысловой сферы [5]. Особенности динамики временной перспективы личности в процессе обучения вузе также предопределяются уровнем развития ценностно-смысловой сферы. Согласно результатам исследования О. А. Проконица, ее сформированность оказывается важным фактором становления временной перспективы личности и предиктором ее сбалансированности [6]. Как указывают Т. Г. Бохан и Э. В. Галажинский, смыслы и ценности можно считать пространственно-временными параметрами процесса самореализации студентов вуза, поскольку они, задавая профессиональные цели и последовательность их достижения, выступают в качестве ценностно-смысловых детерминант развития данного процесса [7].

Описанные представления позволяют предположить, что ценностно-смысловые компоненты образа мира выступают внутренними детерминантами его становления. Данное предположение подтверждает проведенный нами анализ динамики взаимосвязей пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе вузовского обучения. Корреляции между названными параметрами в базе данных, полученной нами ранее в результате исследования 450 студентов 10 городов России [3], демонстрируют отчетливую тенденцию роста значимости от младших к старшим курсам. При этом центральное место в системе корреляционных взаимосвязей между компонентами образа мира отчетливо занимают ценностные и смысловые характеристики. Тем самым система ценностно-смысловых ориентаций может рассматриваться в качестве связующего звена и внутренней детерминанты развития системы хронотопических компонентов образа мира студентов вуза.

Заключение. Образ мира студентов вуза представляет собой совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых характеристик, центральное место среди которых занимают ценностно-смысловые ориентации личности. Ведущую роль в становлении хронотопических характеристик образа мира студентов вуза занимает развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности, которое может рассматриваться в качестве психологической детерминанты данного процесса. В этой связи поддержка продуктивного развития системы ценностно-смысловых ориентаций может выступать приоритетным направлением психолого-педагогического сопровождения становления образа мира студентов вуза.

Библиографические ссылки

1. Серкин В. П. Пять определений понятия и схема образа мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
2. Образ мира как психологическая система и его природно-средовые детерминанты / М. С. Яницкий и др. // Сибир. псих. журнал. 2021. № 80. С. 6–29.

3. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе / Р. О. Балабащук и др. // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2020. № 3. С. 714–726.

4. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Псих. исследования. 2015. № 43. С. 12.

5. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Структура «Я-образа» представителей различных ценностных типов // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунаро. участием. Иркутск, 2019. С. 246–253.

6. Прокониц О. А. Ценностно-смысловые предикторы сбалансированной временной перспективы личности студентов вуза в период обучения : дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2016. 251 с.

7. Бохан Т. Г., Галажинский Э. В. Пространственно-временные параметры самореализации молодежи коренных народов Сибири // Сибир. псих. журнал. 2007. № 25. С. 172–179.

Е. П. Белинская
О. А. Тихомандрицкая

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО МИРА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ*

Выделяются психологические риски, возникающие в цифровом обществе, связанные с такими социально-психологическими проблемами, как изменение в процессах коммуникации, когнитивной обработки социальной информации и построении образа мира, процессах социализации и развития личности, в частности в эмоционально-мотивационной сфере, формировании личностной и социальной идентичности и становлении «Я» человека.

Ключевые слова: цифровое общество, психологические риски, социализация, особенности развития личности в цифровом обществе, трансформация коммуникативного опыта человека.

Elena P. Belinskaya
Olga A. Tikhomandritskaya

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Moscow, Russia*

THE GLOBAL RISKS OF THE DIGITAL WORLD AS AN URGENT PROBLEM OF SOCIAL PSYCHOLOGY

Psychological risks that arise in a digital society are distinguished, associated with such socio-psychological problems as changing in the processes of communication, cognitive processing of social information and building the image of the world, the processes of socialization and person-

* Работа выполнена в рамках гранта РНФ «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ», проект № 22-18-00230.

ality development, in particular, in the emotional-motivational sphere, the formation of personal and personality social identity and the formation of the “I” of man.

Keywords: digital society, psychological risks, socialization, features of personality development in a digital society, transformation of the communicative experience of a person.

Введение. Стремительное развитие информационных технологий в мире затрагивает почти все сферы жизни человека: трудовую деятельность, образование, семейные отношения. Во всех этих сферах происходят глубокие изменения, определяющие качественный переход к новому типу устройства общества и культуры, который в широком смысле стали называть «цифровое общество».

В обществе нового типа возникает целый ряд проблем и противоречий: с одной стороны, технологический прогресс высвобождает значительную часть ресурсов человека из необходимости выполнения рутинных трудовых действий, а с другой — повышается риск вытеснения человека из привычных сфер деятельности, что чревато для него возможными негативными последствиями [1]. С одной стороны, информационные технологии, повышая изменчивость и подвижность мира, предоставляют человеку более широкие возможности для развития, с другой — повышенная неопределенность выступает вызовом для человека, который должен суметь совладать с ней.

В целом сегодня выделяют следующие социокультурные, социально-психологические и личностно-психологические последствия цифровизации жизнедеятельности, таящие в себе еще не до конца исследованные риски.

Так, развитие и все большее внедрение в различные практики жизнедеятельности (профессиональную занятость, образование, межличностные отношения) компьютерно-опосредованных форм коммуникации привели к глобальным трансформациям коммуникативного опыта современного человека.

В частности, можно отметить появление специфического «компьютерного» дискурса, состоящего из целого ряда противоречий, таких как анонимность vs персонифицированность высказывания,

ситуативная обусловленность vs социальная и культурная маркированность, следование специфической социальной нормативности vs быстрая радикализация суждений и т. п.

Кроме того, возникает необходимость постоянного «дотраивания» образа партнера в силу редуцирования невербальных средств при цифровой коммуникации.

Возникшие новые нормы коммуникации нередко вступают в противоречие с нормами «традиционной» коммуникации, создавая новые основания для межпоколенных «разрывов» в ценностно-нормативной сфере.

Цифровизация повседневности закономерно отразилась в динамике процессов социализации и личностного развития особенно в детском, подростковом и юношеском возрасте. В настоящее время выделяют следующие основные направления происходящих изменений, характеризующих цифровую социализацию: изменение когнитивного развития детей и подростков, изменение механизмов формирования личности, изменение взаимоотношений ребенка с окружающим миром, изменение социальных и культурных практик деятельности ребенка [2].

К этому, по-видимому, следует добавить и возможность изменения эмоциональной и мотивационной сферы и подчеркнуть изменение взаимоотношений и взаимодействий ребенка со своим социальным окружением. Все это несомненно сказывается на формировании человеком своего образа мира. Известно, что в процессе социализации человек конструирует образ социального мира как целостную, многоуровневую систему представлений об окружающей социальной реальности, о себе, своей деятельности, о других людях и особенностях взаимодействия с ними. На ранних этапах социализации образ мира приобретает определенную эмоциональную окраску, что в будущем во многом задает общую тональность мироощущения человека [3].

В настоящее время социализация становится опосредованной цифровыми технологиями, которые выступают не только инструментами, но и культурными орудиями, формирующими сознание и самосознание человека [4], что несомненно сказывается как

на процессе построения образа социального мира, так и на его содержании.

В цифровом обществе происходят также изменения процессов ролевого самоопределения из-за расширения ролевого репертуара и все более быстрой смены ролей в самых разных сферах жизнедеятельности, что в свою очередь может приводить к множественности личностной и одновременно к неопределенности социальной идентичности. Диффузия социальной идентичности происходит в силу быстрой смены групповой принадлежности благодаря неограниченным возможностям социально-сетевой коммуникации в построении сетевых сообществ.

Цифровое общество характеризуется большей управляемостью процессов самопрезентации в силу их протекания преимущественно в виртуальной среде и, соответственно, снижением чувствительности к социальным и психологическим рискам в реальной коммуникации. Помимо безусловных преимуществ, предоставляемых глобальной сетью, повышает риск эскапизма — ухода от реального общения в виртуальное пространство, приводящего к изоляции, трудностям общения, снижению социального и эмоционального интеллекта и трудностям личностного развития [5].

Это может приводить к ряду негативных последствий, среди которых регулирующая функция «Я» в Интернете вытесняется функциями самопрезентации; проявляется компенсаторный характер виртуальной личности (специфическая реализация «Идеального Я»; возможная реализация агрессивных тенденций, обычно не проявляющихся в реальном социальном окружении; желание произвести особое впечатление на пользователей интернета; стремление к власти). Кроме того, существует угроза утраты определенности и устойчивости «своего Я» в социуме; могут возникнуть сложности в становлении гендерной идентичности; кризис рациональности в понимании себя и т. д. [6].

В связи с этим среди приоритетных научных задач социальной психологии выступает дальнейшее описание и анализ той социальной трансформации, которая задается повсеместным внедрением информационных технологий, делая общество цифровым, но создавая при этом определенные риски, неравнозначные по силе

воздействия и проявляющиеся по-разному у представителей разных возрастных групп.

Заключение. В соответствии с возникающими рисками в цифровом обществе должны быть разработаны и предприняты специальные меры, направленные на обеспечение психологической адаптации и информационной безопасности, в которых не последнюю роль может сыграть учет психологических особенностей разных групп населения, с учетом гендерных и поколенческих особенностей.

Библиографические ссылки

1. Кригер Е. Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем // Вестн. РГТУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 4 (14). С. 29–39.
2. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2018.
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. М. : Аспект Пресс, 2005.
4. Марцинковская Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М. : Смысл, 2015.
5. Карабанова О. А., Молчанов С. В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Нац. псих. журнал. 2018. № 3. С. 37–46.
6. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Проблемы социализации: история и современность. М.-Воронеж: МПСУ МОДЭК, 2013.

Б. И. Беспалов

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ ХОККЕИСТОВ С ПОМОЩЬЮ ТРЕНАЖЕРА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Рассматриваются некоторые возможности и проблемы диагностики профессионально важных качеств (ПВК) хоккеистов с помощью тренажера виртуальной реальности. Уточняется понятие ПВК. Описывается метод и некоторые результаты диагностики ПВК у профессиональных хоккеистов с помощью виртуального тренажера.

Ключевые слова: профессионально важные качества хоккеистов, диагностический тренажер виртуальной реальности.

Boris I. Bespalov

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

OPPORTUNITIES AND PROBLEMS OF DIAGNOSING PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF HOCKEY PLAYERS USING A VIRTUAL REALITY SIMULATOR

Some possibilities and problems of diagnosing professionally important qualities (PIQ) of hockey players using a virtual reality simulator are considered. The concept of PIQ is being clarified. The method and some results of the diagnosis of PIQ in professional hockey players using a virtual simulator are described.

Keywords: professionally important qualities of hockey players, a diagnostic virtual reality simulator.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10134.

Введение. Для формирования и диагностики у хоккеистов профессионально важных качеств, необходимых для успешного освоения и выполнения ими ключевых сенсомоторных актов (отражение летящей в ворота шайбы и др.) группой психологов и математиков под руководством доц. С. В. Леонова разрабатывается виртуальный диагностический тренажер [1]. С его помощью в условиях виртуальной реальности (ВР) могут моделироваться, осваиваться, выполняться и диагностироваться различные реальные спортивные акты начинающих и профессиональных хоккеистов.

Материалы, задачи и методы исследования. При выполнении спортивных актов в условиях ВР спортсмен одет в хоккейную форму, держит в руках реальную клюшку и может перемещаться на коньках по искусственному льду. На клюшке, суставах ног, туловище и голове размещены датчики их реальных движений, по которым компьютерная программа достаточно точно воспроизводит в виртуальной среде движения виртуальной клюшки и тела виртуального аватара спортсмена, которые он может видеть от первого лица через очки ВР. Шайбы для удара виртуальной клюшкой также предъявляются хоккеистам в виртуальной форме на фоне виртуальной ледовой арены олимпийского стадиона г. Сочи.

Она из актуальных задач работы состоит в изучении ограничений и возможностей применения данного тренажера для надежной и валидной диагностики сенсомоторных ПВК хоккеистов с помощью методов многофакторного психологического эксперимента. В пилотажном исследовании задача хоккеиста, стоящего на линии виртуальных ворот, состояла в отражении шайб, посылаемых в разные зоны ворот из разных мест хоккейной площадки, с разной скоростью и расстояния. Эти и другие условия (факторы) предъявления шайбы варьировались на нескольких уровнях с целью оценки величины их эффектов, или влияния на количество отбитых шайб, которое было показателем успешности данного спортивного акта.

Для разных комбинаций условий предъявления шайбы испытуемые выбирают разные способы (пути, особенности процессов) их отражения, которые проявляются в различных временных и пространственных характеристиках (значениях свойств) движений реальной клюшки и частей тела хоккеиста, на которых закреплены

датчики движений. Предполагалось, что некоторые характеристики способов выполнения этих движений должны значимо различаться для группы новичков и профессиональных хоккеистов, а также должны иметь значимые корреляции с числом отраженных шайб. В этом случае такие способы (особенности) движений можно трактовать как профессионально важные качества (ПВК) этих движений и выполняющих их спортсменов.

В культурно-деятельностной теории спортивных актов под ПВК имеются в виду социопсихобиофизические свойства спортсмена, а также свойства других компонентов его спортивных актов (движений органов и используемых спортсменом орудий, особенности его мотивов, целей и смыслов осуществления актов и др.), определенные характеристики (значения) которых необходимы или полезны для успешного, эффективного или оптимального (по задействованным ресурсам) выполнения акта [2, 3]. На основе эмпирически установленных профилей характеристик ПВК можно судить об уровне профессионального мастерства спортсменов.

Эмпирическим критерием того, что некоторая характеристика спортсмена или характеристика его движения относится к необходимому для успеха ПВК, может служить высокий коэффициент корреляции между этой характеристикой и каким-либо показателем успешности спортсменов (числом правильно отбитых шайб и пр.). Примером необходимого ПВК, в разной степени имеющегося у каждого спортсмена, является стаж его спортивной деятельности. Полезные для некоторого акта ПВК присутствуют не у каждого спортсмена и не выявляются с помощью корреляционного анализа. Примером полезного ПВК является владение редким, но эффективным способом выполнения акта.

Из данного определения ПВК вытекает, что задача превращения виртуального тренажера спортивных актов хоккеистов в инструмент диагностики их ПВК должна включать эмпирическое нахождение таких характеристик спортсменов, их движений, мотивов и других компонентов актов в виртуальной среде, которые бы значимо влияли на результаты актов или имели бы с ними высокие корреляции. При этом влияния виртуальных условий выполнения актов на их результаты должны быть подобны по величине влияния на резуль-

таты аналогичных реальных условий практического выполнения актов на хоккейной площадке.

В этом случае виртуальный диагностический тренажер не будет значительно искажать реальные условия и способы выполнения спортивных актов, что необходимо экспериментально обосновывать при его разработке. Например, если спортсмены пропускают значительно больше реальных шайб, с большой скоростью летящих в неудобную для них зону реальных ворот, то аналогичный эффект должен наблюдаться также при отражении шайб, предъявляемых в виртуальной реальности. Эта гипотеза может быть проверена по результатам проведенного пилотажного исследования.

Результаты. Результаты пилотажного исследования описаны в работе [1]. Их дополнительный анализ показал, что в наиболее сложных условиях предъявления шайб (в 4-м блоке), число правильно отбитых шайб в группе опытных хоккеистов значимо коррелирует с их профессиональным стажем ($r = 0,69$; $p < 0,05$). Это позволяет включить хоккейный стаж в число ПВК, необходимых для отражения шайб в сложных виртуальных условиях их предъявления.

При этом в более простых условиях предъявления шайб (в блоках 1, 2 и 3) хоккейный стаж отрицательно коррелирует ($r = -0,42$; $-0,5$ и $-0,43$) с временем реагирования (BP1) спортсменов (по одному из датчиков) на предварительную подсветку сектора поля, откуда через секунду будет подаваться шайба. Это означает, что более опытные спортсмены раньше начинают двигательную подготовку к отражению шайб, и регистрируемый параметр их движения BP1 может быть включен в число показателей их профессионального мастерства.

Заключение. Полученные в пилотажном исследовании результаты позволяют предположить, что при подборе подходящих условий предъявления шайб и способов их отражения в среде виртуального тренажера по показаниям датчиков может быть выявлен ряд временных и пространственных значений ПВК реальных движений ног, клюшки, головы и глаз испытуемых, которые прямо или косвенно связаны с успешностью отбития шайб с линии ворот. По совокупности взаимосвязанных характеристик таких

ПВК можно диагностировать также уровень профессионального мастерства хоккеистов.

Библиографические ссылки

1. Разработка технологии виртуальной реальности VR-PACE для диагностики и тренировки уровня мастерства хоккеистов / И. С. Поликанова, С. В. Леонов, А. А. Якушина и др. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 269–298. doi: 10.11621/vsp.2022.01.12
2. Беспалов Б. И. Основные понятия психологической теории спортивных актов // Психология спорта: наука, искусство, профессия / под ред. К. А. Бочавера, Л. М. Довжик. М. : Моск. ин-т психоанализа, 2019. С. 30–39.
3. Беспалов Б. И. Профессионально важные компоненты деятельности человека и подходы и их психодиагностике // Организационная психология. 2014. Т. 4, № 4. С. 12–50.

В. В. Бочаров

*Национальный медицинский исследовательский
центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева
Санкт-Петербург, Россия;*

М. Н. Юртаева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

СООТНОШЕНИЕ САМОСТИГМАТИЗАЦИИ, СТРАХА НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ И Я-ФУНКЦИЙ У БОЛЬНЫХ ПОГРАНИЧНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Актуальность исследования обосновывается задачами лечения и реабилитации больных пограничными психическими расстройствами. В исследовании определен низкий уровень самостигматизации и средний уровень страха негативной оценки в выборке. Не установлены корреляционные взаимосвязи самостигматизации и страха негативной оценки. Самостигматизация взаимосвязана с неконструктивной автономизацией личности и слабой дифференцированностью психических функций, готовностью к стигматизации других. Страх негативной оценки взаимообусловлен отсутствием системы дифференцированных отношений и эмоционального обмена.

Ключевые слова: самостигматизация, страх негативной оценки, Я-функции, пограничные расстройства, корреляционный дизайн.

Victor V. Bocharov

*V. M. Bekhterev National Medical Research
Centre for Psychiatry and Neurology
St. Petersburg;*

Marina N. Iurtaeva

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

THE RELATIONSHIP OF SELF-STIGMA, FEAR OF NEGATIVE EVALUATION AND SELF-FUNCTIONS IN PATIENTS WITH BORDERLINE DISORDERS

The relevance the tasks of treatment and rehabilitation of patients with borderline mental disorders is justified. A low level of self-stigma and an average level of fear of negative evaluation in the sample were determined. Correlations of self-stigma and fear of negative evaluation have not been established. Self-stigma is interconnected with non-constructive autonomy of the individual and weak differentiation of mental functions, willingness to stigmatize others. The fear of negative evaluation is determined by the absence of a system of differentiated relationships and emotional exchange.

Keywords: self-stigma, fear of negative evaluation, self-functions, borderline disorders, correlation design

Введение. Изучение немедицинских факторов, влияющих на качество жизни психически больных, возводит проблему самостигматизации в ранг ведущей в медико-социальных исследованиях [1]. Личностная идентичность психически больного, его Я продолжает оставаться главным ориентиром в большом числе исследовательских условий, вторичных по отношению к онтогенетически ранним структурам психики. Пограничные расстройства находятся в центре психиатрического дискурса в силу сложности картины заболевания, высокого дистресса врачей, риска самоповреждения и суицида [2].

Материалы и методы. Выборку исследования составили пациенты отделения № 21 Свердловской областной клиники неврозов «Сосновый бор», г. Екатеринбург ($N = 32$). Из них 20 женщин

и 12 мужчин в возрасте от 19 до 59 лет ($M = 38,468$; $SD \pm 11,44$). В работе использован корреляционный дизайн. Экспериментально-психологические методы: опросник интернализованной стигмы психического состояния ISMI-9 [3], шкала страха негативной оценки [4], Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA). Статистические методы: описательные статистики, непараметрический критерий Колмогорова — Смирнова, коэффициент ранговой корреляции Спирмена (корреляции приняты на уровне $p \leq 0,01$).

Результаты. Как следует из полученных результатов, в исследуемой выборке уровень самостигматизации является низким ($2,08 \pm 0,67$). Показатель страха негативной оценки соответствует среднему уровню ($37,84 \pm 11,37$). В целом результаты исследования отвечают характеристикам здоровых лиц и пациентов с невротическими расстройствами. Корреляционный анализ показателей самостигматизации, страха негативной оценки не выявил достоверных связей. Почти для всех Я-функций характерно деструктивное и дефицитарное свойство, обнаруживаемое на фоне снижения конструктивности. Исключение составляет Я-функция сексуальности. В результате корреляционного анализа обнаружены достоверные отрицательные взаимосвязи показателей самостигматизации с показателями шкал конструктивной тревоги ($r = -0,569$, $p \leq 0,01$), конструктивного внешнего и внутреннего Я-отграничения ($r = -0,497$, $p \leq 0,01$; $r = -0,463$, $p \leq 0,01$, соответственно). Установлены положительные взаимосвязи показателей шкалы самостигматизации с показателями шкал деструктивной тревоги ($r = 0,571$, $p \leq 0,01$), дефицитарного внутреннего Я-отграничения ($r = 0,563$, $p \leq 0,01$), деструктивного нарциссизма ($r = 0,473$, $p \leq 0,01$). Анализ соотношения самостигматизации и уровней выраженности Я-функций показывает значимую связь самостигматизации с общим показателем дефицитарности Я-функций ($r = 0,479$, $p \leq 0,01$).

Таким образом, формирование внутренней стигмы психического заболевания взаимосвязано с снижением интерпсихического и интрапсихического конструктивного отграничения. Это находит свое выражение в дефиците автономии и слабой дифференцированности когнитивно-аффективных синтезов. В поведении это может выражаться либо в чрезмерно рационалистических установках,

либо в импульсивных решениях и действиях. Слабость внешней границы Я указывает на то, что социальные представления о психически больных легко усваиваются и могут стать рекурсивными. В свою очередь, сугубо рационалистический или интуитивный стили познания будут способствовать возникновению и закреплению стереотипов как стабилизаторов «внутренней эмоциональной нестабильности» больных с пограничными расстройствами. Нарушение сигнальной функции тревоги определяет повышенную восприимчивость к угрозам внешнего мира, а нестабильность самооценки — легкость смены идей всемогущества и ничтожности Я.

Исследование взаимосвязей показателей страха негативной оценки как составляющей социальной тревожности обнаружило его положительную связь с показателем дефицитарной агрессии ($r = 0,470, p \leq 0,01$). Характер обнаруженной связи указывает на то, что неспособность определять себя в системе интерперсональных отношениях, строить их на доверии и эмоциональном обмене, сопряжены с нарастанием социальной тревожности и тенденцией к социальной изоляции.

Заключение. Роль страха негативной оценки в процессе самостигматизации определяется его связью с социальной тревожностью и социальной изоляцией, часто сопутствующих внутренней стигме. Показано, что дефицит в реализации активности личности взаимосвязан с страхом негативной оценки. Наличие стигмы в этом отношении не представляет непереносимого условия. Явление самостигматизации будет усиливаться по мере дедифференциации личности. Слабость границ Я как элементов структуры идентичности определяет легкость интроекции социальных представлений о психически больных у пограничных пациентов. Неравновесные отношения когний и эмоций включены в процессы стереотипизации и готовность больных пограничными расстройствами к стигматизации других.

Библиографические ссылки

1. The Burden of Stigma on Health and Well-Being: A Taxonomy of Concealment, Course, Disruptiveness, Aesthetics, Origin, and Peril Across 93 Stig-

mas / J. E. Pachankis, M. L. Hatzenbuehler, K. Wang et al. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44(4) P. 451–474.

2. *Krause-Utz A.* Dissociation, trauma, and borderline personality disorder // *Borderline personality disorder and Emotion Dysregulation*. 2022. P. 9–14.

3. Русскоязычная адаптация опросника интернализированной стигмы психического здоровья (самостигматизации) ISMI-9 / В. С. Воронцова, Д. А. Шуненков, Е. М. Иванова и др. // *Невролог. вестн.* 2019. Т. 4. С. 29–33.

4. *Григорьева И. В., Ениколопов С. Н.* Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» // *Нац. псих. журнал*. 2016. № 1 (21). С. 31–44.

А. С. Василевский

К. С. Попова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОУЧИНГА

В исследовании описываются процесс и результаты разработки и апробации методологии когнитивно-поведенческого коучинга. Уточняется понятие коучинга и определяются его границы с близкими видами профессиональной деятельности, анализируются основные ожидания от коучинга как вида профессиональной деятельности.

Ключевые слова: когнитивно-поведенческий коучинг; методология коучинга; концептуализация кейса; когнитивная карта; эвристическая, фасилитационная, психологическая составляющие.

Andrey S. Vasilevskii

Kseniya S. Popova

National Research University

“Higher School of Economics”

Moscow, Russia

DEVELOPMENT AND APPROBATION OF COGNITIVE BEHAVIORAL COACHING METHODOLOGY

The report describes process and results of development and approbation of cognitive behavioral coaching methodology. The concept of coaching is clarified and its boundaries with similar types of professional activities are defined, general expectations from coaching as a type of professional activity are analyzed.

Keywords: cognitive behavioral coaching; methodology of coaching; case conceptualization; cognitive map; heuristics, facilitation, psychology elements

Введение. Интерес к коучингу как виду помогающей деятельности зародился в России в начале 2000-х гг. и не угасает до сих пор. В бизнесе, где коучинг как инструмент развития персонала применяется во многих компаниях, ежегодно проводятся десятки исследований его востребованности (например, результаты исследования компании HAYS «Тренды в корпоративном обучении и на рынке бизнес-коучинга» 2021 г.).

Спрос на данную услугу продолжает расти, но при этом повышаются требования к:

- квалификации коуча;
- доказательной базе;
- оценке эффективности.

Несмотря на значительное количество исследований коучинга, до сих пор нет общепринятого определения этого вида деятельности и отдельного профессионального стандарта, что выражается в:

- 1) отсутствию четкого понимания границ коучинга с близкими видами деятельности (консультированием, терапией, наставничеством и т. д.);
- 2) сложности объективной оценки компетенций коучей;
- 3) отсутствию системы для выбора интервенций, тактики и стратегии коучинга;
- 4) сложности прогнозирования результатов коучинга (особенно важно для бизнеса);
- 5) сложности формирования знаний, умений и навыков у обучающихся коучингу.

Все вышеперечисленные проблемы приводят к непрозрачности услуги для клиентов, сложности контроля ее качества, неопределенности содержательной стороны обучения коучингу как профессии.

Цель данного исследования — разработать методологию когнитивно-поведенческого коучинга (далее КПК) и провести ее первичную апробацию. Предполагается, что наличие методологии позволит сделать коучинг более эффективным и понятным видом деятельности не только для коучей, но и для клиентов, а ее широкое распространение позволит провести научные исследования эффективности коучинга с и внести свой вклад в развитие направления «Психология коучинга» (Coaching Psychology).

Материалы и методы. Этапы работы:

1. Разработка понятийного аппарата, описание основных характеристик коучинговой деятельности, разработка системы принципов и модели компетенций КПК.

2. Разработка концептуальной модели КПК как логической структуры коучинга.

3. Разработка практической модели сессии коучинга в когнитивно-поведенческом подходе как временной структуры коучинговой деятельности.

4. Апробация методологии КПК в рамках отдельных проектов.

Методы исследования:

- тест для проверки знаний;
- экспертная оценка;
- оценка транскрипций сессий и заполненных схем концептуализации кейса по шкале компетенций;
- тест жизнестойкости в модификации Е. Н. Осина и Е. И. Расказовой [1];
- устное и письменное интервью с участниками.

Результаты. Результаты разработки методологии КПК в соответствии с понятием и структурой методологии практической деятельности, предложенными А. М. Новиковым и Д. А. Новиковым [2]:

- разработан понятийный аппарат: определение коучинга и его основных составляющих, понятие «когнитивная карта/концептуализация кейса клиента», определение когнитивной модели в коучинге;
- дано описание основных характеристик коучинговой деятельности и принципов дифференциации с другими видами помогающей деятельности, разработана система принципов КПК;
- разработана модель компетенций КПК: список компетенций с поведенческими маркерами, шкала балльной оценки, порядок проведения супервизии;
- разработана концептуальная модель КПК как логическая структура коучинга, состоящая из трех элементов: эвристического, фасилитационного, психологического;
- разработана практическая модель коучинга как поэтапная реализация коучингового процесса.

Результаты апробации методологии КПК:

1. Представление методологии КПК профессиональным сообществам психологов в рамках:

а) ежегодной международной конференции «Психология в бизнесе» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), ноябрь 2021, г. Москва.

б) XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Организационная психология: люди и риски» в городе Саратове 28–29 апреля 2022 года.

в) VIII Международного форума Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии, 20–22 мая 2022 г., г. Санкт-Петербург.

2. Разработка и проведение обучающего курса для студентов магистерской программы «Психология в бизнесе» НИУ ВШЭ.

В программе обучения участвовали 10 студентов.

Было выявлено, что проведенная программа обучения является достаточной для формирования начальных знаний, умений и навыков в КПК. Данный факт подтверждается результатами теста знаний, оценкой по шкале компетенций и итогами интервью. По итогам структурного интервью большинство студентов отметили системность и наличие понятной структуры как наиболее позитивной отличительной особенностью КПК.

3. КПК как часть комплексного образовательного решения «Жизнестойкость лидера».

По итогам структурированного интервью выяснилось, что сессии, проводимые по методологии КПК, помогли участникам сформулировать личную значимую цель и пути ее достижения в целостном видении себя и желаемого будущего, в результате чего усилились вовлеченность, ощущение контроля, а также готовность действовать и рисковать.

4. Проведены серии коуч-сессий с сотрудниками компании АО «Специализированный депозитарий «ИНФИНИТУМ»

На основании проведенного структурированного интервью с участниками исследования (всего 6 сотрудников) можно сделать следующие выводы:

а) у большинства клиентов КПК произошли значимые позитивные изменения не только в работе, но и в личной жизни. Данные

изменения происходили как на поведенческом, так и на эмоциональном уровне, например в виде снижения уровня тревоги и повышении уровня мотивации;

б) большинство респондентов остались удовлетворены процессом коуч-сессий благодаря применению техник и инструментов КПК;

в) общее восприятие КПК как вида помогающей деятельности позитивное.

Заключение. Системность и структурная определенность содержательной и процессуальной стороны методологии КПК предоставляет большие возможности для проведения масштабных количественных исследований с целью оценки эффективности этого вида коучинга и его научного обоснования.

В настоящий момент авторами данной статьи продолжается апробация методологии КПК в бизнес-среде в рамках исследования (№ проекта 22-00-014) программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Библиографические ссылки

1. Осин Е. Н., Рассказова Е. И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 14 Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
2. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. 1-е изд. М. : СИНТЕГ, 2007. 668 с.

А. Р. Воднева

*Научный центр когнитивных исследований
Научно-технологический университет «Сириус»
Сочи, Россия*

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАСТАВНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Межличностная синхронизация — это со-настройка двух и более людей во время социального взаимодействия. Данное исследование посвящено эксплораторному изучению динамики синхронизации движений наставника и наставляемого в разных условиях взаимодействия с помощью автоматического анализа видеоряда по зонам интереса (Motion Energy Analysis, MEA). На конференции будут представлены промежуточные результаты исследования.

Ключевые слова: межличностная синхронизация, невербальная синхронизация, диадное взаимодействие, наставничество, наставник–наставляемый.

Alyona R. Vodneva

*Center for Cognitive Sciences
Sirius University
Sochi, Russia*

INTERPERSONAL SYNCHRONY IN MENTOR-MENTEE RELATIONSHIPS

Interpersonal synchrony (i. e., alignment of two or more people during social interaction) is an actively studied phenomenon. The present research is dedicated to an exploratory study of motor synchrony/behavior dynamics between mentor and mentee across different experimental conditions using Motion Energy Analysis (MEA) software for automatic video analysis of zones of interest. Interim results of the ongoing data collection will be presented.

Keywords: interpersonal synchrony, nonverbal synchrony, dyadic interaction, mentorship, mentor-mentee.

Введение. Научный проект посвящен исследованию межличностной синхронизации в парах наставник — наставляемый. Межличностная синхронизация — это феномен совпадения или сонастройки различных физиологических процессов и поведения в ходе взаимодействия и совместной деятельности двух и более людей [1]. В данной работе фокус внимания сосредоточен на эксплораторном исследовании поведенческой синхронизации. Поведенческая синхронизация может быть оценена с помощью анализа параметров моторной активности участников взаимодействия.

Межличностная синхронизация чаще всего изучается в парах из членов семьи, например мать — ребенок, супруги или романтические партнеры, поскольку данные типы отношений характеризуются высокой степенью близости и доверия, с которыми связывают изучаемый феномен. Несмотря на то, что наставнические отношения отличаются этими характеристиками от ряда схожих в контексте передачи знания, например от отношений учителей и учеников [2], исследований межличностной синхронизации в наставнических отношениях нами найдено не было. Наставничество — это отношения, в рамках которых происходит передача опыта и знаний, формирование навыков, компетенций и ценностей через неформальное общение, основанное на доверии и партнерстве [3]. Таким образом, данное исследование позволит получить новые данные про проявление межличностной синхронизации в контексте в наставничестве.

Мы предполагаем, что степень поведенческой межличностной синхронизации будет зависеть от условий взаимодействия наставника и наставляемого. Для проверки данной гипотезы планируется проведение анализа серии случаев.

Материалы и методы. На настоящий момент выборка составляет 10 пар из наставников ($24,8 \pm 1,8$, mean $\pm$ sd; 5 женщин) и наставляемых ($21,2 \pm 2$, mean $\pm$ sd; 9 женщин), взаимодействие которых фиксировалось на видеокамеру во время следующих условий: функциональное состояние покоя до, с открытыми и закрытыми глазами, интеракционные условия (обсуждение сложных рабочих ситуаций и свободное общение без заданной темы), функциональное состояние покоя после, с открытыми и закрытыми глазами.

Анализ взаимодействия будет произведен с помощью ПО Motion Energy Analysis (MEA). MEA — это объективная компьютерная методика, предназначенная для измерения движений человека на основе видеозаписей в выделенных зонах интереса [4]. Полученные временные ряды будут обработаны с применением пакета rMEA [5] в ПО Rstudio. Чтобы убедиться в том, что показатели синхронизации валидны и измеряют реальную моторную координацию в диаде, будет проведено сравнение случайных временных рядов разных участников. Такое сравнение позволяет оценить псевдосинхронность, то есть случайное совпадение движений участников.

Заключение. На конференции будут представлены промежуточные результаты анализа поведенческих данных по уже собранным данным 10 диад. В дальнейшем планируется сопоставить уровни поведенческой и психофизиологической межличностной синхронизации.

Библиографические ссылки

1. Вахрушев Д. С., Жукова М. А. Актуальный взгляд на механизм диадной синхронизации // Совр. заруб. психология. 2021. Т. 10, № 2. С. 86–95.
2. Instructor-learner brain coupling discriminates between instructional approaches and predicts learning / Y. Pan, S. Dikker, P. Goldstein et al. // NeuroImage. 2019. Vol. 211.
3. Долженко Р. А., Сальцев А. А. Новые направления развития наставничества в РФ // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 6–12.
4. Ramseyer F. T. Motion energy analysis (MEA): A primer on the assessment of motion from video // Journal of Counseling Psychology. 2020. Vol. 67, № 4. P. 536–549.
5. Kleinbub J. R., Ramseyer F. T. rMEA: An R package to assess nonverbal synchronization in motion energy analysis time-series // Psychotherapy Research. 2020. Vol. 31, № 6. P. 817–830.

Е. Н. Волкова

*Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина;*

А. Ю. Акимова

О. М. Исаева

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ВНУТРЕННЕЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ, УВЛЕЧЕННЫХ ПРОГРАММИРОВАНИЕМ*

Анализируется внутренняя мотивация студентов, увлеченных программированием, и ее взаимосвязь с психологическим благополучием. Описывается выраженность компонентов благополучия и видов мотивации студентов, увлеченных программированием, и студентов, увлеченных другими видами деятельности. Устанавливаются корреляции между внутренней мотивацией и психологическим благополучием студентов, увлеченных программированием.

Ключевые слова: психологическое благополучие, внутренняя мотивация, студенты, увлеченность программированием.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-20262.

Elena N. Volkova

Nizhegorodsky State Pedagogical University named after K. Minin;

Anna Yu. Akimova

Oksana M. Isaeva

HSE University

Nizhny Novgorod, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND INTRINSIC MOTIVATION OF STUDENTS INVOLVED IN PROGRAMMING

The intrinsic motivation of students who are involved in programming and its correlation with psychological well-being is analyzed. It describes the severity of the components of well-being and types of motivation of students who are involved in programming, and students who are passionate about other activities. Correlations are established between intrinsic motivation and psychological well-being of students who are involved in programming.

Keywords: psychological well-being, internal motivation, students, involved in programming.

Введение. Изучение программирования как нового вида деятельности и личностных особенностей молодежи, осваивающих этот вид деятельности, представляет собой актуальную задачу нашего времени. При этом известно, что внутренние условия деятельности, связанные с развитием личностного потенциала специалиста, во многом определяют успешность и самореализацию человека в профессии. В этой связи концепт внутренней мотивации обладает высоким объяснительным потенциалом. Специальных исследований внутренней мотивации молодежи, увлеченной программированием, и ее взаимосвязи с психологическим благополучием, нам обнаружить не удалось.

Цель исследования — изучение внутренней мотивации студентов, увлеченных программированием, и ее взаимосвязи с психологическим благополучием. Теоретической рамкой исследования явились теория самодетерминации Р. Райана и Э. Дэси, в рамках которой внутренняя мотивация рассматривается как побуждающая человека

к деятельности изнутри и является результатом удовлетворения потребностей в автономии, компетентности и связи с другими [1, 2] и модель благополучия PERMA, разработанная и представленная М. Селигманом в «Теории благополучия» [3].

Материалы и методы. Изучение внутренней мотивации проводилось с использованием «Опросника профессиональной мотивации» (ОПМ-2) (Осин, Горбунова, Гордеева, Иванова, Кошелева, Овчинникова, 2017). Для изучения внутренней мотивации молодежи, увлеченной программированием, вводный вопрос опросника был изменен на «Почему ты занимаешься программированием?» и для увлеченной определенной деятельностью, не связанной с программированием, молодежи — «Почему ты занимаешься данной деятельностью?».

Изучение психологического благополучия студентов проводилось с использованием русскоязычной версии опросника PERMA-Profilер (Butler, Kern, 2016 в адаптации Исаевой О. М., Акимовой А. Ю., Волковой Е. Н.) [4, 5].

Для сбора данных была разработана google-форма опросников, которая распространялась через интернет-ресурсы.

В исследовании приняли участие 178 человек в возрасте от 17 до 22 лет, сообщившие о своем увлечении разными видами деятельности; среди них 97 человек (54,5 %) — студенты вузов, увлеченные программированием (возраст $M = 19,7$; $SD = 2,1$; мужчин 44,9 %, девушек 55,1 %).

Результаты. Исследование уровня благополучия студентов, увлеченных программированием, и студентов, увлеченных другими видами деятельности, показало, что средние значения благополучия находятся в пределах нормы для русскоязычной выборки (табл. 1).

Показатели общего благополучия таких шкал PERMA, как «позитивные эмоции», «вовлеченность», «смысл», а также показатели по дополнительным шкалам PERMA-Profilер («здоровье», «счастье»), значимо ниже, а по шкале «одиночество» значимо выше в группе студентов, увлеченных программированием, в сравнении со студентами, увлеченными другими видами деятельности ($p < 0,001$).

Результаты исследования у студентов мотивации к деятельности, которой они увлечены, показывают, что лидирующее место занимает

внутренняя мотивация ($M = 3,91$ у увлеченных программированием и $M = 4,48$ у увлеченных другими видами деятельности) (табл. 2).

Таблица 1
Показатели благополучия увлеченных деятельностью студентов (N=178)

Название шкалы благополучия	Выборка молодежи (N=6229)		Выборка увлеченных деятельностью студентов (N=178)		Группа студентов, увлеченных программированием (N=81)		Группа студентов, увлеченных не программированием (N=97)		Значимость различий показателей благополучия студентов, увлеченных и не увлеченных программированием	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	t	p
Общее благополучие	7,13	1,55	7,21	1,51	6,94	1,49	7,54	1,49	2,88	0,005*
Позитивные эмоции	7,29	1,80	7,31	1,82	6,99	1,86	7,69	1,70	2,62	0,010*
Взаимоотношения	7,13	1,60	7,16	2,14	6,77	2,15	7,63	2,05	1,19	0,237
Вовлеченность	7,11	2,00	7,19	1,52	7,06	1,52	7,33	1,52	2,70	0,008**
Смысл	7,18	1,55	7,02	2,04	6,73	2,08	7,37	1,95	2,10	0,037*
Достижения	7,10	1,90	7,35	1,45	7,16	1,52	7,58	1,33	1,93	0,055
Негативные эмоции	6,70	1,98	5,80	1,99	5,79	2,04	5,81	1,94	0,056	0,956
Здоровье	5,80	1,87	6,55	2,26	6,19	2,20	6,97	2,26	2,33	0,021*
Одиночество	4,53	2,78	4,63	2,82	5,04	2,78	4,14	2,81	2,16	0,032*
Счастье	7,17	1,52	7,23	2,07	6,91	2,12	7,62	1,94	2,31	0,032*

Обозначения:

M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; t – значение критерия Стьюдента, p – уровень статистической значимости; * – различия статистически достоверны.

Таблица 2
Показатели мотивации к деятельности у студентов (N=178)

Название шкалы	Группа студентов, увлеченных программированием (N=81)		Группа студентов, увлеченных не программированием (N=97)		Выборка увлеченной молодежи (N=178)		Значимость различий показателей мотивации студентов, увлеченных и не увлеченных программированием	
	M	SD	M	SD	M	SD	t	p
Внутренняя мотивация	3,91	1,02	4,48	0,78	4,17	0,96	4,01	0,000*
Интегрированная мотивация	3,58	1,04	4,28	0,75	3,90	0,98	5,09	0,000*
Идентифицированная мотивация	3,75	0,97	4,00	0,80	3,87	0,90	1,86	0,064
Интроецированная мотивация	1,70	0,78	2,04	1,03	1,86	0,92	2,49	0,014*
Экстернальная мотивация	2,00	0,89	1,82	0,99	1,92	0,94	1,27	0,207
Амотивация	2,20	1,05	2,00	1,05	2,11	1,05	1,29	0,199
Автономная мотивация	11,25	2,75	12,77	1,94	11,94	2,52	4,19	0,000*
Контролируемая мотивация	5,90	2,23	5,86	2,68	5,88	2,44	0,117	0,907
RAI	5,35	3,93	6,91	3,56	6,06	3,83	2,76	0,006*

Обозначения:

M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; t – значение критерия Стьюдента, p – уровень статистической значимости; * – различия статистически достоверны.

Однако внутренняя, интегрированная, интроецированная, автономная мотивация и RAI в группе студентов, увлеченных программированием, значимо ниже ($t_1 = 4,01$, $t_2 = 5,09$, $t_3 = 2,49$, $t_4 = 4,19$, $t_5 = 2,76$, соответственно, при $p < 0,05$), чем в группе студентов, увлеченных иными видами деятельности (табл. 2).

Заключение. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Увлеченные программированием и иными видами деятельности студенты обнаружили общий уровень благополучия, схожий с группой российской молодежи в целом. Это позволяет предположить, что показатели их благополучия — показатели, характерные в целом для данной возрастной категории.

2. Благополучие студентов, увлеченных и не увлеченных программированием, различается по шкалам; благополучие студентов, увлеченных программированием имеет тенденцию к снижению этих показателей.

3. Характеристика мотивации деятельности студентов, увлеченных программированием, имеет тенденцию выраженности тех типов мотивации, которые принято называть экстермальными. Возможно, увлеченность программированием — не продукт бескорыстного познавательного интереса студентов, а вызвана внешними по отношению к этой деятельности причинами (престиж, востребованность, необходимость развития ИТ-навыков, популярность деятельности и т. д.).

Результаты исследования могут быть использованы руководством и педагогическим составом вузов для разработки программ обучения и выстраивании индивидуальных образовательных маршрутов студентов ИТ-направлений, выявления одаренных в программировании студентов для дальнейшего закрепления их в профессии.

Библиографические ссылки

1. *Deci E. L., Ryan R. M.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York : Guilford Publishing. 2017. 756 p.

2. *Ryan R., Deci E.* Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future di-

rections // Contemporary educational psychology. 2020. Vol. 61:101860. doi:10.1016/j.cedpsych.2020.101860

3. *Seligman M. E. P.* Flourishing. A new understanding of happiness and well-being and how to achieve them. Boston : Nicholas Brealey, 2011.

4. *Butler J., Kern M. L.* The PERMA-Profler: A brief multidimensional measure of flourishing // International Journal of Wellbeing. 2016. Vol. 6 (3). P. 1–48. doi:10.5502/ijw.v6i3.526

5. *Исаева О. М., Акимова А. Ю., Волкова Е. Н.* Опросник благополучия PERMA-Profler: апробация русскоязычной версии // Соц. психология и общество. 2022. № 3. (в печати)

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВИЛАМ ВУЗОВСКОГО ЭТИКЕТА: ОСНОВАНИЯ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В условиях уменьшения определенности и императивности правил вузовского этикета важно понять, какие формы этикетного поведения студенты и преподаватели склонны поддерживать и/или отвергать. Предлагается подход к исследованию отношения участников учебного процесса к правилам вузовского этикета через выявление приемлемых/неприемлемых форм поведения.

Ключевые слова: вузовский этикет, студенты и преподаватели, этикетные ситуации, приемлемость форм поведения, этикетно ненормативные формы поведения.

Olga I. Danilenko

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

ATTITUDE TO RULES OF UNIVERSITY ETIQUETTE: FOUNDATIONS AND EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. In the context of decrease in certainty and imperativeness of the rules of university etiquette, it is important to understand what forms of etiquette behavior students and teachers tend to support and/or reject. An approach is proposed to study the attitude of educational process participants to the rules of university etiquette through identification of acceptable/unacceptable forms of behavior.

Keywords: university etiquette, students and teachers, etiquette situations, acceptability of forms of behavior, etiquetally non-normative forms of behavior.

Введение. Вузовский этикет как инструмент нормативной регуляции поведения направлен на обеспечение согласованного

и бесконфликтного взаимодействия участников учебного процесса. С позиций принятой нами социокультурной трактовки, сущность этикета состоит в фиксации форм выражения групповой идентичности и отношений между людьми, обладающими разными статусами. При этом «демократичность современного этикета проявляется в том, что его правила в наибольшей степени призваны утвердить такие общие нравственные принципы, как равенство, безусловное уважение достоинства личности, права человека» [1]. Традиционные правила вузовского этикета предполагают различие статусов участников учебного процесса при безусловном признании достоинства личности каждого из них. Будучи неинституционализированными, правила этикета становятся реальным регулятором поведения, только если добровольно соблюдаются студентами и преподавателями. Изменения, происходящие в системе высшего образования, провоцируют сомнения в определенности статусных различий между студентами и преподавателями, лежащее в основе традиционного этикета, и, как следствие, сомнения в актуальности некоторых правил [2]. Для новых ситуаций общения, связанных с распространением мобильных средств связи и онлайн-общения, правила только вырабатываются. Таким образом, позитивный потенциал вузовского этикета в оптимизации взаимодействия между участниками учебного процесса не всегда реализуется. Важно понять, какие формы этикетного поведения студенты и преподаватели склонны поддерживать и какие для этого есть психологические основания. На наш взгляд, все ситуации взаимодействия преподавателей и студентов в рамках учебного процесса можно рассматривать как этикетные, то есть потенциально регулируемые правилами этикета (что, безусловно, не исключает в особых случаях отказа от соблюдения этих правил). Существенная трудность состоит в том, что лишь немногие формы поведения, ожидаемые от участников учебного процесса, представлены в специальных документах и в индивидуальном сознании в виде правил этикета. Хотя эти правила реализуются в повседневной практике взаимодействия и имплицитно присутствуют в сознании его участников, они редко рефлексированы как таковые до тех пор, пока не происходит их

явное нарушение. Преодолеть эту трудность можно, если в поисках ответа на вопрос об отношении к правилам вузовского этикета выявить формы поведения, не отвечающие этим правилам. Такие формы поведения мы обозначаем как этикетно ненормативные. Субъекты осознанно или неосознанно оценивают степень приемлемости этих форм поведения для себя. Можно ожидать, что в силу добровольности соблюдения правил этикета, именно приемлемые для большинства участников учебного процесса формы этикетного поведения будут реализованы в повседневных практиках.

Цель проведенного нами эмпирического исследования состояла в том, чтобы определить, какие формы поведения студенты и преподаватели оценивают как приемлемые или неприемлемые. Здесь мы кратко представим дизайн и некоторые результаты исследования, которые в развернутом виде опубликованы в статье [3].

Материалы и методы. Данные были получены посредством специально разработанного опросника «Приемлемость-90», в котором представлены описания девяти этикетно ненормативных форм поведения студентов и преподавателей. Респондентам предлагалось оценить допустимость каждой из форм от 1 («совершенно неприемлемо» до 10 («вполне приемлемо»). Список включенных в опросник форм поведения был создан на основе предварительно полученных от студентов и преподавателей описаний этикетно нормативных и ненормативных форм поведения. Выборка основной части исследования составила 274 человека, из них 134 преподавателя и 140 студентов.

Результаты. Факторный анализ позволил обнаружить девять типов этикетно ненормативных форм поведения: невербальное проявление неуважения, непунктуальность, игнорирование вузовских правил, вербальное проявление неуважения, использование гаджетов, не соответствующее ситуации, нарушение личных границ, комфортизация, несогласованность действий, несоблюдение сроков переписки. Выделив факторы, мы получили возможность определить степень приемлемости форм поведения, которые в них представлены. Обнаружено, что подавляющее большинство форм поведения, отнесенных к факторам «вербальное проявление неуважения», «нарушение личных границ» и «невербальное проявление

неуважения» оценены как категорически неприемлемые. В таких формах поведения проявляется неуважение достоинства личности. Формы поведения, вошедшие в другие факторы, характеризуют отношение к организации учебного процесса. И студенты, и преподаватели в целом более толерантно относятся к ненормативному поведению в этой сфере. При этом наблюдается значительное различие в оценках этих выборок: преподаватели 65 % форм поведения, отнесенных к этой группе, оценивают как категорически неприемлемые, тогда как студенты — только 20 %. Очевидно, преподаватели в силу своей роли склонны выше оценивать значимость форм поведения, обеспечивающих продуктивность учебного процесса, чем студенты. Однако нам хотелось бы подчеркнуть солидарность студентов и преподавателей в недопустимости унижения достоинства личности в той или иной форме. Это свидетельствует о том, что «мировоззренческий разрыв» [4, с. 49], о котором пишут исследователи трансформации ценностных предпочтений, не является радикальным.

Заключение. Выявленные различия в оценках студентами и преподавателями форм поведения, обеспечивающих дисциплину и продуктивность учебного процесса, стимулируют к обсуждению истоков рассогласованности, возможной коррекции традиционных моделей поведения и формированию новых правил. Категорическое неприятие студентами и преподавателями форм поведения, унижающих человеческое достоинство, является прочным основанием для позитивного отношения к традиционным правилам вузовского этикета, в основе которых лежит признание безусловной ценности личности каждого из участников учебного процесса.

Библиографические ссылки

1. Апресян Р. Г. Этикет // Этика : энциклопед. словарь. М. : Гардарики, 2001. URL: https://iphras.ru/enc_eth/107.html (дата обращения: 15.06.2022).
2. Даниленко О. И. Вузовский этикет и этикетное поведение в вузе: современная ситуация и перспективы изучения // Психология образования: современный вектор развития : монография / науч. ред. Б. С. Малых, Т. И. Тихомирова ; отв. ред. И. А. Ершова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 228–244.

3. Даниленко О. И. Приемлемость форм поведения в этикетных ситуациях: оценки студентов и преподавателей // *Вопр. психологии*. 2021. № 6. С. 23–33.

4. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / М. С. Яницкий, А. В. Серый, О. А. Браун и др. // *Сибир. псих. журнал*. 2019. № 72. С. 46–67.

Е. А. Евстафеева

Томский государственный университет,

Томск, Россия;

М. А. Демчук

Челябинский государственный университет,

Челябинск, Россия

ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У ЖЕНЩИН С БЛАГОПРИЯТНЫМ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ТЕЧЕНИЕМ РАКА МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ*

В работе показаны результаты сравнительного анализа показателей качества жизни у женщин, больных злокачественным новообразованием молочной железы, с благоприятным и неблагоприятным течением болезни. В группу с благоприятным течением болезни включались женщины, больные раком молочной железы, в случае наступления полной ремиссии; стабилизации болезни. В группу женщин с неблагоприятным течением рака молочной железы включались пациенты в случае генерализации процесса, рецидива, прогрессии опухоли. У всей выборки женщин оценивались показатели качества жизни с помощью методики SF-36. Всего в исследовании приняли участие 202 женщины с диагнозом рака молочной железы. Результаты сравнительного анализа показали отсутствие достоверных различий в показателях качества жизни между группой женщин, больных раком молочной железы, с благоприятным течением заболевания и группой женщин с неблагоприятным течением болезни.

Ключевые слова: онкопсихология, рак молочной железы, качество жизни, благоприятное и неблагоприятное течение онкозаболевания.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №21-18-00434, <https://rscf.ru/project/21-18-00434/>

Evgeniya A. Evstafeeva

NI Tomsk State University;

Maxim A. Demchuk

Chelyabinsk State University

Tomsk, Chelyabinsk, Russia

INDICATORS OF QUALITY OF LIFE IN WOMEN WITH FAVORABLE AND UNFAVORABLE COURSE OF BREAST CANCER

The paper shows the results of a comparative analysis of quality of life indicators in women with malignant neoplasm of the breast, with a favorable and unfavorable course of the disease. The group with a favorable course of the disease included women with breast cancer, in case of complete remission; stabilization of the disease. The group of women with an unfavorable course of breast cancer included patients in the case of generalization of the process, relapse, tumor progression. Quality of life indicators were assessed in the entire sample of women using the SF-36 technique. A total of 202 women with a diagnosis of breast cancer participated in the study. The results of the comparative analysis showed the absence of significant differences in quality of life indicators between a group of women with breast cancer with a favorable course of the disease and a group of women with an unfavorable course of the disease.

Keywords: oncop psychology, breast cancer, quality of life, favorable and unfavorable course of cancer.

Введение. В России рак молочной железы является ведущей онкологической патологией у женщин. По данным МНИОИ им. П. А. Герцена, из всего контингента больных злокачественными новообразованиями пациентов с раком молочной железы приходится 18,3 % [1]. Показатель распространенности злокачественного новообразования молочной железы каждый год растет. И это связано как с ростом заболеваемости, так и увеличением выживаемости онкологических больных. Во многом увеличение показателей выживаемости онкопациентов связано с достижениями в диагностике, системе лечения и профилактики. При этом медицина находится в постоянном поиске дополнительных критериев оценки эффективности лечения злока-

чественного новообразования молочной железы. Одним из таких критериев является показатель качества жизни больных пациентов. Оценка качества жизни онкопациентов дает возможность оценить эффективность программы лечения с последующей ее коррекцией.

Методология исследования качества жизни позволяет измерить ключевые аспекты жизнедеятельности человека и изучить на основании его самооценки изменения физического, психологического и социального функционирования [2]. Качество жизни — интегральная характеристика физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанная на его субъективном восприятии [3]. Поэтому исследование качества жизни женщин, больных раком молочной железы, дает возможность выявить факторы, влияющие на течение болезни и прогноз выживаемости.

Цель: изучение качества жизни женщин, больных раком молочной железы, с благоприятным и неблагоприятным течением заболевания.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что оценка качества жизни у женщин, больных раком молочной железы и имеющих благоприятное течение заболевания, будет выше по сравнению с оценкой качества жизни женщин с неблагоприятным течением онкозаболевания.

Материалы и методы. В исследовании качества жизни использовался опросник SF-36 (36-ItemShort-FormHealthSurvey). Опросник позволяет оценить физическое, психологическое и социальное функционирование пациента: General Health, GH; Physical Functioning, PF; Role-Physical Functioning, RP; Role-Emotional, RE; Social Functioning, SF; Bodily Pain, BP; Vitality, VT; Mental Health, MH, сравнительный анализ (с использованием непараметрического критерия U Манна — Уитни). В исследовании приняли участие 202 женщины в возрасте от 26 до 80 лет, проживающие в России. В первую клиническую группу вошли женщины ($N = 147$), больные раком молочной железы, с благоприятным течением болезни. Под благоприятным течением болезни понимается полная ремиссия (полное исчезновение всех опухолевых проявлений заболевания, подтвержденное теми же методами исследования, которыми эти изменения выявлялись и при

необходимости дополнительными методами исследования); стабилизация болезни (незначительный рост или уменьшение опухоли без появления новых очагов поражения, при котором невозможно отнести эти изменения ни к прогрессированию болезни, ни к частичной регрессии).

Вторая клиническая группа ($N = 52$) — женщины, больные раком молочной железы с неблагоприятным течением болезни. Под неблагоприятным течением болезни подразумевается генерализация процесса (распространение болезненного процесса по всему органу или даже организму), рецидив (возвращение злокачественного заболевания после периода ремиссии), прогрессия опухоли (появление новых отдаленных метастазов рака с последующими возможными качественными изменениями в структуре новообразования). В исследование вошли пациентки, которым выполнено хирургическое вмешательство в плане радикального лечения.

Для исследования качества жизни женщин, больных раком молочной железы, использовался опросник SF-36 (36-Item Short-Form Health Survey). Опросник позволяет оценить физическое, психологическое и социальное функционирование пациента. Результаты опросника представляются в баллах по 8 шкалам (максимум 100 баллов): общее состояние здоровья (General Health, GH); физическое функционирование (Physical Functioning, PF); ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (Role-Physical Functioning, RP); ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (Role-Emotional, RE); социальное функционирование (Social Functioning, SF); интенсивность боли (Bodily Pain, BP); жизненная активность (Vitality, VT); психическое здоровье (Mental Health, MH).

Результаты. Все значения физического и психического показателей качества жизни в обеих выборках средние или ниже среднего нормативного значения здоровой выборки. В результате сравнительного анализа не получены достоверные различия по всем показателям качества жизни (SF-36) между исследуемыми группами женщин больных раком молочной железы ($p \geq 0,05$).

Закключение. Оценка качества жизни у женщин, больных раком молочной железы, с неблагоприятным течением болезни не от-

личается от оценки женщин, больных раком молочной железы, с благоприятным течением болезни. Возможно, полученная травма в результате обнаружения данного патологического заболевания настолько сильно изменила субъективное восприятие пациенток своего состояния, что для улучшения оценки качества жизни требуется больший безрецидивный период и необходима психологическая поддержка. Результаты исследования могут использоваться патологами, изучающими нарушения функций организма под влиянием онкозаболевания.

Библиографические ссылки

1. Состояние онкологической помощи населению России в 2021 году / под ред. А. Д. Каприна, В. В. Старинского, А. О. Шахзадовой. М. : МНИОИ им. П. А. Герцена — филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, 2022. 239 с.
2. Новик А. А., Ионова Т. И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / под ред. Ю. Л. Шевченко. 3-е изд., перераб. и допол. М. : Изд-во РАЕН, 2012.
3. Практические рекомендации по оценке качества жизни у онкологических больных / Т. И. Ионова, Т. П. Никитина, А. А. Новик и др. // Злокачеств. опухоли. 2017. № 7 (3s2). С. 586–591.

В. А. Емелин

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

УТРАТА УСТОЙЧИВОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УСКОРЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Развитие технологий информационного общества становится решающим фактором трансформации профессиональной идентичности современных специалистов. Процессы автоматизации, роботизации, цифровизации и создания искусственного интеллекта оказывают все большее влияние на трудовую деятельность человека, либо радикально меняя ее, либо отменяя ее отдельные формы. Результатом технологического ускорения становится утрата профессиональной идентичности в отдельных областях трудовой деятельности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, информационное общество, информационные технологии, цифровизация, автоматизация, роботизация.

Vadim A. Emelin

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

THE LOSS OF THE STABLE PROFESSIONAL IDENTITY AS A CONSEQUENCE OF THE TECHNOLOGICAL SPEEDUP IN THE INFORMATION SOCIETY

The development of technologies of the information society becomes a decisive factor for the transformation of the professional identity in modern experts. The processes of automation, robotization, digitalization and the

* Исследование осуществлено при поддержке гранта РНФ 22-28-01590 «Профессиональная идентичность в условиях развития технологий информационного общества».

creation of artificial intelligence have an increasing influence on the human labour activity, either radically changing it or abolishing its certain forms. The technological progress makes it possible to free a person from a heavy physical and routine work entirely replacing the person with a machine in a number of fields of activity.

Keywords: the professional identity, the information society, information technologies, digitalization, automation, robotization.

Введение. В условиях развития информационного общества векторы трансформации профессиональной идентичности определяются постоянно ускоряющимся влиянием совершенствующихся и все более усложняющихся технологий. Их трансформирующая сила пронизывает все общество, меняет способы взаимодействия людей внутри и вовне организаций, что позволяет говорить наряду с технологическим прогрессом о социальном прогрессе, отражающемся в том, как люди работают и общаются друг с другом.

Особую тревогу как в научных кругах, так и обыденном сознании, вызывает вопрос о будущем труда в целом и профессиональной идентичности в частности. На фоне постоянно меняющейся востребованности и появлением новых видов трудовой деятельности в среде специалистов нарастают опасения не успеть за инновациями. Возникает страх потери осмысленности своей работы и ее важности для организации и общества в целом, и что особенно важно для самосознания работающего человека — утратить ценность самого себя. Подобные проблемы выходят за рамки экономики и становятся предметом рассмотрения психологии, роль которой в ситуации постоянного технологического обновления человеческого труда приобретает особое значение.

Материалы и методы. Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают культурно-историческая и деятельностно-смысловая парадигмы в психологии (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев), а также материалы исследований идентичности личности и ее трансформации в информационном обществе (А. Ш. Тхостов, В. А. Емелин, Е. И. Рассказова [1] и др.).

Результаты. Сегодня проблема «ненужности» ряда специалистов становится основной причиной кризиса идентичности

в условиях исчезновения традиционных и возникновения новых профессий. Всемирный экономический форум (WEF) предсказывает потерю рабочих мест 75 млн человек к 2022 году из-за развития технологий и инноваций. Согласно прогнозам ведущих экономистов, наблюдающих глобальные процессы, которые стирают границы между странами, углубляющуюся цифровизацию, приводящую к замене бухгалтеров, кассиров, турагентов, нотариусов компьютерными программами. Совершенствующаяся роботизация грозит полной заменой человека в рутинных и опасных операциях, а современному специалисту придется менять образ мышления, и он будет находиться в состоянии постоянного переобучения и непрерывного образования, и основным трендом станет уникальность его компетенций и экспертный уровень знаний [2]. Вопрос в том, смогут ли люди справиться с вызовами, чтобы занять эти новые вакансии. Причем тенденции таковы, что придется переживать кризис профессиональной идентичности каждые 10 лет — с очередной технологической революцией, что будет довольно сложно делать человеку с возрастом [3]. Изменчивость/устойчивость идентичности неразрывно связана с фундаментальным для человека вопросом «кто я?», с поиском смысла жизни, переживанием удовлетворенности от занятий карьерой, семьей или творчеством [4]. Многозадачность, сложность — феномены, обусловленные большим количеством внешних и внутренних факторов профессиональной идентичности, диктуют комплексную парадигму к ее изучению, опирающуюся, с одной стороны, на сложившиеся теории идентичности, описывающие «роли» человека, связанные с видами деятельности и особенностями взаимодействия с другими людьми, в которые он включен как субъект, и с другой — на подходы к идентичности, основанные на выделении социальных групп, в контексте которых и происходит определение видов и форм идентичности, в том числе профессиональной [5]. Актуальность изучения профессиональной идентичности в условиях развития информационного общества связана с пониманием необходимости увязывания изменений внешней среды (появления новых высокотехнологичных средств труда, внедрения технологии искусственного интеллекта, применения технологий дистанционной работы, распространения практик

цифрового контроля и т. п.). Утрата устойчивости профессиональной идентичности, ощущение, неопределенности и, как следствие, потеря целостности деятельности и осмысленности существования приводят к росту негативных состояний, связанных с отсутствием контроля над своей жизнью, восприятием себя как придатка техносреды, тотальной зависимостью от нее, что становится серьезной психологической проблемой на фоне экспонентно возрастающего социокультурного и технологического ускорения. Будущее мира труда становится неразрывно связано с неуклонно возрастающей сложностью и незаменимостью технологических медиумов как в обыденной, так и в профессиональной деятельности, требующих от человека развития совершенно новых навыков и умений.

Заключение. Проекты будущего труда требуют взвешенной и комплексной экономической, философской, этической, социологической, политической, демографической и, что существенно, психологической оценки. Но то, в чем сходятся практически все исследователи, — будущее человека как в его трудовой деятельности, так и в повседневности свободного времени, связано с информационными технологиями, с их огромными возможностями и потенциальными опасностями. Именно это делает проблему трансформации профессиональной идентичности в контексте взаимоотношений человека и технологий одной из ключевых в современных науках о человеке.

Библиографические ссылки

1. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Нац. псих. журнал. 2012. № 1. С. 81–87.
2. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. № 114. P. 254–280.
3. Юваль Ной Харари. Возможно, мы одно из последних поколений Homo sapiens // Понимаем жизнь глубже. URL: <https://lifedeeper.ru/post/844-vozmozhno-my-odno-iz-poslednih-pokolenij-homo-sapiens-juval-noj-harari/?fbclid=IwAR0DJHcZbxMAZkHQBkFqfFnOfWaF0afr8FBmaSx-AeBogzgQemS3sJFRFsJjU> (дата обращения: 20.01.2021).

4. *Селигман М.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006.

5. *Емелин В.А., Солдатова Г.У.* Феномен многозадачности в контексте культурно-исторических трансформаций и растущей сложности в информационном обществе // Вестн. Москов. ун-та. Серия 14: Психология. 2021. № 3. С. 4–22.

А. А. Калакуцкая

*Московский государственный
психолого-педагогический университет
Москва, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ В ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПСИХОЛОГА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В данной работе представлены основные проблемы, с которыми сталкивается психолог при использовании метафорических ассоциативных карт в своей профессиональной деятельности, а также намечены пути их решения в свете культурно-исторической теории.

Ключевые слова: метафорические ассоциативные карты, знак, смысл, художественные способности.

Alina A. Kalakutskaya

*Moscow State University of Psychology and Education
Moscow, Russia*

PROBLEMS OF USING METAPHORICAL ASSOCIATIVE CARDS IN THE DIAGNOSTIC WORK OF A PSYCHOLOGIST AND WAYS TO SOLVE THEM

The article presents the main problems that a psychologist faces when using metaphorical associative cards in their professional activity and also shows ways to solve them in the light of cultural-historical theory.

Keywords: metaphorical associative cards, sign, meaning, art abilities.

Введение. Метафорические ассоциативные карты (МАК) как инструмент деятельности психолога начали активно использоваться в России в последнее десятилетие. Стоит отметить, что и само направление достаточно молодое: первая колода «Ох» (название созвучно произвольному восклицанию «Ох!» при вытягивании карт) вышла в 1985 году в Германии благодаря психотерапевту и издателю Моритцу Эгетмейеру и художнику Эли Раману [1]. На сегодняшний

день по всему миру выпущено множество колод как общих (для работы с любыми темами), так и специализированных (например, колода «Соре» [2], предназначенная для диагностики и коррекции травматического опыта).

Обозначим проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются специалисты, использующие МАК в своей работе, и наметим пути преодоления трудностей.

Во-первых, опубликовано крайне мало материалов по МАК. Причем большинство из тех публикаций, которыми мы располагаем, носит узко прикладной характер, не опирающийся на теоретический анализ возможностей данного диагностического инструмента.

Рассматривая метафорические карты в русле культурно-исторической психологии, мы считаем, что МАК — это знаки, которые сами по себе не имеют значений, и только мы, люди, наделяем их таковыми. Данное утверждение легко подтверждается эмпирически: у разных испытуемых одни и те же карты актуализируют разные смыслы. Именно человек является источником смыслообразования, а МАК являются лишь новым средством осознания смыслов, значимых для человека.

Второй проблемой является отсутствие полноценной психологической подготовки в сфере обучения методики работы с МАК. На наш взгляд, работа психолога, пользующегося данным инструментом, должна основываться на базовых принципах культурно-исторического подхода, которые в свое время заложил Л. С. Выготский.

В-третьих, мы располагаем скудной информацией о возможностях использования МАК в различных сферах психологической диагностики и психотерапевтической работы. Метафорические карты наиболее широко используются в психологическом консультировании [3–5].

Мы убеждены, что МАК — это перспективный инструмент, который может найти успешное применение и в других сферах, в частности в психологии творчества для диагностики художественных способностей. Согласно нашим исследованиям, те респонденты, чья профессия и род деятельности связаны с искусством, контактируют с МАК иначе, если сравнивать с представителями других профессий.

Четвертая проблема: среди клиентов часто бытует мнение: МАК — это инструмент для гадания, словно в картинках уже заложено определенное значение. Иногда специалисту приходится приложить много усилий, чтобы доказать обратное.

Выготский Л. С. обращает внимание на следующее: «...мы не только толкуем по-разному художественные произведения, но и по-разному их переживаем» [6, с. 65]. Он считал, что опыты Роршаха с чернильными пятнами доказывают тот факт, что «...мы привносим от себя смысл, строй и выражение в самое случайное и бессмысленное нагромождение форм» [6, с. 64]. Возможно даже, что Л. С. Выготский выражал определенную озабоченность тем, что осмыслить можно все что угодно. Это обстоятельство усложняет создание любого диагностического инструмента, где за основу берется механизм проекции.

Л. С. Выготский утверждает: «...пользование произведениями искусства в каждую эпоху имеет свой особый характер...» [6, с. 64]. Таким образом, на любое художественное произведение мы смотрим через призму той культурно-исторической парадигмы, которую «вобрали» в себя.

Исследуя психологические механизмы творчества, Н. Н. Нечаев отмечает: «...любая картина <...> является лишь полотном или картоном, на котором имеются так или иначе расположенные цветовые пятна. <...> Однако ее действие на человека определяется не этими пятнами, а теми способами расшифровки этих пятен, которыми владеет человек и которые “превращают” эти пятна в образ» [7, с. 19]. Следовательно, не само художественное произведение передает свои смыслы: оно помогает родиться смыслам у человека, который «взаимодействует» с тем или иным художественным произведением как артефактом культуры.

В соответствие с нашими исследованиями, восприятие метафорических карт, скульптур и репродукций известных картин происходит схожим образом с тем отличием, что «взаимодействие» с МАК осуществляется быстрее и легче.

И, наконец, пятая проблема: МАК могут вызывать трудности у некоторых людей: респонденты не понимают, что изображено на карте и как это похоже на их жизнь (и похоже ли).

По нашим данным, эта проблема отчасти нивелируется, если респонденты работают не с готовыми картами, а конструируют карты самостоятельно методом коллажа. В этом случае испытуемые более открыты к диалогу, продуцируют большее количество ассоциаций к «своей» карте, а также более развернуто и конкретно говорят о том, чем данная карта «похожа» на их жизнь.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что МАК представляют собой культурные средства, позволяющие субъекту актуализировать систему собственных смысловых образований и осознать их психологическую значимость. Работа с МАК (особенно с теми, которые создаются самим испытуемым), является эффективным способом выявления и осознания того, что волнует человека (смыслы, ценности, внутренние конфликты и т. д.). МАК может выступать современным диагностическим инструментом выявления уровня развития художественных способностей, что существенно расширяет сферу применения карт.

Дальнейшее исследование МАК как инструмента диагностической (преимущественно) и коррекционной работы, опираясь на идеи культурно-исторической психологии, базирующихся на деятельностном подходе, призвано решить те проблемы использования метафорических карт, которые есть сейчас.

Библиографические ссылки

1. *Кишке В.* Клубника за окном. Ассоциативные карты для коммуникации и творчества. Germany : Oh Verlag, 2010. 240 с.
2. *Ayalon O.* Healing trauma with metaphoric cards // *Therapy Today*. September. 2009. P. 22–24.
3. *Дмитриева Н. В., Буравцова Н. В.* Метафорические карты в пространстве консультирования и психотерапии. Новосибирск, 2015. 228 с.
4. *Кац Г., Мухаматулина Е.* Метафорические карты: Руководство для психолога. М., 2018. 160 с.
5. *Толстая С. В.* Метафорические ассоциативные карты в семейном консультировании. М., 2019. 260 с.
6. *Вygотский Л. С.* Психология искусства. СПб., 2021. 448 с.
7. *Нечаев Н. Н.* Очеловечивание творчества: проблемы и перспективы // *Вопр. психологии*. 2006. № 3. С. 3–26.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК КАК ЦЕННОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ*

Рассматривается проблема обеспокоенности внешнего облика с позиций ценностного подхода. Анализируются теоретические представления о ценности внешнего облика. Приводятся результаты проведенного автором исследования, направленного на изучение ценности внешнего облика в структуре ценностных ориентаций старшеклассников.

Ключевые слова: внешний облик, оценка и самооценка внешнего облика, обеспокоенность; внешний облик в структуре ценностных ориентаций старшеклассников.

Elena V. Kapitanova

*Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

APPEARANCE AS A VALUE FOR MODERN HIGH SCHOOL STUDENTS**

The problem of concern about appearance is considered from the standpoint of the value approach. Theoretical ideas about the value of appearance are analyzed. The results of the research conducted by the author aimed at studying the value of appearance in the structure of value orientations of high school students are presented.

Keywords: appearance, assessment and self-assessment of appearance, concern; appearance in the structure of value orientations of high school students.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01641 «Детерминанты влияния оценок внешнего облика на межличностные отношения и субъективное благополучие»).

** The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01641 “Determinants of the influence of appearance assessments on interpersonal relationships and subjective well-being”).

Введение. В современной социальной психологии актуальность исследования феномена внешнего облика во многом обусловлена тем, что физическая привлекательность рассматривается как предиктор успеха в разных сферах жизни. Это своего рода тренд, который сформирован массовой культурой. Транслируемые эталоны привлекательной внешности оказывают социокультурное давление на личность, порождают обеспокоенность своим внешним обликом, неудовлетворенность собой, что приводит к низкой самооценке, депрессивным переживаниям. Большое количество работ в этой связи, особенно за рубежом, посвящено проблемам нарушения пищевого поведения, то есть рассматриваются переживания неудовлетворенности, обеспокоенности внешним обликом в клиническом аспекте [1, 2]. Нам представляется актуальным изучение проблем внешнего облика, исследование оценок внешнего облика, переживания обеспокоенности внешним обликом с позиций ценностного подхода [3–5], где внешний облик рассматривается как инструментальная ценность для достижения более значимых терминальных жизненных ценностей. При этом недостаточно изученной является структура ценностных ориентаций, то, какое место занимает ценность привлекательного внешнего облика в этой структуре у молодых людей, особенно старшеклассников.

В настоящее время старшеклассники как особая социальная группа недостаточно охарактеризована в социальной психологии. Чаще всего современных старшеклассников как особую группу рассматривают в аспекте требований, установленных к личностным, метапредметным, предметным результатам обучающихся в соответствии с требованиями ФГОС [6]. В связи с этим весьма актуальной является задача исследования социально-психологических особенностей обучающихся раннего юношеского возраста, которые определяются спецификой условий социализации. В современных условиях глобализации информационного пространства, стремительных изменений в социально-экономических и социокультурных процессах происходят кардинальные перемены в привычном образе жизни молодых людей. Стремительное развитие информационных и компьютерных технологий, многообразие и открытость информационного пространства стали новой реальностью и все сильнее

влияют на формирование и развитие современных школьников [7]. С одной стороны, закономерности их развития не слишком отличаются от сформулированных ранее. Как известно, ведущей для данной социальной группы является учебно-профессиональная деятельность, в мотивационной сфере — ориентация на будущее. Центральным психологическим новообразованием юношеского возраста является становление и стабилизация образа «Я», то есть складывается система представлений о самом себе, представляющая собой психологическую реальность, влияющую на поведение, представления, переживания. С другой стороны, следствием потребности приспособиться к новой социальной действительности в условиях изменения и усложнения социокультурной среды, является поиск значимого набора ценностей, разрушение предыдущей системы ценностей, возможно, в результате значительного разрыва в ценностях и культуре со старшими поколениями, отсутствия достаточного опыта, отрицания прежних морально-нравственных норм. Скорее всего, преобладание визуальной культуры, закрепление за социальными сетями статуса важнейших для молодежи условий самопрезентации оказывают влияние на формирование новых ценностей, в том числе ценности привлекательного внешнего облика.

Таким образом, недостаточно изученной является структура ценностных ориентаций молодых людей, особенно старшекласников, то, какое место занимает внешний облик в этой структуре. Кроме того, имеются противоречивые данные относительно гендерного аспекта данной проблемы, то есть то, насколько привлекательный внешний облик является ценностью как для девушек, так и для юношей.

Материалы и методы. Было проведено исследование, целью которого стало изучение ценности внешнего облика в структуре ценностных ориентаций старшекласников. В исследовании приняли 112 старшекласников в возрасте 16–17 лет. С помощью модифицированной методики С. С. Бубновой «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» определяли степень выраженности ценностных ориентаций молодых людей [3]. С помощью методов математической статистики (коэффициент корреляции r -Пирсона, непараметрический U -критерий Манна — Уитни)

определяли взаимосвязи ценностных ориентаций молодых людей, различия в структуре ценностных ориентаций, в том числе ценности привлекательного внешнего облика для юношей и девушек.

Результаты. Результаты показали, что существуют значимые взаимосвязи между ценностью привлекательного внешнего облика и другими ценностями. Внешний облик представляет значимую ценность для молодых людей, наряду с такими ценностями, как «любовь» ($p < 0,01$), «признание и уважение людей, влияние на окружающих» ($p < 0,05$), «приятное времяпрепровождение, отдых» ($p < 0,05$). В целом у старшеклассников наиболее выраженными оказались такие ценности, как «помощь и милосердие к другим людям», «признание и уважение людей и влияние на окружающих», «приятное времяпрепровождение, отдых».

Закключение. В нашем исследовании не обнаружены различия в значимости ценности привлекательного внешнего облика для юношей и девушек ($p > 0,05$). То есть привлекательный внешний облик является в равной степени ценностью и для тех, и для других. Эти результаты расходятся с данными полученными ранее в группах студентов, что можно объяснить как возрастными различиями, так и изменениями социальной ситуации развития.

Библиографические ссылки

1. Esnaola I., Rodríguez A., Goñi A. Body dissatisfaction and perceived sociocultural pressures: gender and age differences // *Salud Mental*. 2010. № 33(1). P. 21–29.
2. Hoffmann S., Warschburger P. Weight, shape, and muscularity concerns in male and female adolescents: predictors of change and influences on eating concern // *Int. J. Eating Disord*. 2017. № 50. P. 139–147.
3. Лабунская В. А. Отношение к внешнему облику, его ценность и значимость как факторы субъективного благополучия молодых людей // *Соц. психология и общество*. 2019. Т. 10, № 3. С. 51–66.
4. Лабунская В. А. Внешний облик человека как культурно-природный конструкт, порождающий психологические проблемы личности // *Лицо человека в контекстах природы, технологий и культуры* / отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков. М. : Когито-Центр; Москов. ин-т психоанализа, 2020.

5. *Сериков Г. В.* Привлекательный внешний облик как «инструментальная ценность», его значимость в молодежной среде // Психолог. 2018. № 6. С. 21–31.

6. *Шевченко Н. И.* Современные старшеклассники как социальная группа: особенности и условия их социализации // Человеческий капитал. 2015. № 02 (74). С. 20–24.

7. *Солдатова Г. У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Соц. психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80.

Е. П. Карасев

З. А. Сагова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ОПТИМИЗМА И СПОРТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ЛЮБИТЕЛЕЙ

В работе обсуждается роль в успешности спортсменов таких психологических характеристик, как оптимизм и спортивная идентичность; рассматриваются положительные стороны и недостатки этих явлений в сфере спорта. Целью исследования является изучение связи оптимизма и спортивной идентичности с профессиональной успешностью у атлетов-профессионалов и любителей. В исследовании приняли участие 46 спортсменов 16–36 лет из различных видов спорта. Полученные результаты показывают незначимые отличия уровня оптимизма у спортсменов и любителей, но при этом существенную разницу в спортивной идентичности. Нет значимой связи жизненной удовлетворенности профессиональных спортсменов с их спортивной идентичностью, но выявлена прямая и значимая корреляция с уровнем оптимизма; корреляции данных параметров у непрофессионалов не обнаружены.

Ключевые слова: спорт, оптимизм, спортивная идентичность, профессиональная успешность.

Egor P. Karasev

Zurida A. Sagova

Moscow State University

Moscow, Russia

STUDYING OPTIMISM AND SPORTS IDENTITY IN PROFESSIONAL ATHLETES AND AMATEURS

The paper discusses the role of such psychological characteristics as optimism and sports identity in the success of athletes, discusses the positive

aspects and disadvantages of these phenomena in the field of sports. The purpose of the study is to study the relationship of optimism and sports identity with professional success among professional and amateur athletes. The study involved 46 athletes aged 16–36 from various sports. The results obtained showed insignificant differences in the level of optimism among athletes and amateurs, but at the same time a significant difference in sports identity. There is no significant connection between the life satisfaction of professional athletes and their sports identity, but a direct and significant correlation with the level of optimism was revealed; amateur athletes did not find any correlation of these parameters.

Keywords: sport, optimism, sports identity, professional success.

Введение. Спорт развивается активно, становится все более профессиональным и жестким, увеличивается число его поклонников. Усиливается внимание ко всем аспектам спорта, растут вкладываемые в него финансовые ресурсы. Если раньше спорт являлся в основном досугом, то сейчас он представляет собой целую индустрию. Все это ведет к повышению ответственности спортсменов перед командой, тренером, спонсорами; усиливаются напряженность и различные страхи, которые ярко проявляются в разных ситуациях деятельности спортсмена. Соответственно, возрастает роль личности и личностных качеств спортсмена, его индивидуальных особенностей, психологических возможностей в эффективности спортивной деятельности, что привлекает внимание исследователей спортивной деятельности. Высокие спортивные достижения часто связывают с уверенностью в себе, мотивацией и другими психологическими характеристиками. Чем сильнее проявляются эти качества, тем выше эффективность спортивной деятельности. Ряд исследований убедительно показывают важность оптимизма для успешности в профессиональной деятельности. В спортивном контексте оптимизм представляет собой личностный конструкт, который действует как решающий фактор, когда спортсмен оказывается в ситуации давления и неудач, часто определяя его способность справляться с неблагоприятными ситуациями и действовать эффективно. Однако нельзя делать однозначные выводы в пользу оптимизма в связи с результатами других исследований, например

о негативных следствиях нереалистичного оптимизма. Понятие спортивной идентичности стало разрабатываться только с конца XX века, и Б. Брюэр с соавт. впервые определяли ее как степень, в которой человек идентифицирует себя с ролью спортсмена [1]. Дальнейшее повышение внимания к спортивной идентичности связано с разработками проблем профессиональной успешности и удовлетворенности и их связи с рядом параметров профессиональной деятельности, в том числе идентичностью [2]. В исследованиях по данной проблематике выявлена положительная корреляция между спортивной идентичностью и приверженностью к тренировкам у профессионалов, их ориентацией на спортивные цели, высокие результаты деятельности и уровень получаемого удовольствия от занятий спортом по сравнению с менее вовлеченными в роль спортсмена [2]. Однако другие исследования показали, что выраженная спортивная идентичность может иметь негативные последствия: связь с низкой склонностью обращаться за помощью к другим; использование спортсменами недопустимых стратегий повышения производительности — анаболических стероидов и других средств, что ведет к перетренированности, травмам, нарушениям режима питания и т. д. [3]. Таким образом, на основании вышеизложенного была выбрана цель исследования, которая заключалась в изучении связи оптимизма и спортивной идентичности с профессиональной успешностью спортсмена. Кроме того, мы считали важным сравнение обозначенной связи у атлетов-профессионалов и у любителей. В связи с этим сформулировали гипотезы: уровень оптимизма и спортивной идентичности у спортсменов-профессионалов существенно выше, чем у любителей; оптимизм и спортивная идентичность у профессиональных спортсменов значимо связаны с их жизненной удовлетворенностью (субъективной успешностью).

Материалы и методы. «Шкала оптимизма и активности» [4]; «Шкала измерения спортивной идентичности (AIMS)» [5]; «Тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ)» [6]. С помощью последнего теста мы определяли уровень успешности респондентов, основываясь на утверждениях ряда авторов (например, Л. Г. Серовой) [7], согласно которым субъективная успешность спортсмена может быть отражена показателями его жизненной удовлет-

воренности, т. к. спортивная деятельность играет значимую роль в жизни спортсмена, а успехи и неудачи существенно влияют на его психологическое состояние. Выборку составили 46 спортсменов 16–36 лет из различных видов спорта, 30 мужчин и 16 женщин. Для статистического анализа данных использовалась программа SPSS. В целях выявления корреляционных связей мы применяли непараметрический коэффициент корреляции Спирмена; U-критерий Манна — Уитни для сравнения выраженности показателей в двух несвязных выборках — профессиональных спортсменов и любителей.

Результаты и заключение. Несмотря на полученные ранее данные о заметной разнице уровня оптимизма у спортсменов и любителей, наши результаты сравнения двух групп по данному параметру оказались не значимы, что частично опровергает наше первое предположение. Это можно объяснить тем, что на протяжении тренировочного и соревновательного процессов для спортсмена важно поддерживать уровень оптимизма, чтобы легче справляться с трудностями и неблагоприятными состояниями; в то же время любители, вероятно, также находят в своей жизни немало других поводов для оптимизма. Спортивная идентичность у профессиональных спортсменов и любителей существенно различаются. Это ожидаемо, т. к. спортивная деятельность сопряжена с высокой вовлеченностью во все аспекты тренировок, соревнований, ориентацией на спортивные цели и результаты, эмоциональной связью с коллегами по команде, тренерами и соперниками, что неизбежно повышает отождествление себя с ролью спортсмена. Результаты подтверждают ранее полученные данные других исследований [2, 5]. Показатели свидетельствуют о прямой сильной и значимой связи уровня оптимизма и жизненной удовлетворенности у профессиональных спортсменов, у непрофессионалов такой связи не обнаружено. Это подтверждает утверждения о том, что физическая активность способствует улучшению эмоционального состояния и повышению удовлетворенности разными аспектами жизни. Сопряженность регулярной и продолжительной активности с постановкой и достижением целей, получением разного рода вознаграждений — эмоциональных, материальных и других, также улучшает

качество жизни. Наши результаты согласуются с заключениями других специалистов [8]. Не удалось найти значимой связи спортивной идентичности с индексом жизненной удовлетворенности спортсменов, видимо, на их успешность и благополучие наибольшее влияние оказывают другие факторы, на уточнение которых требуется дополнительная информация. Полученные данные позволяют наметить новые направления в исследовании факторов, лежащих в основе формирования и развития оптимизма и спортивной идентичности, способствующих успешности спортсмена.

Библиографические ссылки

1. Athletic identity: Hercules' muscles or Achilles heel? / B. W. Brewer et al. // International Journal of Sport Psychology. 1993. № 24. P. 237–254.
2. Horton R., Mack D. Athletic identity in marathon runners: Functional focus or dysfunctional commitment? // Journal of Sport Behavior. 2000. № 23(2). P. 101.
3. How far is too far? Understanding identity and overconformity in collegiate wrestlers / A. Coker-Cranney et al. // Qual. Res. Sport Exerc. Health. 2018. № 10. P. 92–116.
4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с. (Серия «Практикум»).
5. Кушнирук А. В. Спортивная идентичность как предиктор самоофективности у людей с разным уровнем вовлеченности в физическую активность // Нац. псих. журнал. 2021. № 3 (43). С. 43–49.
6. Панина Н. В. Методика измерения жизненной удовлетворенности. М., 1993. С. 107–114.
7. Серова Л. Г. Психология спорта. М., 2014. 215 с.
8. A. Physical exercise and psychological well-being: A population study in Finland / P. Hassmén et al. // Preventive Medicine. 2000. № 30. P. 17–25.

А. И. Косаченко
А. И. Котюсов
Д. А. Касанов
А. С. Гашкова
Ю. Г. Павлов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

ПУПИЛЛОМЕТРИЧЕСКОЕ И ЭЛЕКТРОЭНЦЕФАЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ ПЕРЕГРУЗКИ

В работе представлены результаты исследования трех физиологических маркеров когнитивной перегрузки: диаметр зрачка, мощность альфа- и тета-ритмов, а также поведенческие (успешность запоминания) показатели когнитивной перегрузки.

Ключевые слова: когнитивная перегрузка, рабочая память, пупиллометрия, ЭЭГ.

Alexandra. I. Kosachenko
Alexander. I. Kotyusov
Dauren. A. Kasanov
Anastasia. S. Gashkova
Yuri. G. Pavlov

*Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

PUPILLOMETRIC AND ELECTROENCEPHALOGRAPHIC STUDY OF COGNITIVE OVERLOAD

This study presents such physiological markers of cognitive overload as pupil diameter, the power of alpha and theta rhythms, as well as its behavioral (successful memorization) indicators.

Keywords: cognitive overload, working memory, pupillometry, EEG.

Введение. В 1974 году Peavler [1] в задаче на запоминание рядов цифр разной длины (digit span task) показал, что размер зрачка достигает асимптоты при нагрузке рабочей памяти семью элементами, даже при предъявлении ряда из 13 цифр, запоминание которого вызывает когнитивную перегрузку. Однако в 1996 году Granholm и соавт. [2] обнаружили, что задача запоминания 13 цифр сопровождается резким уменьшением диаметра зрачка до размера, записанного в фоне (baseline) после достижения пика на уровне около 7 цифр.

Материалы и методы. В большинстве предыдущих психофизиологических исследований нагрузка на вербальную рабочую память лежала в узком диапазоне, в среднем от 1 до 6 элементов, но не превышала 10 элементов [3]. Неясно, как мозг реагирует на нагрузку, превышающую нормальный объем рабочей памяти человека. Поэтому целью нашей работы стало не только разрешение противоречий в данных о поведении зрачка при наступлении когнитивной перегрузки, но и изучение этого феномена с помощью ЭЭГ и пупиллометрии.

Результаты. Было показано, что с увеличением длины ряда количество правильно воспроизведенных цифр убывает ($M \pm SD$; $4,49 \pm 0,7$, $3,48 \pm 0,63$, $2,72 \pm 0,64$ цифры в условиях запоминания 5, 9 и 13 цифр). Эффект влияния экспериментального условия на количество правильно воспроизведенных цифр был статистически значим ($F(2, 164) = 150.83$, $p < .001$, $\eta^2 = .65$).

Анализ пупиллометрии показал, что полученные нами результаты согласуются с результатами, представленными в работе Granholm et al.: в случае предъявления 13 цифр диаметр зрачка достигал пика на 7-й цифре, а затем начинал уменьшаться после предъявления 9-й цифры, достигая исходного размера на этапе воспроизведения участником услышанного ряда [2].

Анализ ЭЭГ данных был проведен для среднелобного тета-ритма в отведении Fz и теменно-затылочного альфа-ритма в отведении Pz. Как следует из обзора нейрофизиологических исследований рабочей памяти [3], тета-ритм является наиболее воспроизводимым маркером нагрузки на вербальную рабочую память. Было получено, что тета-активность, схожим образом с диаметром

зрчка, после достижения пика примерно на 7-й цифре начинала снижать свое значение после нагрузки в девять цифр, хотя так и не достигла исходного уровня. Эти наблюдения подтверждаются значимым эффектом когнитивной нагрузки ($F(2, 128) = 23,35$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,27$).

Анализ активности альфа-ритма показал другой паттерн изменения: наблюдалось увеличение его мощности при первых трех элементах, после чего альфа-активность начинала снижаться. Был обнаружен статистически значимый эффект нагрузки с 4 по 13 цифру в задаче на запоминание ($F(2, 100) = 24,19$, $p < .001$, $\eta^2 = .27$). При этом можно значимо выделить два уровня нагрузки: средний (запоминание 6, 7, 8 и 9 цифр) и высокий (запоминание 10, 11, 12 и 13 цифр).

В качестве одного из нейромаркеров когнитивной нагрузки был использован компонент вызванных потенциалов P300 (P3b). Амплитуда P300 уменьшалась при увеличении нагрузки на рабочую память вплоть до достижения минимального значения на уровне в семь цифр и далее выходила на плато (эффект когнитивной нагрузки $F(2, 111) = 11,92$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,16$).

Также были обнаружены значимые корреляции между успешностью выполнения задачи и размером зрчка, альфа-мощностью в условии запоминания, равные 0,27 и -0,35 соответственно. Важно отметить, что тета и размер зрчка также коррелировали ($\rho = 0,36$, $p < 0,001$), в отличие от альфа и размера зрчка ($\rho = -0,12$).

Анализ факторизации переменных позволяет сделать следующие выводы. Объем рабочей памяти в разных тестах выделяется в один фактор (второй). Кроме того, этот фактор включает в себя и тест антисаккад, связанный с функционированием когнитивного контроля. Первый фактор может быть связан как со скоростью обработки информации, так и с эффективностью работы селективного внимания. Отрицательная связь первого фактора со вторым, который можно назвать «фактором рабочей памяти», показывает вклад селективного внимания в функционирование рабочей памяти.

Закключение. Наши результаты демонстрируют диссоциацию между физиологическими коррелятами когнитивной нагрузки.

Тета-активность и диаметр зрачка снижают свое значение после достижения пика примерно на уровне в семь цифр. При этом альфа-активность и амплитуда Р300 при достижении ожидаемого эффекта перегрузки выходят на плато.

Вероятно, альфа-ритм отражает процессы распределения внимания. При достижении определенного порога дальнейшее дробление ограниченных ресурсов внимания становится невозможным и уровень параметра приходит к стабильному состоянию. В то же время когнитивные усилия, затрачиваемые на кодирование и удержание информации в памяти, снижаются при достижении пиковой нагрузки, т. к., как можно предположить из словесных отчетов испытуемых, при субъективном достижении состояния когнитивной перегрузки испытуемые переходили от стратегии «запомнить все» к стратегии «запомнить хотя бы несколько первых цифр». В таком случае возможно, что при достижении пика усилия по удержанию внимания и поддержанию следа памяти истощаются и корреляты этих процессов — диаметр зрачка и мощность среднелобного тета-ритма — переходят к планомерному снижению.

Библиографические ссылки

1. *Peavler W.S.* Pupil size, information overload, and performance differences // *Psychophysiology*. 1974. Vol. 11, № 5. P. 559–566.
2. *Pupillary responses index cognitive resource limitations / E. Granholm et al.* // *Psychophysiology*. 1996. Vol. 33, № 4. P. 457–461.
3. *Pavlov Y. G., Kotchoubey B.* Oscillatory brain activity and maintenance of verbal and visual working memory: A systematic review // *Psychophysiology*. 2020. P. e13735.

Д. Г. Костанян

О. В. Сысоева

Научный центр когнитивных исследований

Научно-технологический университет «Сириус»

Сочи, Россия

ВЛИЯНИЕ СЛУХОВОЙ СТИМУЛЯЦИИ НА РАЗЛИЧЕНИЕ СТИМУЛОВ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ И ПОВЕДЕНЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Рассматривалось влияние тетанизации на физиологические и поведенческие показатели. Блоки oddball, содержащие стандартный стимул (1 000 Гц) и два девиантных стимула (1 020 и 980 Гц) предъявлялись до и после тетанизирующего блока (предъявление одного из девиантных тонов (1 020 Гц) каждые 75 мс в течение 2 минут). Компонент вызванного потенциала MMN на тетанизированный и нететанизированный тон, стал различаться после тетанизации, хоть и не различался до нее. Хотя среднее значение MMN коррелировала со способностью различать тона, улучшение различительной способности на поведенческом уровне после тетанизации не было обнаружено.

Ключевые слова: LTP, слуховые вызванные потенциалы, MMN, тетанизации, способность различать слуховые стимулы.

Daria G. Kostanyan

Olga V. Sysoeva

Scientific Center for Cognitive Research

Sirius University of Science and Technology

Sochi, Russia

THE EFFECT OF AUDITORY STIMULATION ON THE DIFFERENTIATION OF STIMULI AT THE PHYSIOLOGICAL AND BEHAVIORAL LEVELS

The effect of tetanization on physiological and behavioral processes was considered. Oddball blocks with the standard stimulus (1 000 Hz) and two deviant stimuli (1 020 and 980 Hz) were presented before and after the tetanizing block (presentation of one of the deviant tones (1 020 Hz) every 75 ms, during 2 minutes). The MMN component in response to the tetanized

and non-tetanized tone became different after tetanization, even though it did not differ before tetanization. The mean MMN value correlated with discriminability in a psychophysical task, but the behavioral improvement after tetanization was not detected.

Keywords: LTP, auditory evoked potentials, MMN, tetanizations, auditory discriminability.

Введение. Изменения в нервной системе, происходящие под воздействием внешних стимулов, являются базовой основой научения и памяти. Одной из форм такого изменения является долговременная потенциация (LTP), заключающаяся в усилении синаптической связи при воздействии повторяющийся стимуляции [3]. Пластичность синаптических связей может быть важной основой изменения сенсорных процессов, а именно повышения чувствительности и различительной способности. Одним из способов неинвазивной оценки нейрофизиологических изменений могут служить сенсорные вызванные потенциалы. Так, некоторые их компоненты (например, MMN, отражающий реакцию на отличающийся стимул [6]) имеют свойство изменяться под воздействием сенсорной стимуляции [2, 4, 5]. Однако не всех работах удавалось воспроизвести увеличение MMN после тетанизации [1]. Задачей нашего исследования было оценить, как последствия слуховой LTP-подобная отражаются на уровне компонентов вызванных потенциалов (в частности MMN) и на способности различать слуховые стимулы на поведенческом уровне.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 27 здоровых участников (11 мужчин, средний возраст $23,3 \pm 5,6$ лет). В качестве стимулов использовались тоны трех частот: 1 020 Гц, 1 000 Гц и 980 Гц. (Длительность 50 мс, громкость — 75 дБ, интервал между стимулами — 400 мс.) Стимулы предъявлялись в соответствии с oddball-парадигмой. Стандартные тоны 1 000 Гц перемежались двумя девиантами 1 020 Гц и 980 Гц, предъявляемыми с вероятностью 10 или 5 % каждый. Всего предъявлялось два oddball-блока (до и после тетанизации). LTP-подобная стимуляция (тетанизация) длилась 2 минуты и состояла из тона 1 020 Гц, подаваемого каждые

75 мс. Во время предъявления звуков участники смотрели видео с выключенным звуком.

Также в исследовании было два психофизических блока (до и после тетанизации), ставящих задачу обнаружить различия между двумя тонами в предъявляемой паре (два стандартных 1 000 Гц, стандартный 1 000 Гц и девиантный 980 Гц, или стандартный 1 000 Гц и девиантный 1 020 Гц). Каждая из возможных пар предъявлялась пять раз. В качестве меры способности к различению сигналов использовался критерий *arprime*.

Запись ЭЭГ проводилась с использованием 128-каналов с помощью установки actiCHamp Plus (Brain Products GmbH). Обработка ЭЭГ проводилась в программе MNE Python. Данные были сегментированы на эпохи от 100 мс до начала стимула и 450 мс после него. Эпохи усреднялись отдельно по каждому типу стимула.

Амплитуда MMN оценивалась по разностной волне, рассчитанной путем вычитания вызванных потенциалов на стандартные тоны (1 000 Гц) из потенциалов на девиантные тоны (980 Гц или 1 020 Гц). Амплитуды MMN рассчитывались по получившимся разностным волнам как среднее значение в интервале 100–250 мс после предъявления стимула.

Для оценки различий компонента MMN в зависимости от типа стимула (тетанизированный 1 020 Гц или нететанизированный 980 Гц) и условия (до и после тетанизации) использовался дисперсионный анализ с повторными измерениями (ANOVA). Для изучения взаимосвязи между нейрофизиологическими и поведенческими показателями рассматривалась корреляция Пирсона.

Результаты. Для амплитуды MMN во фронтальных отведениях было выявлено значимое взаимодействие факторов тетанизации и типа стимула ($F(1,24) = 5,127$; $p = 0,033$). Последующий Post-hoc анализ показал, что MMN в ответ на тетанизированный тон (1 020 Гц) не отличались от MMN на нететанизированный тон (980 Гц) до тетанизации ($p = 0,161$), но значительно возрос после тетанизации ($p = 0,035$). Результаты психофизических блоков показали, что в целом участники были способны различать предъявляемые тона (*arprime* > 0,5). При сопоставлении физиологических и психофизических данных не было видно изменений в способности

к дискриминации после тетанизации. Однако значимая корреляция была обнаружена при рассмотрении среднего значения MMN и среднего значения arprime . Таким образом, влияние тетанизации на поведенческие показатели очень слабое.

Заключение. Были показаны нейрофизиологические изменения, вызванные кратковременной слуховой тетанизацией, которые предположительно связаны с долговременной потенциацией (LTP). Быстрая слуховая стимуляция не только увеличивает компонент MMN, делая его больше для тетанизированного (1 020 Гц), чем нететанизированного (980 Гц) звука, но и ослабляет MMN в ответ на нететанизированный звук соседней частоты (980 Гц). Однако на поведенческом уровне значительного изменения в способности различать после тетанизации обнаружено не было.

Библиографические ссылки

1. Влияние слуховой LTP-подобной стимуляции на обработку звуковых стимулов / А.Б. Ребрейкина и др. // Сенсорные системы. 2021. № 2 (35). С. 144–152.
2. Induction of LTP in the human auditory cortex by sensory stimulation / W.C. Clapp et al. // European Journal of Neuroscience. 2005. № 5 (22). P. 1135–1140.
3. Rapid visual stimulation induces N-methyl-D-aspartate receptor-dependent sensory long-term potentiation in the rat cortex / W.C. Clapp et al. // NeuroReport. 2006. № 5 (17). P. 511–515.
4. *Kompus K.* Westerhausen Increased MMN amplitude following passive perceptual learning with LTP-like rapid stimulation // Neuroscience Letters. 2018. (666). P. 28–31.
5. A method to induce human cortical long-term potentiation by acoustic stimulation / G. Lei et al. // Acta Oto-Laryngologica. 2017. № 10 (137). P. 1069–1076.
6. Development of a memory trace for a complex sound in the human brain / R. Näätänen et al. // NeuroReport. 1993. № 5 (4). P. 503–506.

Т. А. Кустова

*Научный центр когнитивных исследований
Научно-технологический университет «Сириус»
Сочи, Россия*

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ синхронизации В ДИАДАХ «НАСТАВНИК — НАСТАВЛЯЕМЫЙ»

Исследование направлено на оценку психофизиологических показателей межличностной синхронизации методом одновременной регистрации электроэнцефалограммы (ЭЭГ) диады наставника и наставляемого во время различных условий взаимодействия. Предварительный анализ демонстрирует значимо более высокие ЭЭГ показатели синхронизации в условии состоянии покоя, чем в интеракционных (при доминировании уровня синхронизации в свободном общении) и отсутствие различий между показателями синхронизации до и после взаимодействия.

Ключевые слова: межличностная синхронизация, психофизиологическая синхронизация, ЭЭГ, наставничество, диадное взаимодействие, социальная нейронаука.

Tatiana A. Kustova

*Center for Cognitive Sciences
Sirius University
Sochi, Russia*

PSYCHOPHYSIOLOGICAL INDEXES OF INTERPERSONAL SYNCHRONY IN MENTOR-MENTEE DYADS

The current study focuses on mentor-mentee dyads interpersonal psychophysiological synchrony assessment by simultaneous electroencephalogram (EEG) while various interaction settings. Preliminary analysis showed significantly higher psychophysiological synchrony in resting state EEG than in interactional settings (with dominance of synchrony in free

communication than in discussion) and no difference between synchrony in pre and post interaction resting states.

Keywords: interpersonal synchrony, psychophysiological synchrony, EEG, mentoring, dyadic interaction, social neuroscience.

Введение. Межличностная синхронизация — комплекс физиологических и поведенческих процессов, согласованных во времени и появляющихся при совместной деятельности или взаимодействии двух и более людей [1, 2]. Фокусом текущего исследования является оценка психофизиологических параметров межличностной синхронизации в диадах «наставник — наставляемый» в различных условиях взаимодействия. Ранее проведенные исследования показывают связь мозговой межличностной синхронизации с форматом обучения, степенью его интеракции [1, 3] и его результатами обучения [3] в диадах «учитель — ученик», однако отношения «наставник — наставляемый» остаются не изученными в этой области. Наставничество — процесс диадного взаимодействия, характеризующийся высокой степенью близости, доверия, уважения, эмоциональной вовлеченности участников; наличием общей деятельности, в которой наставник имеет большую экспертизу, опыт и знания, чем наставляемый [4, 5]. Мы предполагаем, что психофизиологические показатели межличностной синхронизации в диаде «наставник — наставляемый» будут значимо различаться в условиях обучающего взаимодействия и свободного общения.

Материалы и методы. На данный момент выборка составляет 10 пар из наставников ($24,8 \pm 1,8$, mean $\pm$ sd; 5 женщин) и наставляемых ($21,2 \pm 2$, mean $\pm$ sd; 9 женщин) из наставнической месячной программы Образовательного центра «Сириус» (г. Сочи, Краснодарский край). Оценка межличностной синхронизации на психофизиологическом уровне осуществлялась в конце программы в квази-экспериментальных условиях с помощью метода ЭЭГ-гиперсканирования (EEG-hyperscanning) [6] и портативных установок (LiveAmp, BrainProduct LCC) с 32 активными хлор-серебряными электродами с частотой дискретизации 500 Гц. Одновременная ЭЭГ регистрировалась во время различных этапов взаимодействия пары: состояние покоя в начале взаимодействия;

интеракционные условия — обсуждение сложных рабочих кейсов, общение на свободную тему; состояние покоя в конце взаимодействия. Предобработка и анализ полученных данных проводилась в программном обеспечении (ПО) BrainVision Analyzer 2 (Brain Product LLC). После предобработки было проведено непрерывное вейвлет-преобразование (wavelet transform) ЭЭГ-данных для оценки уровня синхронизации методом анализа когерентности (Coherence, COH) центральных отведений С3 и С4, как входящих в зоны интереса и наименее подверженных различного рода артефактам. Полученные данные были усреднены по частотным диапазонам тета- (4–7 Гц), альфа- (8–12 Гц) и бета-ритмов (13–30 Гц) и сопоставлены друг с другом с применением непараметрического критерия Вилкоксона для связанных выборок с поправкой на множественные сравнения методом Холма — Бонферрони в ПО RStudio.

Результаты. Наблюдается значимо более низкая когерентность в условии обсуждения по сравнению со свободным общением ($p_{adj} < .001$) в частотном диапазоне 4–30 Гц. Попарное сравнение интеракционных условий с состоянием покоя до и после взаимодействия показывают значимое превалирование значения когерентности в состоянии покоя над обсуждением и свободным общением (везде $p_{adj} < .001$). При этом в этом же диапазоне не выявлено значимых различий между состояниями покоя до и после взаимодействия ($p_{adj} = .664$). Аналогичные результаты получены при попарном сравнении условий взаимодействия отдельно по частотным диапазонам тета-, альфа- и бета-ритмов. Таким образом, показатели синхронизации во время состояния покоя в начале и в конце взаимодействия наставника и наставляемого выше, чем во время интеракционных условий взаимодействия в диапазонах частот тета-, альфа- и бета-ритмов. В интеракционных условиях показатель синхронизации выше во время свободного общения, чем во время обсуждения сложных рабочих кейсов.

Заключение. По предварительному анализу данных, гипотеза исследования частично подтверждается: наблюдаются значимые различия показателя синхронизации между интеракционными условиями взаимодействия и состоянием покоя до и после взаимодействия. При этом не наблюдается ожидаемых значимых раз-

личий в когерентности между состояниями покоя в начале и конце взаимодействия. Полученные результаты могут объясняться более схожей активностью мозга участников во время состояния покоя, чем во время взаимодействия, поскольку они придерживаются одинаковой инструкции к бездействию. В дальнейшем предполагается сравнить показатели когерентности во всех условиях методом анализа псевдосинхронизации для оценки случайности полученных результатов. Помимо этого, дальнейшая оценка и сопоставление с ЭЭГ данными психофизиологических показателей пульса и дыхания позволит рассматривать психоэмоциональное состояние участников во время взаимодействия и его вклад в уровень синхронизации. Таким образом, текущие результаты являются основой для разработки стратегии анализа ЭЭГ данных на расширенной выборке с включением отведений из других зон интереса, оценки случайности синхронизации и последующим сопоставлением их с результатами анализа демографических, поведенческих, физиологических, психологических данных.

Библиографические ссылки

1. Affiliative bonding between teachers and students through interpersonal synchronisation in brain activity / L. Zheng, W. Liu et al. // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2020. Vol. 15, № 1. P. 97–109. doi:10.1093/scan/nsaa016
2. Вахрушев Д. С., Жукова М. А. Актуальный взгляд на механизм диадной синхронизации // *Совр. заруб. психология*. 2021. Т. 10, № 2. С. 86–95. doi:10.17759/jmfp.2021100209
3. Interplay between prior knowledge and communication mode on teaching effectiveness: Interpersonal neural synchronization as a neural marker / J. Liu et al. // *NeuroImage*. 2019. Vol. 193. P. 93–102. doi:10.1016/j.neuroimage.2019.03.004
4. Sambunjak D., Marušić A. Mentoring // *JAMA*. 2009. Vol. 302, № 23. P. 2591. doi:10.1001/jama.2009.1858
5. Stewart C., Openshaw L. Youth Mentoring: What Is It and What Do We Know? // *Journal of Evidence-Based Social Work*. 2014. Vol. 11, № 4. P. 328–336.
6. A Valid Method to Study Neural Inter-brain Underpinnings of Social Interaction / A. Czeszumski et al. // *Front. Hum. Neurosci*. 2020. doi:10.3389/fnhum.2020.00039

В. И. Локшина

Ярославский государственный университет

им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ У ПЕДАГОГОВ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Представлены результаты, раскрывающие закономерности профессиональной мотивации педагога системы дошкольного образования. Выявлены ведущие мотивы и проведен анализ возможности реализации мотивов. Устанавливаются корреляции между уровнем эмоционального выгорания и профессиональной мотивацией у педагогов системы дошкольного образования.

Ключевые слова: мотивация, мотив, педагогическая деятельность, эмоциональное выгорание.

Victoria I. Lokshina

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

Yaroslavl, Russia

THE CONNECTION OF PROFESSIONAL MOTIVATION WITH EMOTIONAL BURNOUT AMONG TEACHERS OF THE PRESCHOOL EDUCATION SYSTEM

The results are presented, revealing the patterns of professional motivation of a teacher of the preschool education system. The leading motives are identified and the analysis of the possibility of implementing motives is carried out. Correlations are established between the level of emotional burnout and professional motivation among teachers of the preschool education system

Keywords: motivation, motive, pedagogical activity, emotional burnout.

Введение. Одной из фундаментальных проблем современной психологии является проблема профессиональной мотивации.

Накопленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что у представителей различных профессий обнаруживается специфика мотивов деятельности, определяющая успешность процесса профессионализации личности (В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, Э. Ф. Зеер, А. В. Карпов, Ю. В. Филиппова, А. А. Карпов, М. М. Кашапов, Е. А. Климов, Н. В. Ключева, А. К. Маркова, Л. М. Митина, А. А. Обознов, Ю. П. Поваренков, Л. Ю. Субботина, Е. В. Субботский, В. Д. Шадриков и др.) [1–3].

Современные условия в социально-экономической сфере жизни дают понимание того, что синдром эмоционального выгорания является наиболее актуальной проблемой в психологии, в первую очередь по причине ярко выраженных отрицательных последствий для личности педагога, что проявляется в появлении и дальнейшем развитии негативных социально-психологических установок. Постепенным следствием эмоционального выгорания становятся постоянное чувство собственной несостоятельности как личности, так и профессионала, безразличие к своей деятельности. Происходит резкое падение внутреннего ресурса специалиста, проявляются психосоматические заболевания и множество иных симптомов [4–6].

Актуальность исследования профессиональной мотивации педагогов дошкольного образования обусловлена высокой социальной значимостью их профессиональной деятельности. Существует противоречие между необходимостью выявления системы факторов, детерминирующих успешность профессиональной деятельности педагогов дошкольного образования и отсутствием эмпирического изучения взаимосвязей компонентов профессиональной мотивации с эмоциональным выгоранием у педагогов дошкольного образования. В связи с этим возникает научно-исследовательская проблема определения взаимосвязей компонентов профессиональной мотивации с эмоциональным выгоранием у педагогов дошкольного образования.

Объект исследования: связь профессиональной мотивации с эмоциональным выгоранием.

Предмет исследования: особенности связи профессиональных мотивов с эмоциональным выгоранием у педагогов системы дошкольного образования.

Общая гипотеза: существуют значимые связи между уровнем эмоционального выгорания и профессиональной мотивацией у педагогов системы дошкольного образования.

Частные гипотезы:

1. Доминирующими для педагогов системы дошкольного образования являются профессиональные нематериальные мотивы.

2. Существует связь между деперсонализацией как симптомом эмоционального выгорания и мотивом продвижения, карьерного роста у педагогов системы дошкольного образования.

3. Существует связь между психоэмоциональным истощением и деперсонализацией как симптомами эмоционального выгорания и мотивами ощущения собственной полезности, служения людям, удовлетворения от процесса деятельности у педагогов системы дошкольного образования.

Материалы и методы. В исследовании принимало участие 40 педагогов муниципального дошкольного образовательного учреждения детский сад № 71 г. Рыбинска, муниципального дошкольного образовательного учреждения детский сад № 1 «Красная шапочка» ЯМР, муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 35» г. Ярославля, муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 118» г. Ярославля. В состав выборки вошло 39 женщин (97,5 %) и 1 мужчина (2,5 %). Возраст испытуемых составил 23–57 лет. Сбор данных осуществлялся в период с октября 2021 года по февраль 2022 года.

Психологические методы исследования:

— Опросник «Опросник психического выгорания для работников социальных профессий» (В. Е. Орёл, И. Г. Сенин).

— Методика «Возможность реализации мотивов» (2 варианта: оценка возможности и значимость мотивов) (В. И. Доминяк).

Методы статистической обработки данных:

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета прикладных программ Statistica 10.0 (StatSoft Inc., США). Для установления взаимосвязи переменных применяли коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Различия принимали статистически значимыми при значении $p < 0,05$.

Результаты. Больше всего на мотивационном профиле выделяется рассогласование между реализацией мотивов организацией и его личной значимостью для работников по мотивам: «Ощущение свободы, самостоятельности в принятии решений», «Материальный достаток», «Управление, руководство другими людьми». Значение реализации мотива «Ощущение свободы, самостоятельности в принятии решений» ниже, чем личная значимость для работников сферы образования. Работодатель хочет контролировать и не готов предоставлять свободу. Организации сферы образования — это в основном бюджетные учреждения, у них есть нормативная база, которая жестко регламентирует действия, требования к персоналу. Доминирующими для педагогов системы дошкольного образования являются профессиональные мотивы «Ощущение собственной полезности, служение людям», «Общение с коллегами». Существует обратная связь между деперсонализацией как симптомом эмоционального выгорания и мотивом продвижения, карьерного роста у педагогов системы дошкольного образования. Существует отрицательная связь между психоэмоциональным истощением и деперсонализацией как симптомами эмоционального выгорания и мотивами ощущения собственной полезности, служения людям, удовлетворения от процесса деятельности у педагогов системы дошкольного образования. Это связано с большой рутинизированностью работы педагогов, увеличением объема отчетно-документационной работы, педагоги системы дошкольного образования теряют к ней интерес, испытывают потребность в иной, более содержательной работе, результат которой был бы осязаем.

Заключение. Обобщая все теории и концепции к изучению профессиональной мотивации, можно говорить о том, что она имеет сложную структуру. Она отличается взаимосвязанностью и взаимозависимостью внешних и внутренних факторов. Каждый из выделяемых компонентов мотивации специалиста дополняет другой. В результате проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблеме эмоционального выгорания, можно заключить, что синдром эмоционального выгорания является достаточно опасным явлением в профессиональной деятельности педагогов системы дошкольного образования. Интенсивно

модернизирующаяся система образования ставит перед педагогами не только необходимость быть высококвалифицированными и компетентными в своей области знаний, но и необходимость в заинтересованности и профессиональной мотивированности, активном включении и самореализации в новых условиях трудовой деятельности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, может являться психологическим условием профилактики возникновения синдрома эмоционального выгорания педагогов.

Библиографические ссылки

1. Карпов А. А. Современная организационная психология : учеб. пособие. М. : Изд-во МПСУ ; Ярославль: Филигрань, 2018. 256 с.
2. Кирхлер Э., Родлер К. Мотивация в организациях // Психология труда и организационная психология : в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. 2-е изд., испр. Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 168 с.
3. Организационная психология : учебник для бакалавров / под ред. А. В. Карпова. М. : Юрлайт, 2012. 570 с.
4. Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб. : Сударыня, 2009. 278 с.
5. Орёл В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: Эмпирические исследования и перспективы // Псих. журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90–101.
6. Saboori F., Pishghadam R. English Language Teachers' Burnout Within the Cultural Dimensions Framework // Asia-Pacific education researcher. 2016. Vol. 25, № 4. P. 677–687.

**М. О. Маркевич
Т. И. Логвиненко
А. Б. Ребрейкина
О. В. Сысоева**

*Научный центр когнитивных исследований
Научно-технологический университет «Сириус»
Сочи, Россия*

РИТМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЧТЕНИЯ И ЭФФЕКТ КРОСС-МОДАЛЬНОГО РИТМИЧЕСКОГО ПРАЙМИНГА НА ГРАММАТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ

Ритм является фундаментальным элементом как музыки, так и речи, однако влияние аудиально представленных ритмических паттернов на процессы чтения игнорируется в исследованиях. Здесь мы представляем исследование связанных с событиями потенциалов, проведенное с использованием кросс-модального дизайна. Мы обнаружили увеличение эффекта Р600 после регулярной ритмической стимуляции, который был наиболее выражен в правом полушарии. Также мы обнаружили значимое взаимодействие фактора полушария и прайминга. Результаты нашего исследования показывают тесное межмодальное взаимодействие в процессе чтения, а также наличие внутренней ритмической структуры, которая участвует в процессе чтения и может быть синхронизирована с внешней ритмической стимуляцией.

Ключевые слова: ритмический прайминг, ритм, музыка, чтение, грамматика.

Maxim O. Markevich
Tatiana I. Logvinenko
Anna B. Rebreikina
Olga V. Sysoeva
Center for Cognitive Sciences
Sirius University
Sochi, Russia

RHYTHMIC STRUCTURE OF READING AND CROSS-MODAL PRIMING EFFECT OF RHYTHM ON GRAMMATICAL JUDGEMENTS

Rhythm is a fundamental element of both music and speech, however, the effect of auditorily presented rhythm patterns on reading processes is neglected in the research. Here we present an event-related potentials study conducted using such cross-modal design. We found an increased P600 effect after regular rhythmic stimulation, this effect was the most pronounced in the right hemisphere. We also found a significant interaction between hemispheric factor and priming. These results suggest tight intermodal connections in the reading process as well as the existence of an internal rhythmic structure which is both involved in the reading process and might be synchronized with external rhythmic stimulation.

Keywords: rhythmic priming, rhythm, music, reading, grammar.

Введение. Ритм — это фундаментальный элемент как музыки, так и речи, и он присутствует в разных культурах и языках. Многие корреляционные и лонгитюдные исследования подтверждают гипотезу о влиянии ритма и музыки на языковые процессы [1]. Современные исследования о влиянии ритма и музыки на языковые процессы проводятся в рамках нескольких направлений: фонология, семантика, синтаксис [2].

Исследования в области синтаксиса показали влияние регулярного ритма на поведенческом уровне — улучшение результатов решения грамматических задач и на психофизиологическом уровне — увеличение компонента P600 после регулярного ритмического прайминга у взрослых участников с дислексией и контрольной группы участников [2, 3]. Компонент P600 особенно интересен как

биомаркер. Так, несколько исследований показали аномалии P600 у взрослых участников с дислексией в ответ на морфосинтаксические нарушения [3].

Многие исследования о влиянии ритма и музыки на грамматические суждения проводятся в рамках аудиальной парадигмы, которая предполагает предъявление аудиальных стимулов [2, 3]. Однако влияние аудиально представленных ритмических паттернов на процессы чтения игнорируется в исследованиях.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 32 подростка в возрасте от 13 до 17 лет. Для 16 участников была добавлена секция ритмического прайминга. Все участники посещали обычные школьные программы. Перед началом исследования было получено информированное согласие как от детей, так и от их законных представителей.

В ходе эксперимента мы собирали поведенческие данные о точности ответа и времени реакции и электрофизиологические данные (ЭЭГ) со 128 электродами с помощью системы ActiCHamp (Brain Products GmbH).

В ходе эксперимента использовалась сгенерированная ритмическая последовательность, «соответствующая» структуре предложений, и ритмические последовательности из предыдущих исследований [2, 3]. Участники также выполняли тест на определение метрической структуры.

Результаты. Участники с низкой точностью ответа обрабатывали слова предложений дольше, чем участники с высокой точностью ответа, $F(1,40) = 28,06$, $p < 0,001$. Также группа с низкой точностью ответа выделяла нерелевантные слова в предложениях (3–5 слова в предложениях), в отличие от группы с высокой точностью ответа.

Группа с высокой точностью ответа лучше справилась с тестом на определение метрической структуры и имела меньшее отклонение от среднего времени реакции на слова в предложениях, $t(30) = -3,15$, $p < 0,01$, что демонстрирует вовлечение участников с высокой точностью ответа в регулярный моторный ритм в ходе выполнения задания.

Мы не обнаружили влияния ритмического прайминга на поведенческом уровне, однако психофизиологические данные показы-

вают увеличение амплитуды компонента Р600 после регулярного, $F(1,15) = 8,28, p = 0,01$, и «соответствующего» ритма, $F(1,15) = 5,25, p < 0,05$, по сравнению с контрольным условием тишины. Амплитуда компонента Р600 после нерегулярной ритмической стимуляции не отличается от контрольного условия тишины. Также мы обнаружили значимое взаимодействие фактора стороны полушария и прайминга, $F(3,45) = 4,88, p < 0,01$. Основной эффект ритмического прайминга наиболее выражен в правом полушарии.

Заключение. Предыдущие исследования показали влияние внешней ритмической стимуляции на выполнения грамматических задач [2, 3]. Результаты нашего исследования указывают на существование внутренней ритмической структуры, способной направлять внимание участников в процессе решения заданий на грамматические суждения.

Мы не обнаружили влияние ритмического прайминга на поведенческом уровне, что может быть связано с особенностями выборки и количеством участников. Однако анализ данных ЭЭГ показал статистически значимый эффект увеличения амплитуды компонента Р600 после регулярного и «соответствующего» прайминга, что указывает на лучшее обнаружение неграмматической структуры. Этот эффект уже был показан в предыдущем исследовании в рамках аудиальной парадигмы [3]. В нашем исследовании этот эффект был воспроизведен даже при визуальном представлении предложений, что свидетельствует о тесном интермодальном взаимодействии в процессе чтения.

Предыдущее исследование в рамках аудиальной парадигмы показало наибольший эффект прайминга в левом полушарии [3], в нашем исследовании эффект прайминга выражен в правом полушарии, что может быть связано с кросс-модальным дизайном исследования.

Библиографические ссылки

1. Ozernov-Palchik O., Patel A. D. Musical rhythm and reading development: does beat processing matter? // Annals of the New York Academy of Sciences. 2018. Vol. 1423, № 1. P. 166–175.

2. Processing rhythm in speech and music: Shared mechanisms and implications for developmental speech and language disorders / A. Fiveash et al. // *Neuropsychology*. 2021. Vol. 35, № 8. P. 771–791.

3. Regular rhythmic primes boost P600 in grammatical error processing in dyslexic adults and matched controls / L.-H. Canette et al. // *Neuropsychologia*. 2020. Vol. 138. P. 107324.

Е. А. Мелешенко

Л. А. Дикая

В. А. Егорова

Южный федеральный университет;

Академия психологии и педагогики

Ростов-на-Дону, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МИКРОПОЛЯРИЗАЦИИ НА РАСПОЗНАВАНИЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ*

Работа посвящена исследованию влияния микрополяризации на распознавание эмоций по изображениям лиц с применением поведенческих методов и электроэнцефалографии. Исследование проверяет, можно ли при помощи экзогенной неинвазивной стимуляции постоянным электрическим током малых величин изменять качество и скорость распознавания визуального выражения эмоций лица человека. Выявлено, что изменение качества распознавания выражения эмоций лица человека и временных характеристик этого процесса может быть связано с неравномерным изменением уровня активности областей коры больших полушарий, ответственных за процесс визуального распознавания выражения эмоций лица человека.

Ключевые слова: ЭЭГ, микрополяризация, распознавание эмоций, визуальная стимуляция, скорость реакции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета. 2022, № ВнГр-07/2020–02–АП

Evgeniy A. Meleshchenko

Liudmila A. Dikaya

Valeria A. Egorova

Southern Federal University;

Academy of Psychology and Educational Sciences

Rostov-on-Don, Russia

STUDY OF THE EFFECT OF TRANSCRANIAL ELECTRICAL STIMULATION ON RECOGNITION EXPRESSIONS OF EMOTIONS

This work is devoted to the study of the effect of transcranial electrical stimulation on the recognition of emotions from facial images using behavioral methods and electroencephalography. This study tests whether transcranial electrical stimulation can change the quality and speed of recognition of the visual expression of emotions in a person's face. A change in the quality of recognition of human facial expressions of emotions and the temporal characteristics of this process was revealed, which may be associated with an uneven change in the level of activity of the areas of the cerebral cortex responsible for the process of visual recognition of human facial expressions of emotions.

Keywords: EEG, transcranial electrical stimulation, emotion recognition, visual stimulation, reaction rate.

Введение. Целью данной работы было изучение влияния микрополяризации на области коры мозга, ответственные за визуальное распознавание и оценку эмоций.

Исследования распознавания эмоций, проведенные с помощью МРТ, показывают: в распознавании эмоций участвуют правая вентральная префронтальная кора, левая боковая веретенообразная кора и правая язычная кора. Исследователи отмечают, что правая префронтальная кора связана с сознательной оценкой эмоций [1, 2]. Передняя часть коры островка важна в визуальном распознавании эмоции гнева и печали [1]. Передняя часть коры островка принимает участие в восприятии эмоций, которые требуют интерпретации для их восприятия [3].

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 30 здоровых добровольцев обоего пола в возрасте от 17 до 30 лет (средний возраст — 18,5 лет).

ЭЭГ регистрировалась с помощью энцефалографа «Нейровизор БММ-40», микрополяризация проводилась с помощью аппарата «Магнон-СЛИП». Визуальная стимуляция осуществлялась с помощью скрипта, на Python. На дисплее визуальных стимулов применялся датчик фотосинхронизации, подключенный к триггерному каналу энцефалографа. Стимулы — фотографии лиц из коллекций KDEF, RAFD и WSEFER, показывающие гнев, нейтральные, печаль, радость, страх, удивление, отвращение.

Добровольцы были разделены на две группы — контрольную и опытную, в которых соответственно не производилось или производилось воздействие с помощью микрополяризации. Исследование было разделено на три части:

1) регистрация ЭЭГ, измерение скорости интерпретации и результата интерпретации стимулов;

2) на скальпы добровольца в области правой латеральной борозды, правой префронтальной коры, правой язычной коры накладывались аноды; на области зон Брока и Вернике накладывались катоды.

3) повторяет первый этап.

Результаты. Статистический анализ проводился с помощью ANOVA. Среднее время реакции на стимулы на 1-м этапе исследования составило 1,89 с; на 3-м этапе у контрольной группы — 1,73 с, у опытной группы — 1,51 с. У контрольной группы скорость реакции увеличилась на 8,43 %; у опытной группы скорость реакции увеличилась на 20,39 % (при вычете разницы 11,96 %), что показывает явное увеличение скорости реакции.

На 1-м этапе при определении эмоций добровольцы совершали в среднем 74,25 ошибок, контрольная группа на 3-м этапе — 41,85, опытная группа — 121,75. Добровольцы из опытной группы чаще совершали ошибки, называя ту или иную эмоцию негативной (частота увеличилась на 23,42 %).

Время реакции на стимулы, которые были оценены правильно: на 1-м этапе время реакции составило в среднем 1,75 с; 2,32 с на рас-

познавание гнева; 1,63 с на распознавание грусти; в контрольной и опытной группах соответственно 1,63 с и 1,42 с; 2,13 с и 1,39; 1,65 с и 1,33 с. Средняя скорость реакции у опытной группы на 13,07 % выше контрольной, а для эмоций гнева и грусти соответственно на 34,91 и на 19,15 % выше контрольной; при рассмотрении других эмоций больших значений разницы скорости реакции не обнаружено.

Заключение. Полученные данные позволяют заключить, что в описанном исследовании происходило воздействие, изменяющее уровень активности специфических структур коры головного мозга, ответственных за распознавание эмоций той или иной валентности, что приводило к изменению интерпретации увиденных выражений эмоций в сторону более активных проявлений эмоций той же валентности.

Библиографические ссылки

1. Hariri A. R., Bookheimer S. Y., Mazziotta J. C. Modulating emotional responses: effects of a neocortical network on the limbic system // *Neuroreport*. 2000. № 11. P. 43–48. DOI: 10.1097/00001756-200001170-00009
2. Brain regions involved in verbal or non-verbal aspects of facial emotion recognition / J. Narumoto, H. Yamada, T. Iidaka et al. // *NeuroReport*. 2000. № 11(11). P. 2571–2574. DOI: 10.1097/00001756-200008030-00044
3. A link between the systems: functional differentiation and integration within the human insula revealed by meta-analysis / F. Kurth, K. Zilles, P. T. Fox et al. // *Brain Struct Funct*. 2010. № 214(5–6). P. 519–534. DOI: 10.1007/s00429-010-0255-z

Д. А. Момотенко

*Научный центр когнитивных исследований
Научно-технологический университет «Сириус»
Сочи, Россия*

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ПРИ ПЕЧАТИ НА КОМПЬЮТЕРЕ

Продemonстрировано, что в процессе формулирования предложения при печати на компьютере, когнитивная нагрузка, выраженная в мощности бета-ритма, тем ниже, чем выше уровень развития ИФ, таких как переключение и торможение.

Ключевые слова: ЭЭГ, исполнительные функции, печать на компьютере, торможение, переключение, рабочая память.

Darya A. Momotenko

*Center for Cognitive Sciences
Sirius University
Sochi, Russia*

PSYCHOPHYSIOLOGY OF EXECUTIVE FUNCTIONS DURING TYPING ON A COMPUTER

It is demonstrated that in the process of formulating a sentence during typing on a computer, the cognitive load expressed in the beta power density is lower, the higher the level of development of IF, such as inhibition and shifting.

Keywords: EEG, executive functions, typing, shifting, inhibition, working memory.

Введение. Печать является многоуровневым процессом, в котором задействованы когнитивные, исполнительные и моторные функции. Исполнительные функции (ИФ) — это способность удерживать информацию в рабочей памяти и подавлять неосознанные реакции на внешнюю стимуляцию [1]. Согласно трехмерной модели Мияке, ИФ включают в себя три блока, такие как как торможение,

обновление (рабочая память) и переключение [2]. Блок торможения представляет из себя исполнительный контроль, который рассматривается как целенаправленная и сознательная способность контролировать автоматизированные или импульсивные мысли и действия [3]. Блок переключения характеризует способность к намеренному переключению и фокусированию внимания [4]. Согласно психофизиологической модели двух петель обратной связи во время печати активно задействованы навыки торможения и переключения [1]. Таким образом, появляется возможность изучения психофизиологических особенностей ИФ в естественной среде путем анализа автоматизированной моторной деятельности [5].

Целью данной работы является выявление психофизиологических коррелятов ИФ во время печати на компьютере.

Материалы и методы. В данном исследовании представлен электроэнцефалографический (ЭЭГ) эксперимент, направленный на изучение формулирования предложений при печати. Выборка составляла 49 человек ($M(SD) = 18,64(0,74)$), предварительно подтвердивших автоматизированность навыка печати (скорость не менее 150 символов в минуту, точность не менее 98 %). Также из участников были в произвольном порядке сформированы контрольная (КГ; 23 участника, 14 женщин и 9 мужчин; $M(SD) = 18,43(0,73)$, IQ: $M(SD) = 107,04(9,86)$) и экспериментальная группы (ЭГ; 26 участников, 16 женщин и 10 мужчин; $M(SD) = 18,92(0,69)$, IQ: $M(SD) = 112,40(7,46)$), отличающиеся по типу эксперимента. Уровень развития ИФ респондентов оценивался с помощью самоопросника «Краткая шкала исполнительных функций» (BRIEF, Behavior Rating Inventory of Executive Function; Gioia et al., 2000) и универсального невербального теста интеллекта (UNIT2, Universal Nonverbal Intelligence Test — Second Edition; Bracken & McCallum, 2016).

ЭЭГ регистрировалось с помощью 128 активных электродов Ag/AgCl в программном обеспечении BrainVision Recorder (BrainProducts, Inc.). Стимулы были представлены в программном пакете Presentation (Neurobehavioral Systems, Inc.). Коррекция временных меток на записях ЭЭГ проводилась с помощью устройства StimTrak (BrainProducts, Inc.).

Стимулами являлись 24 изображения субтеста по формулированию предложений, взятых из стандартизированного теста «Клиническая оценка основ языка» (CELF-5, Clinical Evaluation of Language Fundamentals — Fifth Edition; Wiig et al., 2013). Перевод стимулов на русский язык осуществлялся двойным слепым методом. Стимулы были напечатаны черным шрифтом Times New Roman 24 кегля на белом фоне. Один стимул представлял из себя изображение и написанное над ним слово. Задача респондента состояла в том, чтобы описать ситуацию на картинке, используя указанное слово. Условия процесса печати и формулирования предложений были различными в двух группах. В КГ респонденты видели изображение во время печати, тогда как в ЭГ слово и изображение демонстрировались только в течение 5 с, после чего участники начинали набор текста.

Результаты. Модель смешанной линейной регрессии была построена по результатам количественного анализа напечатанных предложений. Показатель «Точность», выраженный как отношение корректно набранных слов к набранным словам, использовался в качестве зависимой переменной. Индексы BRIEF: «Торможение», «Рабочая память», «Переключение» и «Память» (UNIT) — использовались в качестве независимых переменных, оценивающих уровень развития ИФ. Модель не показала значимый эффект ($F(4,43) = 1,88$, $p < 0,13$). Также в результате анализа был выявлен статистически значимый вклад индекса «Торможение» в показатель «Точность» (ANOVA III: $F(1) = 6,74$, $p < 0,01$, $\eta = 0,013$ [CI: 0,01–0,09]).

В психофизиологическом анализе использовались результаты преобразования Фурье в префронтальной, лобной, центральной и центрально-теменной областях. Линейные смешанные модели с повторными измерениями были построены между мощностью различных спектральных диапазонов (зависимая переменная) и индексами BRIEF (независимые переменные). Не было обнаружено значимого вклада индексов ИФ в спектральную мощность альфа-ритма, но каналы C2, C3, C4, FC2, FC4, FCz и Fz ($F(10) = 1201$, $p < 0,001$, $\eta = 0,47$ [CI: 0,44–1]) показали значительное влияние на зависимую переменную. Групповой эффект также не был значительным. Взаимодействия между индексами «Торможение» и «Переключение» ($\chi^2(1) = 10,93$, $p < 0,001$, $\eta = 0,25$ [CI: 0,01–1]), а также между индекса-

ми «Торможение» и «Рабочая память» ($\chi^2(1) = 5,81, p < 0,01, \eta = 0,15$ [CI: 0,06–1]) продемонстрировали значимый вклад в спектральную мощность бета-ритма. Также каналы C2, C3, C4, Cz, FC1, FC2, FC3, FC4, FCz и Fz ($F(10) = 4038, p < 0,001, \eta = 0,34$ [CI: 0,33–1]) показали значительное влияние на зависимую переменную. Существенного вклада индексов ИФ в спектральную мощность тета-ритма обнаружено не было. Тем не менее каналы C2, C3, C4, Cz, FC1, FC3, FC4, FCz и Fz ($F(10) = 908, p < 0,001, \eta = 0,41$ [CI: 0,37–1]) показали значимую связь с зависимой переменной. Групповой эффект не был значимым.

Закключение. Данный эксперимент оценивает умение грамматически и синтаксически правильно формулировать сложные предложения. Поскольку не было обнаружено статистически значимых различий в нейрональной активности между группами, можно предположить, что формулирование предложений является задачей с высокой когнитивной нагрузкой, которая делает неразличимым влияние условия припоминания образа. В эксперименте участники продемонстрировали устойчивую когнитивную нагрузку при переключении и активации рабочей памяти в бета-ритме, поскольку необходимо было вспомнить изображение и удержать слово в памяти во время сложных неавтоматизированных действий, таких как формулирование предложений [6, 7], тогда как индекс «Торможение» снижался с увеличением мощности бета-ритма. Недавние исследования продемонстрировали, что моторная память активируется при возрастающем торможении бета-ритма в префронтальной области [8]. В этом случае автоматизацию процесса набора текста можно рассматривать как моторную память [9]. То есть процесс формулирования предложения отражает общую тенденцию развития моторной памяти. Таким образом, это может служить психофизиологическим маркером участия рабочей памяти и ИФ в процессе формулирования предложений: увеличение мощности бета-ритма в префронтальной и лобной областях.

Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что в процессе формулирования предложения когнитивная нагрузка, выраженная в мощности бета-ритма, тем ниже, чем выше уровень развития ИФ, таких как переключение и торможение.

Библиографические ссылки

1. Logan G. D., Crump M. J. Hierarchical control of cognitive processes: The case for skilled typewriting // *Psychology of learning and motivation*. 2011. Vol. 54. P. 1–27.
2. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis / A. Miyake, N. P. Friedman, M. J. Emerson et al. // *Cognitive psychology*. 2000. № 41(1). P. 49–100.
3. Baggetta P., Alexander P. A. Conceptualization and operationalization of executive function // *Mind, Brain, and Education*. 2016. № 10(1). P. 10–33.
4. Diamond A. Executive functions // *Annual review of psychology*. 2013. № 64. P. 135–168.
5. Converting your thoughts to texts: Enabling brain typing via deep feature learning of eeg signals / X. Zhang, L. Yao, Q. Z. Sheng et al. // 2018 IEEE international conference on pervasive computing and communications (PerCom). 2018, March. P. 1–10. IEEE.
6. Chai W. J., Hamid A. I., Abdullah J. M. Working memory from the psychological and neurosciences perspectives: a review // *Frontiers in psychology*, 2018. № 9. P. 401.
7. Using EEG to distinguish between writing and typing for the same cognitive task / X. Qu, Q. Mei, P. Liu et al. // *International Conference on Brain Function Assessment in Learning*. 2020, October. P. 66–74. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60735-7_7
8. Tempel T., Frings C., Pastötter B. EEG beta power increase indicates inhibition in motor memory // *International Journal of Psychophysiology*. 2020. № 150. P. 92–99.
9. EEG alpha activity reflects motor preparation rather than the mode of action selection / M. P. Deiber, E. Sallard, C. Ludwig et al. // *Frontiers in integrative neuroscience*. 2012. № 6. P. 59.

Э. Ф. Николаева

Е. В. Попова

Тольяттинский государственный университет

Тольятти, Россия

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается специфика новой коронавирусной инфекции, влияющей на психическое здоровье человека, которая выражается высокой летальностью многих заразившихся, быстротой распространения, индивидуальными последствиями переболевших, а также внесением значительных изменений в привычную жизнь человека в виде продолжительных тревожных расстройств, нарушений невротического характера, страхов повторного заражения, панических атак и пр. Выявлено, что перечисленные особенности так или иначе влияют на общее психологическое благополучие человека.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, пандемия COVID-19, психическое здоровье, невротическое расстройство, психологическое благополучие.

Elvira F. Nikolaeva

Elena V. Popova

Tolyatti State University,

Tolyatti, Russia

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON PSYCHOLOGICAL HUMAN WELL-BEING

The article considers the specifics of a new coronavirus infection affecting human mental health, which is expressed by the high lethality of many infected, the speed of spread, the individual consequences of those who have been ill, as well as the introduction of significant changes in a person's habitual life in the form of prolonged anxiety disorders, neurotic disorders,

fears of re-infection, panic attacks, etc. It was revealed that these features somehow affect the overall psychological well-being of a person.

Keywords: coronavirus infection, pandemic COVID-19, mental health, neurotic disorder, psychological well-being.

Введение. Новая коронавирусная инфекция COVID-19 настолько быстро захватила множество государств всего мира, что необычно быстрое распространение, специфика проявления, индивидуальность воздействия на организм в целом, сложность и длительность реабилитации стали предметом изучения многочисленных исследований в разных областях науки. Среди множества психологических исследований, посвященных этой проблеме, хотелось бы отметить Д. И. Островского, Т. И. Иванову, Н. В. Голубеву, Я. В. Евсееву, К. Ю. Ерицяна, которые отразили индивидуальность проявления этой инфекции, специфику ее последствий на человека в виде острого стрессового и постстрессового расстройства, а также выделили основные причины негативного последствия этого заболевания: многовариативные ограничения личности, дистанционная деятельность, перманентное нахождение индивидов в пределах домашней обстановки, страх потери работы и пр. [1–4]. Среди отечественных исследований, внесших ощутимый вклад в изучение стрессовых расстройств, связанных с пандемией, хотелось бы отметить коллективную монографию «Психологическое сопровождение пандемии COVID-19», изданную в МГУ им. М. В. Ломоносова под редакцией доктора психологических наук, академика РАО Ю. П. Зинченко. Авторами представлены эмпирические данные, которые указывают на отдельные изменения в состоянии психического здоровья субъектов, которые были зафиксированы специалистами уже в 2020 г., то есть практически на начальном этапе пандемии [5].

Материалы и методы. Цель нашего исследования — изучить специфику влияния пандемии COVID-19 на психологическое благополучие человека. Для оценки влияния травматического события (пандемии коронавирусной инфекции) применялась методика (сокр. ШОВТС, англ. Impact of Event Scale, сокр. IES-R), направленная на выявление симптомов стрессовых расстройств и оценку степени их выраженности. Для выявления особенностей психологическо-

го благополучия авторами была разработана анкета по изучению влияния перенесенного заболевания COVID-19 на психологическое благополучие, состояние здоровья и профессиональную работоспособность. Анкета предназначена для качественного и количественного измерения степени влияния стрессовой ситуации, связанной с COVID-19 по признакам физического дискомфорта, эмоциональной напряженности, нарушений когнитивных способностей, нарушений в сфере общения и затруднения в двигательной сфере.

Результаты. По результатам диагностики шкал оценки влияния травматического события, можно сделать вывод, что у лиц, которые перенесли коронавирусную инфекцию, имеется высокий уровень по субшкалам «вторжение» (48 %), «избегание» (12 %) и «возбудимость» (40 %), это говорит о серьезности переживаний, указывая на избегание событий, которые человек не хочет переживать заново (рис. 1).

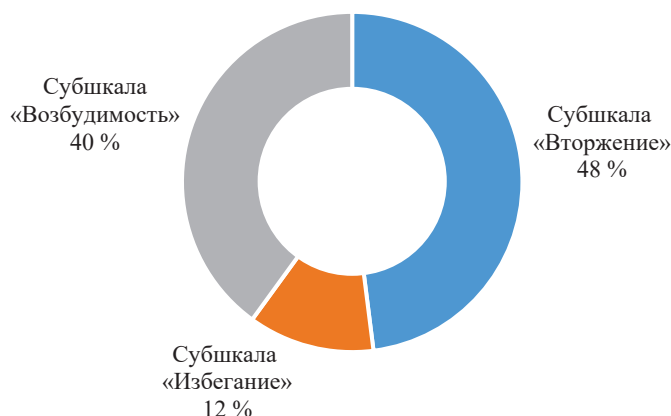

Рис. 1. Показатели шкал оценки влияния травматического события у респондентов, переболевших коронавирусной инфекцией (методика ШОВТС)

Для выявления особенностей психологического благополучия авторами была разработана анкета по изучению влияния перенесенного заболевания COVID-19 на психологическое благополучие, состояние здоровья и профессиональную работоспособность. Ан-

кета предназначена для качественного и количественного измерения степени влияния стрессовой ситуации, связанной с COVID-19 по признакам физического дискомфорта, эмоциональной напряженности, нарушений когнитивных способностей, нарушений в сфере общения и затруднения в двигательной сфере.

По результатам анкетирования было выявлено процентное соотношение перенесенной коронавирусной инфекции по степени тяжести (рис. 2):

- легкое течение — 64 %;
- среднетяжелое течение — 25 %;
- тяжелое течение — 11 %.

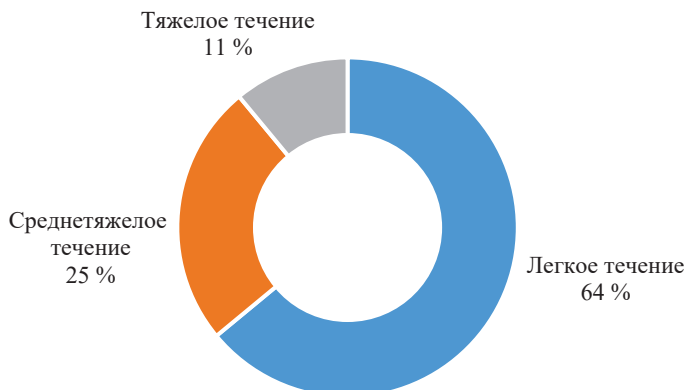

Рис. 2. Показатели оценки, перенесенной коронавирусной инфекции по степени тяжести

При оценке психологического и физического здоровья, переболевших коронавирусом респондентов, было выявлено, что большинство респондентов имели жалобы на плохое самочувствие на протяжении последнего месяца. В частности, у 16 % отмечались признаки физического дискомфорта, у 29 % — признаки эмоциональной напряженности, у 27 % — признаки нарушений когнитивных способностей, у 19 % — признаки нарушений в сфере общения, у 9 % — признаки затруднений в двигательной сфере (рис. 3).

Рис. 3. Показатели оценки психического и физического здоровья у респондентов, переболевших коронавирусной инфекцией

Корреляционный анализ показал наличие значимых положительных связей между тревожностью и возбудимостью, признаками эмоциональной напряженности (0,724), ощущением психологического неблагополучия и физическим дискомфортом и самочувствием (0,723), уровнем тревожности (0,721). Корреляция показала наличие взаимосвязанных показателей, составляющих общую характеристику стрессовых расстройств, связанных с пандемией коронавирусной инфекции.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: психологическое благополучие лиц, перенесших стрессовые ситуации, связанные с COVID-19, снижается, при этом характеризуется высоким уровнем тревожности, эмоциональной напряженности; в общем аспекте специфики стрессовых ситуаций определяется сходство со стрессовыми расстройствами как острого, так и посттравматического расстройства; установлены значимые положительные корреляционные связи между тревожностью и возбудимостью, признаками эмоциональной напряженно-

сти, ощущением психологического неблагополучия и физическим дискомфортом и самочувствием.

Библиографические ссылки

1. *Островский Д. И., Иванова Т. И.* Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омск. психиатр. журнал. 2020. № 2. С. 4–7.
2. *Голубева Н. В.* Панические расстройства во внутрисемейных отношениях, как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы) // Вестн. новых мед. технологий : [электрон. издание]. 2020. № 2. С. 1–7.
3. *Евсеева Я. В.* Пожилые люди во время пандемии COVID-19 // Соц. и гум. науки. Отеч. и заруб. литература. Сер. 11. Социология : реферат. журнал. 2021. № 2. С. 75–92.
4. *Ерицын К. Ю.* Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250–270.
5. *Зинченко Ю. П.* Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 : монография. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2021. 597 с.

Е. Б. Осипова

*Институт повышения квалификации
и переподготовки руководящих работников и специалистов,
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ СВОЕЙ СЕМЬИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Анализируются и сопоставляются различные психологические подходы к развитию личности, в том числе и психогенеалогический, одной из составляющих которых является генеалогическое исследование как вид деятельности. Отмечается два равнозначных направления анализа истории семьи: трансгенерационные травмы и ресурсы (установки, способы эмоционального реагирования, сценарии деятельности). Формулируется гипотеза о том, что генеалогическое исследование как практическая деятельность по изучению истории своей семьи может быть одним из способов формирования жизнестойкости и/или повышения уровня жизнестойкости.

Ключевые слова: жизнестойкость, логотерапия, нозетическое измерение личности, психогенеалогия, травмы и ресурсы семьи.

Elena B. Osipova

*Institute of Advanced Training and Retraining of Managers and Specialists,
St. Petersburg State University Of Railways
Of Emperor Alexander I
St. Petersburg, Russia*

GENEALOGICAL RESEARCH OF THE HISTORY OF ONCE'S FAMILY AS A METHOD OF DEVELOPMENT HARDINESS

The author analyzes and compares various psychological approaches to personality development, including psychogenealogical, one of the components of which is genealogical research as an activity. There are two equivalent areas of analysis of family history: transgenerational traumas and

resources (attitudes, methods of emotional response, scenarios of activity). The hypothesis is formulated that genealogical research as a practical activity to study the history of one's family can be one of the ways to form hardiness and/or increase the level of hardiness.

Keywords: hardiness, logotherapy, noetic dimension of personality, psychogenealogy, traumas and family resources.

Введение. Психология как наука предполагает синтез теории и практики, направленный на помощь личности в со-существовании в социуме в условиях высокой неопределенности, иными словами, на повышение его жизнестойкости.

Понятие жизнестойкости как системы убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром, введенное Маади, исследовал Д. А. Леонтьев [1, с. 4]. Человек как личность в процессе жизнедеятельности из прошлого через настоящее в будущее имеет возможность осознавать и трансформировать свои установки (мировоззрение, ценности, смыслы), менять свое отношение к событиям, другим людям, менять сценарий своего поведения или сохранять его. Таким образом развитие личности происходит во времени и в пространстве. Введем понятие генеалогии как совокупности представлений о родовом прошлом индивида, коллектива или этноса [2]. Павел Флоренский, подчеркивая взаимосвязи человека с его предками, говорил, что генеалогия как наука включает в себя не только биологические взаимосвязи человека со своими предками, но и нравственные, духовные и другие. Он предлагал два вектора в рассмотрении генеалогии: вектор времени (связь с кровными родственникам) и вектор пространства (свойство, связь в пространстве/социуме, сосуществование поколений) [3, с. 55]. Создатель системы индивидуальной психологии австрийский психолог и психиатр Альфред Адлер, ввел понятия «стиль жизни» («это его индивидуальность, которая выражается и формируется в определенном окружении» [4, с. 18]). В понятие «стиль жизни человека» А. Адлер включал систему мировоззрения человека: его жизненные ценности (стержень личности), восприятие себя и мира, его эмоции и действия. Определим понятие «стиль жизни» как способ жизни, совокупность личностных черт, когнитивных стилей и сценариев поведения во взаимодействии с со-

циумом и достижении индивидуальных целей. Алексей Николаевич Леонтьев в теории деятельности говорил о том, что «...процесс формирования личности происходит во времени, в форме его прошлого и в форме предвидимого им будущего. <...> Переоценка прежнего, установившегося в жизни приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии» [5, с. 79]. О процессе генеалогического исследования вместе с психологическими методами как о способе избавления от травм, полученных от предыдущих поколений, говорила Анн Шутценбергер, она же ввела понятие «психогенеалогия» — «искусство и наука — <...> путь, который позволяет нам понять и <...> использовать свое психическое наследство или — если есть необходимость — трансформировать его» [6, с. 7]. От поколения к поколению происходит передача не только психических и физических травм, но и счастливых событий, осознание и присвоение которых Анн Шутценбергер назвала «сбор нектара в семейном саду». Согласно Анн Шутценбергер мы наследуем от предков, в том числе через поколения (трансгенерационная передача), как биологические, так и небιологические факторы (психологические, духовные). Тогда генеалогическое исследование истории своей семьи может помочь не только избавиться от травм, переданных через поколения, но и воспользоваться «нектаром в семейном саду», который можно назвать ресурсом семьи. Виктор Франкл, автор концепции логотерапии, ввел модель трехкомпонентной структуры личности: нозтическое, психологическое и телесное измерения [7]. Синтезируя данную структуру с концепцией психогенеалогии можно выделить четыре нозтических компетенции человека: 1) вектор свободы воли, 2) вектор свободы выбора, 3) вектор созидания гармоничных отношений с миром и 4) вектор признания традиций и культуры своих предков, который предполагает деятельность по изучению истории своей семьи. Используя эти компетенции человек может стать активным субъектом деятельности в трансгенерационных связях, а значит, повысить свою жизнестойкость.

В рамках феноменологического подхода мы наблюдали за отдельными случаями изучения индивидуумами истории своей семьи, в результате чего у них происходит осознание важных ценностей

и смыслов жизни, и субъективное ощущение снижения уровня тревожности в современных условиях внешней среды.

Заключение. Сформулируем гипотезу о том, что практическая деятельность по изучению истории своей семьи взаимосвязана с формированием ноэтических компетенций личности, а значит, взаимосвязана с уровнем жизнестойкости личности. Данная гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании, что составляет научный интерес и направление деятельности автора.

Библиографические ссылки

1. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.
2. Большая российская энциклопедия : [электрон. версия]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3791431 (дата обращения: 10.05.2022).
3. Флоренский Павел. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2. 2-е изд. М. : Академ. проект, 2017. 607 с.
4. Адлер А. Наука жить. СПб. : Питер, 2021. 240 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Книга по Требованию, 2012. 130 с.
6. Шутценбергер А. Психогенеалогия. Как излечить семейные раны и обрести себя. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2010. 224 с.
7. Франкл В. Э. Логотерапия и экзистенциальный анализ: статьи и лекции. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с.

И. С. Поликанова
С. В. Леонов
А. А. Якушина
В. А. Чертополохов
А. В. Исаев

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ МАСТЕРСТВА БОРЦОВ ВОЛЬНОГО СТИЛЯ

В настоящей работе нами предлагается новый методологический подход к оценке профессионального мастерства борцов вольного стиля, основанный на использовании системы виртуальной реальности. В основе разрабатываемого подхода лежит способность к формированию антиципации, являющейся одним из важнейших профессионально важных качеств борцов вольного стиля. В рамках проведенного исследования нами были отобраны восемь ключевых приемов вольной борьбы с учетом экспертного мнения; проведена их видеозапись от первого лица с использованием камеры 180° и адаптация их под систему виртуальной реальности HTC Vive Pro Eye с возможностью выбора ответа с помощью контроллера. Проведена апробация разработанной технологии.

Ключевые слова: вольная борьба, спорт, виртуальная реальность, виртуальный спорт, антиципация.

Irina S. Polikanova
Sergey V. Leonov
Anastasia A. Yakushina
Victor A. Chertopolokhov
Alexei V. Isaev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY USING VIRTUAL REALITY TO ASSESS THE SKILL LEVEL OF FREESTYLE WRESTLERS

In this paper we propose a new methodological approach to the assessment of professional skills of freestyle wrestlers, based on the use of virtual reality system. At the heart of the developed approach is the ability to form anticipation, which is one of the most important professionally important qualities of freestyle wrestlers. As a part of our research we selected 8 key freestyle wrestling techniques, taking into account the expert opinion, recorded them in the first person using a 180° camera and adapted them to the HTC Vive Pro Eye virtual reality system with the possibility to choose the answer using the controller. Approbation of the developed technology was conducted.

Keywords: Freestyle wrestling, sports, virtual reality, virtual sports, anticipation.

Введение. Вольная борьба, являясь контактным видом спорта, предъявляет к спортсмену высокие требования как к физической, так и к когнитивной подготовке, что обусловлено спецификой самого спорта, в частности высокой динамичностью и большим количеством комбинаторных ситуаций с высокой степенью неопределенности событий [1–3]. Одним из важнейших профессионально важных качеств борца вольного стиля является антиципация, которая позволяет предвидеть поведение соперника, что в свою очередь может быть основополагающим фактором, влияющим на успешность выступления [1]. Антиципация является результатом интегрированной работы разных систем ЦНС. Она формируется

при учете информации из внешней среды, внутреннего состояния, а также предыдущего опыта спортсмена.

Использование виртуальной реальности в подготовке спортсменов позволяет создавать искусственную, полностью контролируемую среду, имитирующую реальные условия спортивной деятельности [4, 5]. При одновременном применении системы захвата движений и обратной связи (зрительной, слуховой) возможно добиться полного погружения испытуемого в созданную виртуальную ситуацию, сделать ее интерактивной и производить коррекцию действий спортсмена в виртуальной ситуации в реальном времени [6, 7].

В работе предлагается новый методологический подход на основе использования виртуальной реальности, который позволяет проводить оценку уровня профессионального мастерства борцов вольного стиля, в частности сформированности навыков антиципации.

Материалы и методы. Целью исследования была разработка методологического подхода на основе использования виртуальной реальности, позволяющего проводить оценку уровня профессионального мастерства борцов вольного стиля, в частности, оценку сформированности навыков антиципации.

На первом этапе исследования с учетом экспертного мнения двух профессиональных тренеров (МСМК и МС) было выделено восемь ключевых приемов вольной борьбы: 1) бросок наклоном с захватом двух ног; 2) бросок поворотом с захватом руки и ноги; 3) перевод рывком с захватом руки и туловища; 4) перевод рывком с захватом руки и ноги; 5) перевод рывком с захватом руки и противоположной ноги; 6) бросок наклоном с захватом туловища; 7) бросок вращением с захватом за руку; 8) бросок сваливанием с захватом ноги.

На следующем этапе с помощью камеры 180° была проведена видеозапись указанных приемов от первого лица. Камера крепилась ко лбу одного из спортсменов так, чтобы на видео были видны приемы от первого лица, которые делает тренер.

Снятый видеоролик, включающий все восемь приемов, был адаптирован под систему виртуальной реальности HTC Vive Pro Eye.

Проведена апробация разработанной технологии на борцах вольного стиля (10 испытуемых; стаж занятий вольной борьбой варьировал от 1,5 до 12 лет), а также на группе контроля (4 испытуемых), которые никогда не занимались вольной борьбой. Все испытуемые были мужского пола.

Каждому испытуемому предъявлялся видеоряд из восьми видеороликов с демонстрацией приемов вольной борьбы. Каждый прием в видеоролике начинается с исходного положения борцов, затем происходит подготовка и выведение на прием, перед техническим приемом ролик останавливается и испытуемый выбирает один из трех вариантов контратакующего действия; демонстрируется конец видеоролика. Выбор момента остановки демонстрации видео приема проводился с учетом экспертного мнения двух профессиональных тренеров отдельно для каждого приема.

В группе контроля испытуемые давали в среднем 1–2 правильных ответов. В группе борцов среднее количество правильных ответов составило $4,4 \pm 0,84$. Это в свою очередь говорит об адекватности используемого инструментария.

Среди ограничений данного исследования является довольно маленькая выборка из 10 спортсменов-борцов. В дальнейшем для уточнения результатов мы планируем расширить исследовательскую выборку. Поскольку уровень мастерства борцов вольного стиля, с одной стороны, связан со способностью к антиципации, но не определяется ею, то мы не можем утверждать, что наша методика будет эффективна во всех случаях. Аналогичных методик в литературе мы не встречали.

Заключение. В настоящей работе нами предлагается новый методологический подход к оценке профессионального мастерства борцов вольного стиля, основанный на использовании системы виртуальной реальности. Проведенная апробация на 10 борцах вольного стиля показала адекватность используемого инструментария для оценки уровня мастерства спортсменов-борцов.

Библиографические ссылки

1. *Исаев А. В., Леонов С. В., Саноян Т. Р.* Оценка процесса формирования антиципации у спортсменов борцов разной квалификации // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5. С. 239–241.
2. *Поликанова И. С., Исаев А. В., Леонов С. В.* Индивидуально-типологические особенности нервной системы борцов вольного стиля и динамика их психофизиологических параметров при воздействии сильной физической нагрузки // Нац. псих. журнал. 2019. № 4 (36).
3. Individual features in the typology of the nervous system and the brain activity dynamics of freestyle wrestlers exposed to a strong physical activity (a pilot study) / I. Polikanova et al. // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10, № 4. P. 79.
4. *Фейткевич Н. А.* Спорт в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 118–121.
5. *Решетников А. М.* Применение VR-технологий в спортивной индустрии // Modern Science. 2019. № 12–1. С. 188–191.
6. *Erickson G. B.* Optimizing Visual Performance for Sport //Advances in Ophthalmology and Optometry. 2018. Vol. 3, № 1. P. 1–19.
7. Which technology to investigate visual perception in sport: Video vs. virtual reality / N. Vignais et al. // Human movement science. 2015. Vol. 39. P. 12–26.

А. О. Рогачёв

О. В. Сысоева

Научный центр когнитивных исследований

Научно-технологический университет «Сириус»

Сочи, Россия

УВЕЛИЧЕНИЕ АЛЬФА-РИТМА ГОЛОВНОГО МОЗГА ПРИ СРАВНЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОСТЕЙ ВРЕМЕННЫХ ИНТЕРВАЛОВ

Продemonстрирована связь альфа-активности головного мозга с выполнением задачи на сравнение длительностей временных интервалов — мощность альфа-ритма статистически значимо увеличивается от начала до середины предъявления сравниваемых интервалов, а затем убывает. Также показана связь альфа-активности с точкой субъективного равенства — показателем точности оценки временных интервалов.

Ключевые слова: восприятие времени, ЭЭГ, альфа-ритм, психофизика.

Anton O. Rogachev

Olga V. Sysoeva

Center for Cognitive Sciences

Sirius University

Sochi, Russia

INCREASING OF ALPHA RHYTHM OF THE BRAIN DURING COMPARING THE DURATION OF TIME INTERVALS

The connection between alpha activity of the brain and the task of comparing the durations of time intervals was demonstrated. Alpha rhythm power significantly increases from the beginning to the middle of the presentation of time intervals, and then decreases. The relationship of alpha-activity with the point of subjective equality, a measure of the accuracy of time interval estimation, was also shown.

Keywords: time perception, EEG, alpha-rhythm, psychophysics.

Введение. Альфа-ритм — электрическая активность головного мозга, регистрируемая в диапазоне 8–12 Гц, ее связывают с восприятием времени: с прогнозированием длительности временных интервалов [1], с процессами внимания и когнитивного контроля, вовлеченными в восприятие времени [2]. Однако в большей части работ по данной теме используются длинные временные интервалы — от нескольких десятков секунд и более [3], тогда как исследований связи ритмической активности мозга в альфа-диапазоне на менее длительных интервалах, а также при их сравнении, значительно меньше. Кроме того, в сходных работах (например, [4]) авторы не обсуждают связанную со сравнением длительностей стимулов альфа-активности, хотя в представленных результатах видна сильная корреляция между стимулом и альфа-ритмом.

Цель данной работы — изучить связь альфа-ритма головного мозга и процессом сравнения длительностей стимулов. Также предполагается рассмотрение динамики альфа-активности головного мозга в зависимости от порядка предъявления стимула (первый или второй) и от положения интервала для анализа (сразу после включения стимула, в середине и перед выключением стимула).

Материалы и методы. Участники (31 человек: 11 мужчин и 20 женщин, средний возраст $24,6 \pm 6,4$) выполняли задачу на сравнение длительностей стимулов: на экране друг за другом последовательно на различное время предъявлялись пары стимулов — две звездочки. При помощи клавиатуры требовалось ответить, какая из них была длиннее. Длительность стимулов варьировалась от 3,2 до 6,4 секунд с шагом 0,4. По ответам участников вычислялись индивидуальные значения точки субъективного равенства (PSE — point of subjective equality).

Проводилась регистрация 64-канальной ЭЭГ (actiCHamp Plus (Brain Products GmbH)) с референтом FCz. Обработка записей осуществлялась при помощи MNE Python. По каждой из девяти длительностей первого и второго стимулов сегментировались эпохи от 900 мс до включения и 1000 мс после выключения стимула; затем по этим эпохам вычислялись Morlet wavelets. Для анализа была выбрана группа теменных электродов, так как по ним спектральная мощность альфа-ритма, по которому обнаружены значимые

различия между условиями, наиболее выражена. Для анализа были взяты три интервала длительностью в 900 мс: после включения, в середине и до выключения стимула, а для post-hoc анализа — интервалы до включения первого стимула и после выключения второго стимула.

Статистический анализ проводился в RStudio с использованием ANCOVA с повторными измерениями. Предварительно производилась нормализация данных спектральной мощности (z-преобразование).

Результаты. Обнаружено увеличение мощности альфа-ритма в теменных отведениях, связанное с выполнением задачи на сравнение длительностей стимулов: выявлено, что на мощность альфа-ритма оказывает значимое влияние взаимодействие факторов порядка предъявления стимула и положения интервала для анализа ($F(2, 48) = 4,357, p = 0,02, \eta^2 = 0,15$). Последующий post-hoc анализ (t -тест Стьюдента) показал значимое ($p < 0,001$) повышение средней мощности альфа-ритма от момента включения стимула до его середины по сравнению с интервалом до включения стимула, и последующее падение мощности альфа-активности к моменту выключения стимула. Сравнение средней мощности альфа-ритма при предъявлении первого и второго стимулов продемонстрировало значимое увеличение среднего значения во втором стимуле сразу после его включения ($p = 0,02$).

Кроме того, значимым оказалось взаимодействие факторов порядка предъявления стимула, положения интервала и PSE как ковариаты ($F(2, 54) = 4,305, p = 0,02, \eta^2 = 0,14$). Выявлено увеличение значения PSE (то есть сдвиг оценки сравнения длительностей в сторону переоценки длительности первого стимула) вместе с увеличением средней мощности альфа-ритма на каждом из интервалов внутри стимула.

Заключение. Изучена динамика альфа-активности головного мозга, связанная со сравнением длительностей стимулов. По сравнению с межстимульным интервалом, при выполнении данной задачи мощность альфа-ритма повышается к середине предъявления интервала для измерения, а к моменту выключения стимула она снижается. Также продемонстрирована положительная линейная

связь между точкой субъективного равенства — показателя точности сравнения временных интервалов — и средней мощностью альфа-ритма. Таким образом, показана связь мощности альфа-ритма с оценкой длительностей временных интервалов и с психофизическими механизмами, лежащими в основе восприятия времени.

Библиографические ссылки

1. Time production and EEG alpha revisited / J. Glicksohn et al. // *Neuro-Quantology*. 2009. Vol. 7, № 1.
2. Klimesch W., Sauseng P., Hanslmayr S. EEG alpha oscillations: the inhibition–timing hypothesis // *Brain research reviews*. 2007. Vol. 53, № 1. P. 63–88.
3. Wiener M., Kanai R. Frequency tuning for temporal perception and prediction // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 8. P. 1–6.
4. Kononowicz T. W., van Rijn H. Single trial beta oscillations index time estimation // *Neuropsychologia*. 2015. Vol. 75. P. 381–389.

А. М. Рябков

*Межрегиональный отдел психологической работы
Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ
по Свердловской области
Екатеринбург, Россия*

КРИМИНАЛЬНАЯ ЗАРАЖЕННОСТЬ ПОДРОСТКОВ, СОВЕРШИВШИХ УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В последние годы криминальная субкультура вышла далеко за пределы пенитенциарной системы, захватывая все новые социокультурные пространства и оказывая все большее влияние на подрастающее поколение. Распространение криминальной субкультуры среди молодежи в современной России достигло таких масштабов, что меры по борьбе с данным явлением принимаются на самом высоком государственном уровне. В 2016 году в докладе специальной комиссии Совета по правам человека при Президенте РФ распространение криминальной субкультуры среди молодежи было названо угрозой национальной безопасности.

Ключевые слова: подростки, криминальная субкультура, криминальная зараженность, криминальная направленность.

Alexander M. Ryabkov

*Interregional Department of Psychological Work
of the Federal Penitentiary Service of Russia
for the Sverdlovsk region
Yekaterinburg, Russia*

CRIMINAL INFECTION OF TEENAGERS WHO HAVE COMMITTED CRIMINAL OFFENSES

In recent years, the criminal subculture has gone far beyond the penitentiary system, seizing new socio-cultural spaces and exerting an increasing influence on the younger generation. The spread of criminal subculture among young people in modern Russia has reached such proportions that measures to combat this phenomenon are being taken at the highest state level. In 2016, the report of the special commission of the Human Rights

Council under the President of the Russian Federation called the spread of criminal subculture among young people a threat to national security.

Keywords: teenagers, criminal subculture, criminal infection, criminal orientation.

Введение. В последнее время в России все большее число несовершеннолетних вовлекается в криминальную субкультуру. В образовательных организациях систематически фиксируются случаи правонарушений, совершаемых подростками, под лозунгами криминальной идеологии [1]. Яркий пример — криминогенная ситуация с подростковой преступностью в Забайкальском крае, где, по мнению независимых экспертов, отдельные детские дома (интернаты) и общеобразовательные школы этих регионов оказались фактически под властью криминальных группировок, состоящих в основном из таких же несовершеннолетних учеников и бывших выпускников [2]. Особенностью криминальной субкультуры является то, что ее нормы в значительной степени категоричны и могут носить агрессивный характер в отношении отдельных групп, например в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений сексуального характера [3].

Материалы и методы. В исследовании приняли участие ученики Федерального казенного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 ГУФСИН России по Свердловской области» и Федерального казенного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа УФСИН России по Тюменской области», всего 165 человек. В данных школах обучаются подростки, совершившие уголовные преступления и приговоренные к лишению свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии (далее — ВК). Также в исследовании приняли участие 52 ученика общеобразовательных школ Свердловской и Тюменской области, состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ). Данная группа подростков, которые совершили уголовные преступления, но получившие наказание условно и оставшиеся на свободе. Исследование проходило в форме опроса и анализа личных дел. Кроме того, были использованы данные полученные в процессе апробации «Опросника криминальной зараженности несовершеннолетних» [4].

Результаты. Только 41 % подростков воспитывались в полных семьях, у 3 % опрошенных есть судимые родственники. На наличие у себя криминального прозвища указали 7 % подростков (ВК — 6 %, УИИ — 8 %). На использование криминального жаргона в общении с окружающими указали — 16 % (ВК — 11 %, УИИ — 39 %). При этом большая часть опрошенных отметили, что используют слова криминального жаргона преимущественно в общении с друзьями и сверстниками.

Часть подростков, 6 % (ВК — 6 %, УИИ — 6 %), считают, что опыт отбывания наказания в местах лишения свободы повышает уровень уважения к человеку среди окружающих.

На прослушивание музыкальных произведений, пропагандирующих тюремную романтику, указали 23 % (ВК — 22 %, УИИ — 29 %). При этом стоит отметить, если ранее среди песен о тюремной романтике и криминальном образе жизни подростки чаще всего упоминали песни в стиле «шансон», то в настоящее время они чаще увлекаются рэп-исполнителями, такими как Руслан Черный, Капсыйский Груз, Мафик и др.

На вопрос о том, откуда узнали о криминальной субкультуре, криминальных нормах и традициях, подростки чаще всего называли Интернет и социальные сети 35 % (ВК — 35 %; УИИ — 35 %), от друзей и знакомых — 31 % (ВК — 27 %, УИИ — 44 %), от лиц, ранее отбывавших наказание, — 10 % (ВК — 10 %; УИИ — 12 %), из средств массовой информации — 6 % (ВК — 4 %; УИИ — 12 %).

На вопрос о том, какие элементы криминальной субкультуры используют в настоящее время, все подростки, отбывающие наказание в ВК, ответили, что не используют ничего подобного. В то время как школьники, совершившие преступления и отбывающие наказание условно, называли использование в речи слов криминального жаргона — 58 %, обращение друг к другу по прозвищам — 54 %, прослушивание музыкальных произведений, пропагандирующих тюремную романтику и криминальный образ жизни, — 30 %, нанесение криминальных татуировок — 18 %.

На вопрос, распространены ли среди вашего окружения неофициальные законы нормы и традиции, утвердительно ответили ВК — 4 %, УИИ — 65 %. Такое различие в результатах ответов на данный

вопрос можно объяснить как социальной желательностью ответов, так и тем, что в ВК проводится целенаправленная работа по профилактике криминальной субкультуры со стороны сотрудников различных отделов и служб и проявление каких-либо ее атрибутов чаще всего сразу пресекается.

Таким образом, установлено, что значительная часть несовершеннолетних преступников не увлечены тюремной романтикой, они совершали свои преступления, скорее всего, без идеологических убеждений. Поэтому в процессе профилактической работы с подростками, совершившими уголовные преступления, важно дифференцировать понятия криминальная направленность и криминальная зараженность.

Заключение. В результате исследования установлено, что среди подростков, привлеченных к уголовной ответственности, наиболее распространенными элементами криминальной субкультуры являются использование прозвищ, использование в речи слов криминального жаргона, прослушивание музыкальных произведений, романтизирующих криминальный образ жизни. Среди каналов распространения криминальной субкультуры в среде подростков в настоящее время все большую роль играют Интернет и социальные сети.

Библиографические ссылки

1. Семочкина А. А. АУЕ — как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестн. экон. безопасности. 2020. № 6. С. 154–158.
2. Польшиков А. В., Буданова Е. А. Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2019. № 2. С. 249–255.
3. Tokareva Y., Dzuman E. Personal Attitudes of Young Men Prosecuted for Commission of Sexual Offences // Lurian Journal. 2021. Vol. 2. № 2. P. 86–96.
4. Рябков А. М., Степанова Е. С., Муслумов Р. Р. Разработка и апробация методики оценки криминальной зараженности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Приклад. юр. психология. 2022. № 2(59). С. 77–86.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕЛЕСНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПЕРЕЖИВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩИХ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ

В статье идет речь об изучении внутреннего плана социальной ситуации межнационального конфликта между палестинцами и израильтянами. Анализ опыта межнациональных отношений важен для современного мира, для которого характерно обострение конфликтов между странами и народами. Мы исследуем структурно-динамическую организацию опыта этнического субъекта, и социальные феномены, это впечатление, которое он вызывает [1, 2].

Цель исследования — изучить телесную составляющую переживания межэтнических отношений представителями в многонациональных регионах. Согласно анкете Л. Р. Фархутдинова (2012), 300 представителей палестинских и израильских этнических групп были опрошены об их опыте межэтнического конфликта. Структура опыта межэтнического конфликта между палестинцами и израильтянами существенно различается по телесной составляющей [3, 4].

Ключевые слова: переживание, сознание, впечатление, телесные, характеристики, межэтнического, отношения, самоощущения, конфликт, мышечные, вестибулярные, многонациональных регионах.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHYSICAL COMPONENT OF THE EXPERIENCE OF INTERETHNIC RELATIONS OF PEOPLE LIVING IN MULTINATIONAL REGIONS

The article is intended to study the internal plan of the social situation of interethnic conflict between Palestinians and Israelis. Analysis of the experience of interethnic relations is important for the modern world, which is characterized by the aggravation of conflicts between countries and peoples [1, 2]. We are exploring the structural-dynamic organization of the experience of an ethnic subject, and social phenomena are the impression that it evokes. The purpose of the study is to study the physical component of the experience of interethnic relations between representatives of the Palestinian and Israeli peoples. According to a questionnaire by L. R. Farkhutdinov (2012), 300 representatives of Palestinian and Israeli ethnic groups were asked about their experience of inter-ethnic conflict. The structure of the experience of interethnic conflict between Palestinians and Israelis differs significantly in terms of the bodily component [3, 4].

Keywords: experience, consciousness, impression, bodily, characteristics, interethnic, relationship, self-awareness, conflict, muscular, vestibular, multiethnic regions.

Введение. Процессы глобализации, культурного единства, происходящие в настоящее время во всем мире, одновременно ухудшили национальную уверенность людей в себе, привели к вспышке стремления к автономии и конфликтам людей в попытке защитить свою национальную идентичность [5, 6].

Материалы и методы. Шкала «Телесная составляющая» опросника переживания ТЗК Л. Р. Фархутдиновой [5], для обработки данных применялся Т-критерий. Испытуемые: 150 палестинцев и 150 израильтян мужского и женского пола, возраст — от 15 до 65 лет.

Результаты. Средние значения переживаний телесного самоощущения в отношении экстероцептивного компонента значительно

различались по параметрам: вкус, осязание, слух и зрение (рис. 1). Средняя оценка палестинцев по неприятному восприятию себя

Рис. 1. Телесные самоощущения по экстерорецептивной составляющей переживания межэтнического конфликта палестинцев и израильтян и частоты встречаемости экстерорецептивной характеристики переживания межэтнического конфликта палестинцев и израильтян: первый столбик: показатели переживания палестинцев, второй — израильтян; приятные и неприятные (вкусовые, осязательные, обонятельные, слуховые, зрительные) самоощущения при переживании межэтнического конфликта

выше среднего, а у израильтян по приятному ощущению себя выше, чем у палестинцев.

У израильтян наблюдается уменьшение количества экстерорецепторов по сравнению со средним показателем для неприятных ощущений себя. Таким образом, для израильтян характерно общее снижение чувствительности к внешнему миру во всех его формах, когда они переживают межэтнические конфликты, по сравнению с палестинцами.

Что касается проприоцепторного компонента опыта (мышечного самосознания), мы видим высокие уровни как с палестинской, так и с израильской стороны (рис. 2). Но у израильтян такой показатель шкалы «сжатие кулаков» выше, что свидетельствует о более высоком уровне готовности к агрессивной реакции, и в сочетании с ухудшением экстероцептивных чувств эта реакция предполагает, что палестинский народ переживает конфликт сильнее, реакция аналогична и в стрессовой ситуации. В то же время у палестинцев более низкий уровень «желания атаковать», что больше похоже на более защитный характер их реакции на опасность, о чем свидетельствуют более высокие показатели по шкале «Лень» и более высокие результаты по шкале «Дрожь».

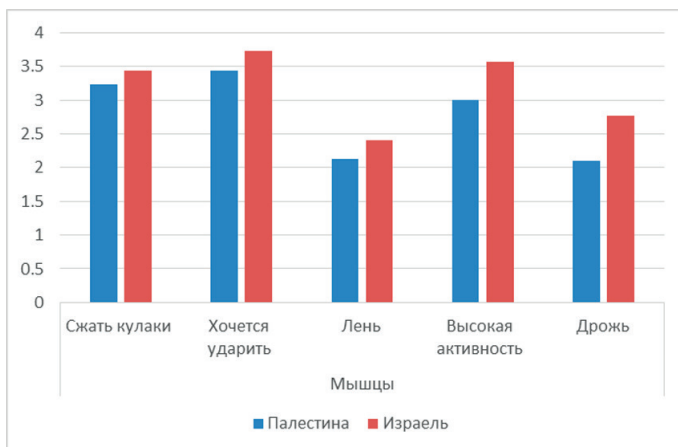

Рис. 2. Телесные самоощущения по проприорецептивной составляющей переживания (мышечные самоощущения) межэтнического конфликта палестинцев и израильтян

На рис. 3 показано, что по проприоцепторному компоненту переживания (вестибулярные ощущения) у израильтян показатели выше среднего, у палестинцев ниже среднего, но обе стороны демонстрируют снижение самосознания стабильности мира (головокружение, труднее поддерживать равновесие, труднее удерживать равновесие). Качество показателей проприоцепторного компонента показывает, что впечатление конфликта с обеих сторон меняет картину мира, является стрессовым и сопровождается чувством опасности, и для палестинцев это впечатление имеет более глубокий и сильный эффект на сознание, травматический и развивающий эффект заметно выше, все представители Палестины и Израиля демонстрируют проприоцептивный компонент опыта во всех модальностях самооценки.

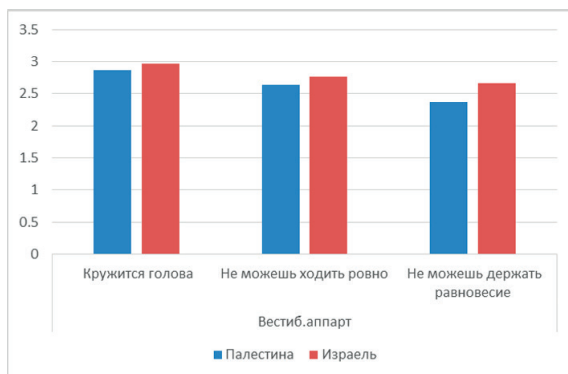

Рис. 3. Телесные самоощущения по проприорецептивной составляющей переживания (вестибулярные самоощущения) межэтнического конфликта палестинцев и израильтян

Рис. 4 показывает, что интерорецепторная составляющая показывает значительно более высокие темпы усиления сердечно-сосудистой реакции, когда палестинцы переживают конфликт. Оценки ЖКТ (желудочно-кишечный тракт) палестинцев и израильтян выше среднего, и обе стороны негативно относятся к себе. Все представители Палестины и Израиля всячески демонстрируют негативные модели самоощущения.

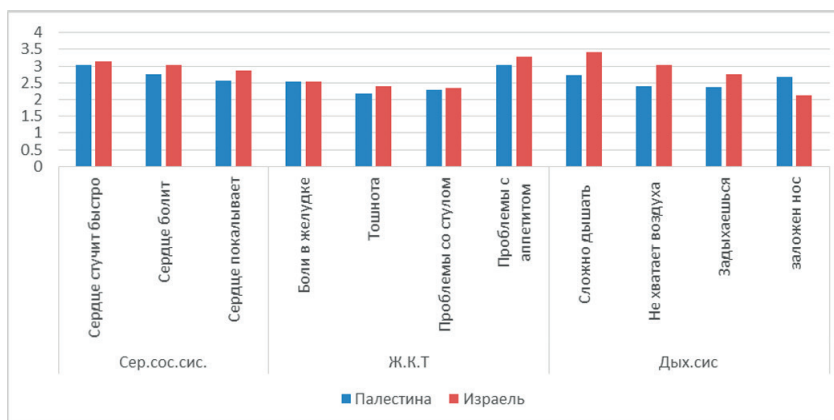

Рис. 4. Телесные самоощущения по проприорецептивной составляющей переживания (вестибулярные самоощущения) межэтнического конфликта палестинцев и израильтян

По показателям дыхательной системы в условиях конфликта обе стороны показывают затрудненное дыхание, у палестинцев показатели выше.

Заключение. По телесной составляющей переживания межэтнического конфликта представителями палестинцев и израильтян достоверно различаются. И по экстероцепторному измерению у палестинского народа более высокие показатели телесной составляющей. По проприорецепторной составляющей переживания (мышечные ощущения) высокие показатели как со стороны палестинской, так и израильской стороны. Интерорецепторная составляющая показывает достоверно более высокие показатели усиления реакции сердечно-сосудистой системы при переживании конфликта израильтян. Показатели ЖКТ израильского и палестинского народов выше среднего, и обе стороны испытывают негативные самоощущения. Показатели самоощущения дыхательной системы показали высокие уровень негативных самоощущений для обеих сторон конфликта.

Библиографические ссылки

1. Деева Н. А. Переживание кризиса в юношеском возрасте // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2.

2. *Шауамри С., Фахрутдинова Л. Р.* Сравнительный анализ телесной составляющей переживания межнационального конфликта палестинцев и израильтян // Психология психических состояний. 2018. С. 105–111.

3. *Клеменчук С. П.* Пространственная составляющая телесно-двигательной пластичности // Kant. 2013. № 2 (8).

4. *Копылкова Е. А.* Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов) : дис. ... канд. псих. наук. Москва, 2006. 202 с.

5. *Фахрутдинова Л. Р.* Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008.

6. *Фахрутдинова Л. Р.* Структурно-динамическая организация переживания субъекта : дис. ... д-ра псих. наук. Казань, 2012. 535 с.

Т. Н. Сахарова

Н. А. Цветкова

Московский педагогический государственный университет,

Институт педагогики и психологии

Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВУЗА

Работа посвящена обобщению опыт работы психологической службы МПГУ. На основе анализа более 2500 индивидуальных консультаций, проведенных экспертами психологической службы в период с 2018 года по настоящее время, выделен спектр наиболее частых запросов, обозначены наиболее важные направления деятельности. Обоснована необходимость многопрофильности деятельности психологической службы вуза; в качестве основных направлений должны выступать консультативная помощь обучающимся и просветительская деятельность.

Ключевые слова: психологическая служба вуза; запрос на психологическую помощь; индивидуальные консультации, просветительская деятельность.

Taiana N. Sakharova

Natalia A. Tsvetkova

Moscow Pedagogical State University,

Institute of Pedagogy and Psychology

Moscow, Russia

THE MAIN DIRECTIONS IN THE WORK OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE AT THE UNIVERSITY

The work is devoted to summarizing the experience of the Psychological Service of the Moscow State Pedagogical University. Based on the analysis of more than 2,500 individual consultations conducted by experts of the psychological service in the period from 2018 to the present, a range of the most frequent requests has been identified, and the most important areas

of activity have been identified. The necessity of multidisciplinary activity of the psychological service of the university is substantiated; advisory assistance to students and educational activities should be the main directions.

Keywords: psychological service at the university; request for psychological help; individual consultations; educational activity.

Введение. К. Д. Ушинский называл студенческий возраст «самым решительным», поскольку он во многом определяет будущее человека и является временем интенсивной работы над собой. «Именно в юности происходит становление человека как личности, когда молодой человек, присвоил социально значимые свойства личности, способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; способность к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе и др.» [Цит. по: 1]. Студенческий возраст — пора значимых выборов (профессиональной деятельности, спутника жизни и др.) и принятия важнейших жизненных решений. У современного студенчества, помимо проблем, обусловленных возрастными особенностями жизненного пути, появились проблемы, обусловленные общецивилизационными особенностями развития общества (появление виртуального интернет-пространства и связанных с ним возможностей), а также особенностями менталитета российских родителей последних десятилетий. Чрезмерная опека, свойственная многим родителям в этот период, привела к тому, что многие сегодняшние 18–20-летние молодые люди демонстрируют высокий уровень инфантильности и характеризуются такими качествами, как отсутствие навыков решать проблемы, прогнозировать последствия своих действий и риски; быть последовательными в достижении целей; «держат удар», переживать неудачи, бороться и преодолевать трудности.

Количество и глубина возникающих у студентов проблем приводят к серьезным психологическим последствиям, справиться с которыми самостоятельно многие студенты зачастую не могут. Это обуславливает высокую важность и исключительную актуальность создания в вузах психологической службы и многопрофильность ее деятельности.

Целью нашей работы стало обобщение опыт работы психологической службы МПГУ, выделить спектр наиболее частых запросов и обозначить значимые направления деятельности.

Материалы и методы. За время работы психологической службы МПГУ с февраля 2018 года экспертами службы было проведено более 2500 индивидуальных консультаций, а также ряд просветительских мероприятий. На основе анализа запросов на психологическую помощь и обратной связи от получивших ее обучающихся были выделены наиболее востребованные направления оказания психологической помощи; с помощью опроса с использованием авторской анкеты были установлены психологические особенности реакций студентов на стресс, вызванный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 [2], исследовано влияние на структуру запроса того обстоятельства, что вуз с апреля 2020 г. перешел на онлайн-формат обучения [3]; опробованы методы групповой просветительно-развивающей работы [4].

Результаты. В запросах на психологическую помощь студенческой молодежи можно выделить следующие три больших группы: а) стремление студентов изменить к лучшему свои личностные качества (повысить самооценку, устранить тревожность, изменить негативные черты своего характера, своего поведения и стиля общения); б) определить свои приоритеты, обрести уверенность и решить проблемы в общении с противоположным полом; в) утвердиться в правильности выбора своего профессионального будущего, осознать цели и ценности будущей профессии.

Показано, что деятельность психологической службы не может ограничиваться индивидуальными консультациями. У многих студентов причиной появления психологических проблем является психологическая неграмотность, что указывает на необходимость развернутой просветительской деятельности на базе психологической службы вуза, включающей регулярное обновление информационного отдела сайта психологической службы, мини-лекции о практической психологии, групповые тренинги общения и т. п.

Заключение. Многопрофильность деятельности психологической службы вуза обуславливается необходимостью комплексного подхода к решению психологических проблем, с которыми сталкивается

современное студенчество. Основными направлениями должны являться оказание консультативной помощи и просветительская деятельность.

Библиографические ссылки

1. *Mukhina V. S.* Developmental psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence. M., 1999.
2. *Makarova E. Yu., Tsvetkova N. A.* Psychological features of reactions to stress caused by the regime of self-isolation during the COVID-19 pandemic // E-Scio : Electronic periodical "E-Scio.ru" — El No. FS77–66730 — Midwifery. <http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/10/Makarov-E.-Yu.-Tsvetkova-N.-A.pdf>
3. *Pokrovskaya S. V., Tsvetkova N. A.* Features of the request for psychological assistance in the emergent situation of the COVID-19 pandemic // Psychology. Historical-critical reviews and modern research. 2020. Vol. 9, № 4A. P. 159–164.
4. *Sakharova T. N., Umanskaya E. G., Tsvetkova N. A.* Psychological support of personality development in the conditions of organizing children's recreation and their recovery. M., 2020.

Е. Ю. Семенова

Т. И. Логвиненко

Научный центр когнитивных исследований

Научно-технологический университет «Сириус»

Сочи, Россия

РОЛЬ БИЛИНГВАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОПЫТА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

В работе описывается проект исследования по изучению феномена билингвального преимущества. Планируется изучение компонентов исполнительных функций (рабочей памяти, ингибиторного контроля, когнитивной гибкости) у выборки молодых взрослых, владеющих двумя языковыми парами (адыгейский-русский или татарский-русский). Согласно гипотезе исследования, билингвы, погруженные в разные культурно-языковые контексты, будут различаться по уровню билингвального языкового опыта и, следовательно, по показателям исполнительных функций.

Ключевые слова: билингвизм, языковой опыт, исполнительные функции, языковая энтропия, билингвальное преимущество.

Elena Yu. Semenova

Tatyana I. Logvinenko

Center for Cognitive Sciences

Sirius University

Sochi, Russia

THE ROLE OF BILINGUAL LANGUAGE EXPERIENCE IN EXECUTIVE FUNCTIONING

This is the research design of the project that aims at examining the bilingual advantage. The study will assess the following components of executive functions (working memory, inhibitory control, cognitive flexibility) in the sample of young adults native to two language pairs (Adyghe-Russian or Tatar-Russian). According to the research hypothesis, bilinguals immersed into different linguistic and cultural contexts will have various

levels of bilingual language experience and, consequently, will differ in their executive functions.

Keywords: bilingualism, language experience, executive functions, language entropy, bilingual advantage.

Введение. Значительный массив данных исследований демонстрирует, что опыт владения двумя и более языками может вести к «билингвальному преимуществу» (Bilingual Advantage) в работе исполнительных функций (ИФ) [1]. Считается, что билингвы развивают лучшие навыки ингибиторного контроля и мониторинга, чем монолингвы, так как им необходимо постоянно подавлять нерелевантный язык, подстраиваясь под реалии окружающего языкового контекста. Однако за последние десятилетия наряду с данными в пользу существования билингвального преимущества в ИФ появились исследования, не обнаружившие его эмпирически и оспаривающие его теоретически [2]. Сегодня вопрос, связан ли билингвизм с когнитивными преимуществами в области ИФ, является открытым.

Мета-аналитические исследования последних лет противоречивы: в работе Гуннеруда и коллег [3] было обнаружено незначительное преимущество билингвов в области когнитивного функционирования ($g = 0,06$), а в работе Лоу и соавторов [4], наоборот, было найдено отрицательное, но тоже незначительное влияние опыта использования двух языков на проявление ИФ ($g = -0,04$). Подобная неконсистентность существующих данных может быть обусловлена двумя потенциальными источниками вариативности, возникающими в процессе проведения исследований и анализе данных. Такими источниками выступают инструменты для оценки ИФ и способы операционализации билингвального языкового опыта [1]. Предположительно, индивидуальный языковой опыт, а также контекст использования двух языков в повседневной жизни играют важную модулирующую роль в работе ИФ у билингвов [4, 5]. Однако среди исследователей нет явного консенсуса относительно того, какие компоненты составляют индивидуальный языковой опыт билингвов. Наиболее часто упоминается сочетание таких факторов, как контекст использования языков, уровень владения языками,

частота переключения между языками, возраст овладения вторым языком, а также степень бикультурности [5, 6]. Гуллифер и Титоне [6] предлагают инновационный способ характеристики текущего языкового опыта, который включает в себя измерение языковой энтропии. Языковая энтропия позволяет проиндексировать индивидуальные различия в повседневном использовании двух или более языков. Более высокие значения энтропии будут указывать на более сбалансированное использование языков.

Данная работа посвящена изучению вклада компонентов индивидуального билингвального языкового опыта на ИФ у людей, использующих два языка в ежедневной речевой практике. Исследование ставит перед собой две цели: 1) изучить современные теоретические и методологические основы, лежащие в основе гипотезы билингвального преимущества; 2) рассмотреть влияние билингвального языкового опыта на ИФ у молодых взрослых.

Материалы и методы. В исследовании примут участие две группы билингвов (18–35 лет; $n = 40$ в каждой группе) — носители двух языковых пар (адыгейский-русский или татарский-русский). Для характеристики индивидуальных различий в билингвальном языковом опыте будет рассчитываться степень языковой энтропии [6]. Для этого будет использована батарея инструментов, включающая в себя социодемографический опросник, тесты на знание татарского или адыгейского языков, русскоязычный вариант опросников Language and Social Background Questionnaire [5], Bicultural Identity Integration Scale — 2 [7], культурно-независимый тест интеллекта Р. Кеттелла. Для оценки компонентов ИФ — рабочей памяти, ингибиторного контроля, когнитивной гибкости — будут проведены неязыковые когнитивные задания, а также опросник Behavior Rating Inventory of Executive Function-2.

Результаты. Носители татарского и адыгейского языков представляют собой интересную когорту билингвов благодаря их повседневному погружению в два культурно-языковых контекста. В данном исследовании мы предполагаем, что билингвы, проживающие в разных этнических регионах России, будут различаться по уровню билингвального языкового опыта и, следовательно, согласно сформулированной гипотезе, по показателям ИФ.

Заключение. Данное исследование является одним из первых, которое рассмотрит билингвальное преимущество в выборке носителей двух языковых пар (адыгейский-русский и татарский-русский), в том числе путем расширения понимания билингвизма через рассмотрение его сквозь призму языковой энтропии.

Библиографические ссылки

1. *Bialystok E., Craik F.I.M.* How does bilingualism modify cognitive function? Attention to the mechanism // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2022. P. 1–24.
2. *Paap K.R.* Bilingual advantages in executive functioning: problems in convergent validity, discriminant validity, and the identification of the theoretical constructs // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. P. 1–15.
3. Is bilingualism related to a cognitive advantage in children? A systematic review and meta-analysis / H. L. Gunnerud, D. ten Braak, E. K. L. Reikerås et al. // *Psychological Bulletin*. 2020. № 146(12). P. 1059–1083. <https://doi.org/10.1037/bul0000301>
4. The bilingual advantage in children's executive functioning is not related to language status: A meta-analytic review / C. J. Lowe, I. Cho, S. F. Goldsmith et al. // *Psychological science*. 2021. № 32(7). P. 1115–1146. <https://doi.org/10.1177/0956797621993108>
5. The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population / J. A. E. Anderson, L. Mak, A. Keyvani Chahi et al. // *Behavior Research Methods*. 2018. Vol. 50. No. 1. P. 250–263.
6. *Gullifer J. W., Titone D.* Characterizing the social diversity of bilingualism using language entropy // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, № 2. P. 283–294.
7. *Huynh Q. L., Benet-Martínez V., Nguyen A. M. D.* Measuring variations in bicultural identity across US ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale — Version 2 (BIIS-2) // *Psychological Assessment*. 2018. № 30(12). P. 1581.

Г. В. Сериков

И. И. Дроздова

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГО-ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ИНТОЛЕРАНТНЫМ К ОЦЕНИВАНИЮ СВОЕГО ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Рассматривается проблема психолого-психотерапевтической помощи лицам, интолерантным к оцениванию своего внешнего облика. Анализируются теоретические представления о процессах самовосприятия внешнего облика, механизмах его «проблемного» сравнения с внешним обликом других людей, переживания, основанные на возможности коррекции субъектом самооценки своей внешности и повышения устойчивости к ее оценкам окружающими. Приводятся результаты проведенных авторами социально-психологических тренингов, направленных на повышение толерантности к оценкам и самооценкам внешнего облика.

Ключевые слова: внешний облик, оценка и самооценка внешнего облика, беспокойство, социально-психологический тренинг.

Gennady V. Serikov

Irina I. Drozdova

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

ON THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOTHERAPEUTIC ASSISTANCE TO PERSONS INTOLERANT TO EVALUATION OF THEIR APPEARANCE

The problem of psychological and psychotherapeutic assistance to persons intolerant to the assessment of their appearance is considered. Theoretical ideas about the processes of self-perception of external appearance, the mechanisms of its “problematic” comparison with the external appearance of other people, experiences based on the possibility of the subject correcting

his self-esteem of his appearance and increasing resistance to its assessments by others are analyzed. The results of socio-psychological trainings conducted by the authors aimed at increasing tolerance to assessments and self-assessments of appearance are given.

Keywords: physical appearance, assessment and self-assessment of physical appearance, concern, socio-psychological training.

Введение. В настоящее время, когда СМИ и индустрия моды интенсивно транслируют «стандарты», «идеалы» внешности», обладание которыми однозначно связывается с успехами человека в межличностном общении, карьерных достижениях и других жизненно важных сферах, проблема устойчивости личности к оценкам и самооценкам внешнего облика приобретает все большую актуальность [1–4].

Материалы и методы. Для организации психологической помощи, направленной на повышение толерантности субъекта к оценкам его внешнего облика и коррекцию его самооценки, необходимо, на наш взгляд, прежде рассмотреть, на каких теоретических основаниях она должна строиться. Имеется в виду определить то, какие компенсаторные, защитные механизмы, копинг-стратегии, описанные в исследованиях западных и отечественных ученых, должны быть задействованы в практике коррекции и психотерапевтической помощи. Какие конкретные методы, техники могут быть предложены для работы с данной проблемой в СПТ, как оценить их эффективность и т. п.

Теоретические представления о процессах восприятия и самовосприятия внешнего облика, механизмах «проблемного» сравнения его с внешним обликом других, возможности «исправления» его самооценки и повышения устойчивости к оценкам окружающих представлены в теориях социального сравнения Л. Фестингера [5], личностного расхождения Т. Хиггинса [6]. Они дополняют друг друга, описывая процесс рассогласования внутреннего и внешнего в человеке, неблагоприятным результатом которого могут быть не только носящие негативный характер интенсивные эмоциональные переживания, но и нарушения пищевого поведения. Кроме того, для объяснения мотивационных аспектов такого поведения,

а также природы рассматриваемого нами феномена можно, как мы полагаем, привлечь адлеровское стремление к превосходству в интерпретации А. И. Розова [7].

Результаты. Что же касается конкретных техник, методов, процедур, направленных на коррекцию самооценки внешнего облика и повышение устойчивости к его оценкам со стороны окружающих, то они могут, на наш взгляд, быть заимствованы после соответствующей модификации из когнитивно-поведенческой психотерапии, психодрамы и рационально-эмотивной терапии.

Проведенный нами социально-психологический тренинг на основе вышеуказанных теоретических подходов, в котором была сделана попытка помочь людям с низкой толерантностью к оценкам и самооценкам внешности, показал, что в то время как по соотношению результатов предварительного и итогового тестирования значительно снизилась интенсивность беспокойности своим внешним обликом и увеличилась удовлетворенности им, изменились в сторону увеличения интенсивности показатели самооценки внешнего облика, параметры интолерантности к негативной оценке своего внешнего облика со стороны других людей значительно не изменились.

Заключение. Возможно, для этого необходим более продолжительный, интенсивный режим тренинга, дополнения в содержание программы.

Библиографические ссылки

1. Лабунская В. А. Внешний облик человека в контексте психологии социального познания и социально-перцептивного подхода // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под ред. В. А. Лабунской, Г. В. Серикова, Т. А. Шкурко. Ростов н/Д : Мини-Тайп, 2019. С. 13–40.
2. Сериков Г. В. Социально-психологические механизмы и социокультурные факторы, обуславливающие отношение человека к своему внешнему облику как к личностной проблеме // Социальная психология внешнего облика: теоретические подходы и эмпирические исследования : кол. монография / под ред. В. А. Лабунской, Г. В. Серикова, Т. А. Шкурко. Ростов н/Д : Мини-Тайп, 2019. С. 293–308.

3. Aggrey G. B., Anakwah N., Sarfo J. O. 'Unattractive, So Hopeless?' Feelings of Physical Unattractiveness and Hopelessness among Senior High Students // European Researcher. Series A. 2016. Vol. 110. Is. 9. P. 500–507.
4. Encyclopedia of Body Image and Human Appearance / E. T. Cash et al. // Published by Elsevier Inc. 2012. Vol. (1, 2). 882 p.
5. Halliwell E. Social Comparison Theory and Body Image / Encyclopedia of Body Image and Human Appearance. Published by Elsevier Inc. 2012. Vol. 2. P. 750–757.
6. Higgins E. T. Self-discrepancy: A theory relating Self and affect // Psychological Review. 1987. Vol. 94, № 3. P. 319–340.
7. Розов А. И. Стремление к превосходству как одно из основных влечений // Псих. журнал. 1993. Т. 14, № 6. С. 134–141.

Г. У. Солдатова

А. Е. Вишнева

А. Г. Кошечкина

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

ВЫБОР ФОРМАТА МЕДИАМНОГОЗАДАЧНОСТИ ПОДРОСТКАМИ И ИХ КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ*

Исследование посвящено сравнительному анализу когнитивных особенностей детей и подростков с разным уровнем многозадачности. Результаты исследования показывают, что чем старше дети, тем более они склонны выбирать формат ММЗ. За этим стоят определенные когнитивные особенности: если в младшем школьном возрасте выбор данного формата обусловлен скорее когнитивной незрелостью, то по мере взросления разница в когнитивных профилях однозадачников и многозадачников нивелируется, а к старшему подростковому возрасту многозадачники даже опережают однозадачников по некоторым когнитивным параметрам.

Ключевые слова: многозадачность, медиамногозадачность, когнитивные функции, развитие когнитивной сферы, дети, подростки.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-14181.

THE CHOICE OF MEDIA MULTITASKING FORMAT BY TEENAGERS AND THEIR COGNITIVE FEATURES

The study is devoted to a comparative analysis of the cognitive features of children and adolescents with different levels of multitasking. The results show that the older children are, the more they tend to choose the MMT format. There are certain cognitive features behind this: if at primary school age the choice of this format is due rather to cognitive immaturity, then as they grow up, the difference in the cognitive profiles of single-taskers and multitaskers is leveled, and by the older adolescence, multitaskers even outperform single-taskers in some cognitive parameters.

Keywords: multitasking, media multitasking, cognitive functions, cognitive development, children, adolescents.

Введение. Процесс цифровой трансформации порождает новые способы взаимодействия с окружающей средой. Одним из таких способов стал формат медиамногозадачности (ММЗ). Данный формат изучается в том числе с точки зрения его влияния на особенности когнитивного развития детей и подростков. Однако существующих работ ввиду противоречивости их результатов оказывается недостаточно, чтобы сделать однозначные выводы [1–3]. Цель данного исследования — изучение когнитивных особенностей у детей и подростков с разным уровнем многозадачности в разных возрастах.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 154 школьника (49 % девочек и 51 % мальчиков), из которых 49 младших школьников (7–10 лет), 60 младших подростков (11–13 лет) и 45 старших подростков (14–16 лет). Все дети — учащиеся московских школ, без трудностей в обучении. Методы исследования включали квазиэксперимент на ММЗ [1], нейропсихологический блок методик [4], компьютерный тест «Dots: Hearts & Flowers» [5],

субтесты «Осведомленность» и «Понятливость» детского варианта теста Векслера (WISC).

Результаты. На основании критерия переключаемости (возвращений к заданиям, то есть дополнительных подходов) выборка была разделена на 3 группы по уровню ММЗ: 0 дополнительных подходов — однозадачники (42 %); 1–2 дополнительных подхода — однозадачники с элементами многозадачности (41 %); 3 и более подходов — многозадачники (17 %).

В младшем школьном возрасте большинство детей оказались однозадачниками (46 из 49). Дети, выбравшие многозадачный формат деятельности, продемонстрировали более низкие баллы по следующим индексам: программирования и контроля, переработки слухоречевой информации и нейродинамического компонента психической деятельности ($F = 4,015-7,43$; $p < 0,05$). Данные индексы являются базисом для академической успеваемости и в целом для выполнения когнитивных задач, в связи с чем можно сделать вывод о когнитивной слабости многозадачников данного возраста по сравнению, например, с однозадачниками. Такие результаты можно проинтерпретировать как реакцию ребенка на собственную неспособность справиться со сложным заданием из-за утомляемости или невозможности сконцентрироваться. В таком случае в попытке поддержания своей работоспособности ребенок, возможно, начинает интенсивно переключаться между задачами.

В младшем подростковом возрасте группа многозадачников также немногочисленна (5 из 60). Значимых различий в нейропсихологических индексах между однозадачниками и многозадачниками выявлено не было, однако различия обнаружились в отдельных шкалах индекса серийной организации. Однозадачники лучше справлялись с двигательными пробами: быстрее усваивали последовательность действий и более плавно переключались между разными элементами программы в пробе «кулак — ребро — ладонь» ($F = 2,627$; $p = 0,08$), что может свидетельствовать о лучшей способности к переключению. Однако многозадачники показали лучшие результаты по выполнению вербальных заданий: их рассказ по серии сюжетных картинок был более полный и детальный, также они подробнее отвечали на вопросы экспериментатора, заданные

по рассказу ($F = 2,926-5,119$; $p < 0,05$). Кроме того, многозадачники получили более высокие баллы по субтесту «Понятливость». Это указывает на лучшую социальную адаптацию и способность к решению бытовых проблем. В совокупности эти параметры могут указывать на более развитый текущий интеллект у многозадачников [6].

В старшем подростковом возрасте количество многозадачников возрастает (16 из 45). Различия были выявлены лишь по отдельным шкалам индексов переработки зрительно-пространственной информации и серийной организации. В пробе на воспроизведение фигур однозадачники характеризовались большим объемом визуальной памяти, лучшей способностью к удержанию строки и меньшим количеством зеркальных ошибок ($F = 2,662-7,294$; $p = 0,002-0,082$). Однако по отдельным шкалам индекса серийной организации многозадачники показали лучшие результаты: тратили меньше времени на составление рассказа по сюжетным картинкам и совершали меньше ошибок в пробе «Забор» ($F = 3,203-3,636$; $p = 0,035-0,05$). Таким образом, нельзя говорить о когнитивных преимуществах однозадачников над многозадачниками в данном возрасте, которые отмечались в более младших возрастах. Следовательно, можно описать некоторые когнитивные особенности, характерные для однозадачников и многозадачников данного возраста: однозадачники сильнее в зрительно-пространственных функциях, в то время как многозадачники — в переключаемости.

Заключение. Медиамногозадачность как формат деятельности к возрасту 14–16 лет может быть рассмотрена как результат адаптации к особой социальной ситуации развития современного подростка, которая характеризуется взаимодействием цифровой и традиционной социализации. Именно к этому возрасту ММЗ становится наиболее распространенной стратегией деятельности. Кроме того, работа в данном формате становится более осознанной и успешной, что подтверждается тем, что в старшем подростковом возрасте многозадачники и однозадачники имеют одинаковую эффективность в нейропсихологическом обследовании, а по некоторым параметрам многозадачники даже опережают однозадачников.

Библиографические ссылки

1. Эффект Юлия Цезаря: типы медиамногозадачности у детей и подростков / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, А. А. Дренева и др. // *Вопр. психологии*. 2020. № 66(4). Р. 54–69.
2. *Alzahabi R., Becker M. W.* The association between media multitasking, task-switching, and dual-task performance // *J. Exp. Psychol.: Human Perception and Performance*. 2013. № 39(5). Р. 1485–1495.
3. Working memory, fluid intelligence, and impulsiveness in heavy media multitaskers / M. Minear, F. Brasher, M. McCurdy et al. // *Psychonomic bulletin & review*. 2013. № 20(6). Р. 1274–1281.
4. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет : кол. монография / под общ. ред. Т. В. Ахутиной. М. : В. Секачев, 2016. 280 с.
5. Computerized Neuropsychological Assessment in 6–9 Years-old Children / A. Korneev, T. Akhutina, A. Gusev et al. // *KnE Life Sciences*. 2018. Р. 495–506.
6. *Cain M. S., Mitroff S. R.* Distractor filtering in media multitaskers // *Perception*. 2011. № 40(10). Р. 1183–1192.

Г. У. Солдатова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова;

С. Н. Илюхина

Фонд развития Интернет

Москва, Россия

ДОВЕРИЕ К ТЕХНОЛОГИЯМ ПОДРОСТКОВ И РОДИТЕЛЕЙ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И ТЕХНОФОБИЯ*

Исследование посвящено анализу феномена доверия к технологиям (программам, приложениям и голосовым помощникам) у подростков и родителей, роли пользовательской активности и отношения к технологиям у представителей разных поколений. Полученные результаты показывают ведущую роль личного опыта взаимодействия с гаджетами для построения осознанной позиции их использования.

Ключевые слова: цифровая социальность, доверие, технологии, технофобия, технофилия.

Soldatova U. Galina

Lomonosov, Moscow State University;

Ilyukhina N. Svetlana

Foundation for Internet Development Psychologist

Moscow, Russia

TRUST IN TECHNOLOGIES OF TEENAGERS AND PARENTS: PERSONAL EXPERIENCE AND TECHNOPHOBIA

The study is devoted to the analysis of the phenomenon of trust in technologies (programs, applications and voice assistants) among adolescents and parents, the role of user activity and attitudes towards technology among representatives of different generations. The results obtained show the

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00365

leading role of personal experience of interaction with gadgets for building a conscious position of their use.

Keywords: digital sociality, trust, technology, technophobia, technophilia.

Введение. Новая социальность с постоянным присутствием в ней цифрового измерения порождает необходимость непрерывно взаимодействовать с технологиями как взрослым, так и детям с самого раннего возраста [1]. Один из центральных вопросов в этом контексте — это вопрос доверия к различным цифровым артефактам, начиная с Интернета в целом, заканчивая более персонализированными в нашем понимании программами и устройствами, например, голосовыми помощниками. Доверие приобретает особую значимость в процессе цифровой социализации в контексте развития взаимодействия в системе «человек — компьютер» как феномен, лежащий в основе открытости человека тем изменениям, которые не только прогнозируются, но уже происходят с ним сегодня на когнитивном и личностном уровнях под влиянием технологий.

Материалы и методы. Цель настоящего исследования — анализ роли онлайн-активности и отношения к технологиям в формировании доверия к цифровым программам, приложениям и голосовым помощникам. Выборку составили 359 подростков 14–17 лет и 400 родителей с детьми такого же возраста из 8 федеральных округов РФ. Респондентам предлагалось оценить степень своего доверия к программам и приложениям на компьютере и смартфоне, голосовым помощникам по шкале от 1 (совершенно не доверяю) до 5 (полностью доверяю), оценить свою пользовательскую активность в будни и выходные (от менее 1 часа до более 12 часов с шагом в 1 час), заполнить методику отношения к технологиям для подростков и родителей [2].

Результаты. Компьютерным программам и приложениям полностью доверяют или скорее доверяют треть родителей (30,2 %) и подростков (31,3 %). Похожие ответы были даны по конкретному типу программ — голосовым помощникам: скорее или полностью доверяют им 34,8 % родителей и 29,7 % подростков. Скорее не доверяющими голосовым помощникам оказались также треть родителей (37,4 %) и подростков (35,2 %), а программам и приложению

ям — 34,9 % родителей и 34,1 % подростков. Обнаружены различия в степени доверия к программам и приложениям у подростков с разной пользовательской активностью ($\chi^2 = 17,33$, $p < 0,05$). Наибольший уровень доверия к программам и приложениям продемонстрировали подростки с высокой пользовательской активностью (5–7 часов в день), до 39,2 % из них ответили, что скорее доверяют или полностью доверяют им, в то время как половина подростков (51,5 %) со средней пользовательской активностью (2–4 часа в день) ответили, что скорее или полностью не доверяют им. Подростки с высокой пользовательской активностью (более 8 часов) чаще либо сомневаются (35,1 %), либо склонны не доверять (39,6 %). У родителей с разной пользовательской активностью были обнаружены различия в степени доверия и к программам и приложениям ($\chi^2 = 55,02$, $p < 0,00$), и к голосовым помощникам ($\chi^2 = 50,38$, $p < 0,01$). У них сохраняется похожая тенденция — наибольшим доверием и программы и приложения, и голосовые помощники пользуются у родителей, которые проводят в сети 5–7 часов в день (37,3 % — программы и 42 % — голосовые помощники), либо 2–4 часа в день (31,4 % — программы и 39 % — голосовые помощники), т. е. либо обладают высокой, либо средней пользовательской активностью. До 80,4 % родителей с низкой пользовательской активностью и до 52 % родителей с высокой (более 8 часов) отметили, что скорее не доверяют ни программам, ни голосовым помощникам. У подростков обнаружились различия в уровне доверия к программам и приложениям ($F = 581,84$, $p < 0,01$) и голосовым помощникам ($F = 18,19$, $p < 0,01$) по шкале технофилии. Чем выше уровень эмоционально положительного восприятия технологий, тем большим доверием у таких респондентов пользуются программы, приложения и голосовые помощники. Аналогичные результаты получились по шкале технорационализма ($F = 9,03$, $p < 0,01$ — программы; $F = 7,96$, $p < 0,01$ — голосовые помощники): осознанное отношение к технологиям оказалось совпадающим с большим доверием к ним. У родителей по шкале технофилии ($F = 23,87$ – $30,71$, $p < 0,01$) и технорационализма ($F = 15,32$ – $20,11$, $p < 0,01$) получились аналогичные результаты. При этом у родителей значимыми оказались и различия по шкалам технофобии ($F = 7,63$ – $17,21$, $p < 0,01$) и технопессимизма

($F = 4,92-11,05$, $p < 0,01$). Чем выше уровень пессимизма в отношении технологий и избегание их у родителей, тем ниже степень доверия и к программам и приложениям, и к голосовым помощникам.

Заключение. Исследование показывает, что подростки и взрослые, контактирующие чаще с цифровыми устройствами, чаще им доверяют, но при этом более полноценный опыт не приводит к полному и необдуманному доверию, а скорее может способствовать развитию критического и осмысленного взгляда на технологии. Для формирования такого взгляда в меньшей степени имеет значение общее отношение к технологиям, а в большей — конкретный практический опыт их использования, который способствует снижению тревоги от нового и незнакомого, а потому пугающего, он может способствовать пониманию, «как оно работает» и как технологии можно использовать в повседневной жизни себе во благо [3, 4].

Библиографические ссылки

1. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.
2. Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова и др. // Соц. психология и общество. 2021. Т. 12, № 4. С. 170–188.
3. What can i help you with?: infrequent users' experiences of intelligent personal assistants / B. R. Cowan, N. Pantidi, D. Coyle et al. // MobileHCI '17: Proceedings of the 19th International Conference on Human-Computer Interaction with Mobile Devices and Services. 2017. Article No 43. P. 1–12.
4. Tolkstdorf N. F., Crawshaw C. E., Rohlfing K. J. Comparing the Effects of a Different Social Partner (Social Robot vs. Human) on Children's Social Referencing in Interaction // Frontiers in Education. 2021. Vol. 5. Article 569615. DOI: 10.3389/educ.2020.56961

**Г. У. Солдатова
С. В. Чигарькова**

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕРТВ И АГРЕССОРОВ В СИТУАЦИИ КИБЕРСТАЛКИНГА*

Исследование посвящено сравнительному анализу психологических особенностей жертв и преследователей в ситуации киберсталкинга в подростковой среде. Полученные результаты показывают, что для жертв характерен более выраженный уровень экстраверсии, доброжелательности и открытости новому опыту, в то время как для агрессоров менее выраженная способность к сопереживанию. Различий по уровню агрессии у жертв и киберсталкеров не обнаружено.

Ключевые слова: киберсталкинг, жертвы, преследователи, психологические особенности, цифровая социальность.

**Galina U. Soldatova
Svetlana V. Chigarkova**

*Lomonosov, Moscow State University
Moscow, Russia*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VICTIMS AND AGGRESSORS IN CYBERSTALKING SITUATIONS

The study is devoted to the comparative analysis of psychological features of victims and stalkers in the situation of cyberstalking in adolescence. The results show that victims are characterized by a more pronounced level of extraversion, agreeableness and openness to experience, while aggressors

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-013-00857

have a less pronounced ability to empathize. No differences in the level of aggression are found between victims and cyberstalkers.

Keywords: cyberstalking, victims, aggressors, psychological features, digital sociality.

Введение. Цифровое пространство порождает новые социокультурные практики, в том числе связанные с различными проявлениями деструктивного поведения. Одним из достаточно слабо изученных, но потенциально опасных видов такого поведения является киберсталкинг — использование электронных средств для преследования жертвы через повторяющиеся сообщения или звонки, вызывающие страх, тревогу и раздражение [1; 2]. Цель нашего исследования — сравнительный анализ психологических особенностей преследователей и жертв киберсталкинга.

Материалы и методы. Выборку исследования составили 1505 подростков 14–17 лет из 8 федеральных округов РФ. Респондентам было предложено ознакомиться с виньеткой, описывающей ситуацию киберсталкинга, и выбрать соответствующую их опыту роль, а также для оценки личностных характеристик заполнить психодиагностические методики: «Короткий портретный опросник Большой пятерки» (адаптация Егоровой М. С., Паршиковой О. В.), опросник диагностики агрессии А. Басса и М. Перри (адаптация Ениколопова С. Н., Цибульского Н. П.), мультифакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (адаптация Карягиной Т. Д., Кухтовой Н. В.).

Результаты. На основании анализа без учета «хамелеонов», выступавших и в роли преследователей, и в роли жертв, было выявлено 184 жертвы киберсталкинга (12,2 % от общей выборки) и 28 киберсталкеров (1,9 % от общей выборки). Для жертв киберсталкинга характерен более высокий уровень экстраверсии ($U = 1555, p < 0,01$), доброжелательности ($U = 1560, p < 0,01$) и открытости новому опыту ($U = 1763; p < 0,01$) по сравнению с киберсталкерами. Для киберсталкеров характерен более низкий уровень сопереживания по сравнению с жертвами ($U = 963,5, p < 0,05$). Не обнаружено различий в уровне агрессии между жертвами и киберсталкерами. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что специфика цифровой социальности [3], в том числе связанная с дистанцированностью

участников и ограничениями возможностей выражения эмоций и аффективной обратной связи, осложняет поиск подростками конструктивных способов взаимодействия. Если сталкеры в реальной жизни зачастую связывают с агрессивным поведением по типу «хищника», то в виртуальном пространстве работают другие механизмы. Так, подростки с менее выраженной эмпатией могут некорректно считывать общительность, вежливость и открытость как проявление интереса и симпатии и скорее соответствуют типу киберсталкеров, выделенному в рамках первых классификаций [4], — «интимных», стремящихся привлечь внимание к себе и завоевать чувства «жертвы», а не причинить ей вред.

Заключение. Таким образом, исследование различных аспектов цифровой социальности, в том числе в контексте деструктивных онлайн-практик, позволит выявлять специфические зоны риска и разрабатывать комплексные профилактические меры по повышению кибербезопасности подростков, являющихся активными онлайн-пользователями.

Библиографические ссылки

1. *McFarlane L., Bocij P.* An exploration of predatory behaviour in cyberspace: Towards a typology of cyberstalkers // *First Monday*. 2003. Vol. 8. doi: 10.5210/fm.v8i9.1076
2. *Sheldon P., Rauschnabel P. A., Honeycutt J. M.* Cyberstalking and Bullying // *The Dark Side of Social Media*. 2019. P. 43–58. doi:10.1016/b978-0-12-815917-0.00003-4
3. *Солдатова Г. У., Войскунский А. Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18, № 3. P. 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
4. *Marcum C. D.* Crossing boundaries online in romantic relationships: An exploratory study of the perceptions of impact on partners by cyberstalking offenders // *Deviant Behavior*. 2017. Vol. 39. P. 716–731. doi: 10.1080/01639625.2017.1304801

Е. С. Степанова

Е. В. Распопин

Психологическая служба ГУФСИН России

по Свердловской области

Екатеринбург, Россия

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ДЛИТЕЛЬНЫМ СРОКАМ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В работе анализируются проблемы ресоциализации осужденных к длительным срокам лишения свободы, выделяются факторы, способствующие повторному совершению преступлений после освобождения из мест лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденные к длительным срокам лишения свободы, ресоциализация осужденных.

Elena S. Stepanova

Evgeniy V. Raspopin

Psychological service of the GUFSSIN of Russia

in the Sverdlovsk region

Yekaterinburg, Russia

RESOCIALIZATION OF PRISONERS SENTENCED TO LONG TERMS OF IMPRISONMENT

The article analyzes the problems of re-socialization of prisoners sentenced to long terms of imprisonment, highlights the factors contributing to the re-commission of crimes after release from prison.

Keywords: the penal enforcement system, convicts sentenced to long terms of imprisonment, resocialization of convicts.

Введение. Развитие уголовно-исполнительной системы России направлено на повышение эффективности процесса ресоциализации осужденных, формированию в процессе отбывания уголовного наказания качеств личности, способствующих восстановлению нарушенных социальных связей и идентификации личности как субъекта

собственной жизнедеятельности. Такими качествами выступают законопослушность и социальность, призванные обеспечить соблюдение личностью правовых норм, ее ориентацию на социально полезный образ жизни (Пищелко А. В., Сочивко Д. В.). В научной литературе отсутствует единство в понимании категории «длительные сроки лишения свободы». В основном исследователями называются временные интервалы от 5–7 лет лишения свободы и более. Однако все они единодушны во мнении о негативном влиянии на личность, ее социальные и индивидуально-психологические качества длительных сроков изоляции от общества, и данное влияние прямо пропорционально сроку лишения свободы, проведенному в условиях пенитенциарного учреждения. Тем не менее значительное число психологов и педагогов обосновывают реальность возможности позитивного изменения личности осужденных (Пастушеня А. Н., Ковалев А. Г., Высотина Л. А., Стурова М. П., др.), несмотря на значительное десоциализирующее влияние на личность длительных сроков лишения свободы (более 5 лет), негативные личностные изменения, происходящие в условиях социальной изоляции под влиянием депривации, фрустрации значительного числа потребностей и ценностей личности (Антонян Ю. М., Пищелко А. В., Рогач В. Г.) [1, 2].

Материалы и методы. Нами было разработано и проведено полуструктурированное интервью осужденных, повторно попавших в исправительные учреждения после отбытия длительных сроков лишения свободы (135 человек), а также проведен анализ данных специализированных интернет-форумов, посвященных обсуждению проблем ресоциализации родными и близкими осужденных (200 человек). Оценка личностных изменений проводилась с помощью методики стандартизированного самоотчета (16 PF Кеттела, форма В) (86 человек). Анализ данных проводился с помощью контент-анализа и методов математической статистики (ϕ^* Фишера, t -критерий Стьюдента).

Результаты. Для изучения изменений, происходящих в структуре личности осужденных к длительным срокам заключения во время отбывания наказания, было проведено лонгитюдное исследование. Интервал между первичным (при поступлении в исправительное учреждение) и повторным тестированием (в рамках ежегодной аттестации)

составил 5–6 лет. В исследовании приняли участие 86 испытуемых. Личностные особенности испытуемых изучались с помощью опросника 16 PF (форма В). Процедура исследования сводилась к выявлению «крайних» групп испытуемых, показавших высокие и низкие значения по шкалам опросника, и сравнению численности этих групп между первичным и повторным тестированием. Сравнительный анализ проводился с помощью критерия φ^* — углового преобразования Фишера. «Крайние» группы определялись на основании вычисления среднего арифметического (M) и стандартного отклонения (σ) по шкалам опросника: высокие и низкие оценки получили испытуемые, результаты которых попали в диапазон выше и ниже средних значений ($M \pm \sigma$) соответственно. Данная технология исследования была выбрана в связи с тем, что она позволяет сравнивать испытуемых со сложившимися чертами личности, оценить изменения со стороны формирования либо, напротив, регрессии этих личностных характеристик.

Сравнение результатов исследования личностных особенностей осужденных к длительным срокам лишения свободы при поступлении в учреждение и по прошествии 5 лет пребывания в исправительном учреждении показало, что в повторном тестировании осужденные демонстрируют себя как более эмоционально устойчивых, демонстрирующих нормативное поведение, социальную смелость, дипломатичность и высокий самоконтроль. Снижаются показатели тревожности, неконформизма и отмечается повышение интеллекта. Выявленные позитивные изменения личности могут быть связаны как с объективно более благоприятными и стабильными условиями жизни в учреждении в сравнении с жизнью до осуждения (в том числе вынужденная ремиссия в употреблении психоактивных веществ), так и с внешне конформной позицией (в соответствии с предъявляемыми в учреждении требованиями), а также завышенной оценкой своих способностей и личностных ресурсов [3].

Особый интерес представляет анализ результатов проведенного интервью с осужденными, ранее отбывавшими длительные сроки лишения свободы, и контент-анализ данных специализированных интернет-форумов, посвященных обсуждению проблем ресоциализации родными и близкими осужденных. Выявленные факторы, препятствующие успешной ресоциализации осужденных к длитель-

ным срокам лишения свободы, можно разделить на три группы: «сам человек», «другие люди» и «окружающий мир». Осужденные чаще отмечают влияние таких факторов, как «сам осужденный» (наличие зависимости от ПАВ, непризнание собственной ответственности и внешний локус контроля) и «окружающий мир» (трудности трудоустройства, отсутствие жилья и поддержки государства). Близкие осужденных чаще называют такие факторы, как «сам осужденный» (трудности адаптации к изменившемуся миру, рентная жизненная ориентация, проблемы саморегуляции — вспыльчивость, конфликтность) и «другие люди» (стигматизация в обществе, «выгорание» и отсутствие доверия у самих родственников). При этом у родственников отмечается самообвиняющая позиция (принятие на себя ответственности за неудачи бывшего осужденного в процессе ресоциализации). В то время как в ответах осужденных чаще наблюдаются внешне обвинительные или самооправдывающие тенденции [4].

В исследовании также были выделены факторы, способствующие успешной ресоциализации осужденных после освобождения:

- социально-демографические (возраст, наличие образования, профессии, семьи и т. п.);

- социально-психологические (отсутствие аддикций, наличие устойчивых социальных связей, поддержка социально благополучного окружения, включенность в трудовую, учебную, культурно-массовую деятельность в учреждении, др.);

- социально-криминологические (характер преступления, срок лишения свободы, признание вины, отсутствие признаков криминальной зараженности, др.);

- психологические (мотивационная готовность к исправлению, «внутренний» локус контроля, эмоциональная устойчивость, когнитивный потенциал, сохранность морально-нравственной сферы, др.) [5].

Заключение. Выделенные в ходе исследования факторы могут выступать в качестве критериев ресоциализации личности, при этом их можно разделить на статичные и динамичные (последние могут меняться в процессе исправления). Нами предложено рассматривать их в качестве пунктов шкалы потенциала ресоциализации личности, которая позволит оценить вероятность успешной ресоциализации

осужденных после освобождения на основании оценки внешних и внутренних ресурсов личности. С другой стороны, данная шкала может использоваться в качестве определения основных направлений работы (социальной, педагогической, психологической) в период нахождения осужденного в исправительном учреждении — «картой» формирования потенциала ресоциализации, в соответствии с которым и выстраивается педагогическое и психокоррекционное воздействие на осужденного в период отбывания наказания («мишенями» данного воздействия являются факторы динамичные). Также на основании проведенного исследования разработаны рекомендации по ресоциализации осужденных к длительным срокам лишения свободы, в которых весь период отбывания наказания осужденных к длительным срокам лишения свободы рассматривается как процесс исправления и подготовки к дальнейшей успешной адаптации к жизни в обществе после освобождения

Библиографические ссылки

1. Ломакина А. Н. Проблемы ресоциализации лиц, осужденных к длительным срокам отбывания наказания // Вестн. Владимир. юр. ин-та. 2015. № 3. С. 14.
2. Пастушеня А. Н. Психологическая диагностика степени исправления осужденных: основы теории и методики // Прикладная юр. психология. 2015. № 4. С. 10–20.
3. Степанова Е. С., Распопин Е. В. Динамика личностных особенностей осужденных к длительным срокам лишения свободы за время отбывания наказания // Актуальные вопросы психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел : сб. материалов Всерос. конф. (2019 г., Екатеринбург). Екатеринбург : Урал. юр. ин-т МВД России, 2020. С. 122–126.
4. Распопин Е. В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Совр. наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 7. С. 90–94.
5. Распопин Е. В. Психологические и социальные факторы ресоциализации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе // Совр. наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 07. С. 34–36.

Н. Г. Токарева

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Саранск, Россия*

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭПИЛЕПТОЛОГИИ: ОПЫТ РАБОТЫ МОРДОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА*

Анализируется роль психологических исследований в эпилептологии на примере работы Мордовского отделения Российского психологического общества. Экспериментально выявляются типы отношения к болезни у больных с фокальной эпилепсией в соотношении с внутренней картиной заболевания.

Ключевые слова: эпилепсия, личность, психологические исследования.

Natalia G. Tokareva

*National Research Mordovia State University
named after N. P. Ogarev
Saransk, Russia*

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN EPILEPTOLOGY: WORK EXPERIENCE OF THE MORDOVIAN BRANCH OF THE RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY

Annotation. The author analyze the role of psychological research in epileptology on the example of the Mordovian branch of the Russian Psychological Society. The experimentally revealed in relation to the internal picture of the disease in the focal form of epilepsy.

Keywords: epilepsy, personality, psychological research.

Введение. В ноябре 2019 года Решением президиума Российского психологического общества утверждено Мордовское региональное

* Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ № 20-013-00529.

отделение Российского психологического общества (Решение № 4 от 12 ноября 2019 г.). Руководитель Мордовского регионального отделения Российского психологического общества, доцент кафедры нервных болезней и психиатрии Медицинского института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», профессор РАЕ, медицинский психолог высшей квалификационной категории, врач-психиатр высшей квалификационной категории, врач-психотерапевт Токарева Наталья Геннадьевна. В состав регионального отделения входят психологи Республики Мордовия, работающие в социальных, медицинских учреждениях, оказывающих амбулаторную и стационарную помощь в республике: Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск; ГБУЗ Республики Мордовия «Мордовская республиканская клиническая психиатрическая больница»; ГБУЗ Республики Мордовия «Родильный дом» женская консультация № 1; ГБУЗ Республики Мордовия «Республиканская клиническая больница № 4»; лаборатория психофизиологического обследования ЧУЗ «РЖД-Медицина» (г. Рузаевка); ГБУЗ Республики Мордовия «Рузаевская межрайонная больница», ГБУЗ Республики Мордовия «Зубово-Полянская районная больница», ГБУЗ Республики Мордовия «Краснослободская межрайонная больница», неврологическое отделение для больных с острым нарушением мозгового кровообращения, поликлиники города и районов Республики Мордовия. Большая часть психологов Мордовского отделения РПО работает в клинических учреждениях, оказывающих помощь больным с различными нозологическими формами заболеваний. В данной работе отразим один из важных аспектов работы с больными, страдающими нервно-психическими расстройствами, — клинико-психологический аспект работы с больными эпилепсией. Медицинские психологи осуществляют оказание медико-социально-психологической помощи детям и взрослым по лечению и профилактике нервно-психических расстройств.

Эпилепсия является областью обширных междисциплинарных исследований. По данным ВОЗ, эпилепсией страдают около 50 миллионов человек, или 0,5–1 % населения мира. Заболевание «эпилепсия» нередко сопровождается наличием психологических,

социальных проблем при эпилепсии, стигматизацией больных [1]. Поэтому психологическая помощь, оказываемая профессиональным медицинским психологом, является важным компонентом лечебного процесса. К числу основных видов деятельности медицинского психолога при работе с больными эпилепсией относится психологическая диагностика. При этом целью диагностики является выявление психологических особенностей больного, с учетом сохранных и нарушенных психических процессов, наличия психических нарушений. В процессе диагностики выявляются психологические особенности интеллектуально-мнестических процессов, эмоционально-волевой сферы и личности пациента, особенности внутренней картины болезни. Данные психодиагностического исследования используются при составлении анамнеза (истории болезни), проведении медико-психологической экспертизы, а также медико-психологического консультирования. Большую роль играет психокоррекционная работа и психотерапия. Так, например, личностно ориентированная (реконструктивная) психотерапия направлена на изучение личности больного, его эмоциональных реакций, отношений, выявление причин возникновения эмоционально-волевых нарушений; коррекцию неадекватных реакций и форм поведения.

Цель работы — обоснование роли психологических исследований в клинике у больных эпилепсией.

Материал и методы. В исследование было включено 317 больных фокальной эпилепсией в возрасте от 18 до 65 лет. Верификация диагноза у обследованных больных осуществлялась на основе результатов клинико-неврологического, психопатологического, патопсихологического, социологического, электроэнцефалографического обследования и данных компьютерной томографии головного мозга.

Патопсихологическое направление включало психологическую диагностику психических процессов и психических состояний, психокоррекцию и психотерапию психических процессов, реабилитационные и психообразовательные мероприятия. При психологической диагностике использованы психодиагностические методики, направленные на диагностику познавательной и эмоционально-личностной сфер больных эпилепсией. В исследовании использованы психодиагностические методики: «Таблицы Шульте», «Корректур-

ная проба», «10 слов», «Пиктограмма», «Выделение существенных признаков», «Толкование пословиц и поговорок», «Классификация», «Простые аналогии», «Сложные аналогии», клиническая шкала самоотчета SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised), «Шкала депрессии Бека» (BDI), «Шкала Цунга для самооценки тревоги» (ZARS), «Уровень социальной фрустрированности (УСФ-1), (УСФ-2), «Уровень субъективного контроля (УСК)», «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ), тест Мюнстерберга и др. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программы Statistica 10.0 [2]. Подробнее рассмотрим один из аспектов психологического исследования — анализ результатов психодиагностической методики «Тип отношения к болезни» [3].

Результаты. Патопсихологическое исследование выявило у больных эпилепсией ряд особенностей интеллектуально-мнестической деятельности и эмоционально-личностной сферы, оцениваемой количественными и качественными показателями выполнения заданий, которые по своему содержанию являются моделью тех задач, с которыми больные сталкиваются в реальной жизни. Выявленные интеллектуальные и эмоциональные расстройства у больных эпилепсией обусловлены клинической картиной заболевания, типом реакции на болезнь. В исследуемой выборке трудоспособные больные составили 59,9 %, не работающих по состоянию здоровья — 40,1 % больных; большинство больных имели среднее специальное и среднее образование (более 50 % больных).

По данным методики «Тип отношения к болезни», у больных эпилепсией чаще выявлялись сензитивный, эргопатический и анозогнозические типы отношения к болезни, а также гармоничный тип отношения к болезни и тревожный тип отношения к болезни. У 38 % больных выявлен сензитивный тип отношения к болезни — эти больные чувствительны к межличностным отношениям, полны опасений, что свидетельствует о фрустрированности болезнью, стигматизированности самим фактом диагноза «эпилепсия». У 15 % больных преобладает анозогнозический тип отношения к болезни. У 14 % больных выявлен эргопатический тип отношения к болезни — уход в работу, у 12 % больных преобладает гармонический тип отношения к болезни — у данных больных отмечается относительно

реалистичная оценка своего состояния, без склонности преувеличивать его тяжесть. У 12 % больных преобладает тревожный тип отношения к болезни — отмечается мнительность, беспокойство. Это свидетельствует о том, что личностный смысл болезни, глубинные, связанные с болезнью, переживания радикально не претерпевают фундаментальных изменений.

Среди дезадаптивных типов реагирования на заболевание у пациентов выявлен сенситивный тип отношения к болезни и тревожный тип отношения к болезни. Среди адаптивных типов реагирования на заболевание преобладают гармонический тип отношения к болезни, анозогнозические тенденции, эргопатический тип отношения к болезни. Учет типов отношения к болезни играет важную роль при проведении психокоррекционных воздействий и психотерапии. Сочетание правильно подобранной биологической терапии с целенаправленной психологической коррекцией и психотерапией с учетом клинической картины заболевания, данных патопсихологического обследования, сформированных типов отношения к болезни и в целом внутренней картины болезни, способствует улучшению социального функционирования и качества жизни больных эпилепсией.

Заключение. Рассмотренные характеристики представляют интерес для психологов, врачей, социальных работников и других специалистов, участвующих в лечебно-профилактической и реабилитационной помощи больным эпилепсией. При оказании лечебно-профилактической помощи необходимо оценивать совокупность клинико-психологических показателей, их разнонаправленные результаты, что позволяет с большей точностью выстраивать терапевтический процесс. В 2020–2021 гг. с учетом выполненного исследования была проведена реализация программы «Факторы социальной эксклюзии в формировании психических расстройств у больных эпилепсией», в результате которой типологизированы больные эпилепсией по степени тяжести когнитивных расстройств и личностных изменений; охарактеризованы структура факторов и уровни социальной эксклюзии больных эпилепсией; выявлены взаимосвязь между уровнем социальной эксклюзии и выраженностью когнитивных и личностных расстройств у больных эпилепсией.

лепсией; обоснованы ключевые социальные предикторы развития психопатологий у больных эпилепсией; разработаны рекомендации по психосоциальной работе с категорией больных эпилепсией.

Библиографические ссылки

1. *Токарева Н. Г.* Эпилепсия и стигматизация // Наука и инновации в современном мире: медицина и фармацевтика, биология, сельское хозяйство, география и геология : монография. Одесса, 2017. С. 103–112.
2. *Ланг Т. А.* Как описывать статистику в медицине : аннотированное руководство для авторов, редакторов и рецензентов. М., 2011. 480 с.
3. Психологическая диагностика отношения к болезни : пособие для врачей / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Э. Б. Карпова и др. СПб., 2005. 32 с.

Л. В. Токарская

Т. Ю. Быстрова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

УЧЕТ ХАРАКТЕРИСТИК СЕНСОРНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются факторы, негативно влияющие на эффективность взаимодействия человека и среды, такие как наличие непрогнозируемых сенсорных раздражителей, отсутствие целостности среды, избыточность форм и др. Данные приводятся с опорой на зарубежные исследования, посвященные в основном людям, занятым производственной деятельностью. Авторы статьи предполагают, что эти выводы могут быть экстраполированы на систему образования и должны быть учтены в ходе организации образовательного процесса.

Ключевые слова: сенсорное благополучие, сенсорные раздражители, образовательная среда, обучающиеся, эффективность образовательного процесса.

Liydmila V. Tokarskaya

Tatyana Yu. Bystrova

*Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia*

ACCOUNT OF CHARACTERISTICS OF SENSORY WELL-BEING OF THE ENVIRONMENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The article discusses factors that negatively affect the effectiveness of interaction between a person and the environment, such as the presence of unpredictable sensory stimuli, the lack of integrity of the environment, redundancy of forms, etc. The data are based on foreign studies, mainly devoted to people engaged in industrial activities. The authors of the article suggest that these findings can be extrapolated to the education system and

should be taken into account in the course of organizing the educational process.

Keywords: sensory well-being, sensory stimuli, educational environment, students, effectiveness of the educational process.

Введение. Рост масштабов урбанизации и технологизации в последние десятилетия приводит к тому, что предметно-пространственная среда становится все более дробной и хаотичной. Особенно сильно ее негативное физическое и ментальное воздействие на детей и подростков. Наличие сенсорно-благополучной среды напрямую влияет на настроение, когнитивную активность, работоспособность, эффективность коммуникаций и образования [1]. Эстетика сенсорно-благополучной среды оздоравливает и обогащает человека и социум в целом, что особенно актуально для образовательных организаций, однако, как правило, в них учитываются только стандартные показатели ее безопасности, но не благополучия, под которым мы понимаем характеристики, позитивно влияющие на физические, ментальные, когнитивные процессы [2].

В настоящее время в системе образования реализуется идея инклюзии, что позволяет различным категориям детей получать помощь совместно с нормативно развивающимися сверстниками, однако требует проработки вопросов их сопровождения, в том числе учета их сенсорных особенностей и проектирования для них адаптированных сред. При этом люди с ограниченными возможностями здоровья, как правило, имеют специфические особенности коммуникации, социального взаимодействия и поведения, проявляющиеся индивидуально в каждом отдельном случае. Кроме того, зачастую эти лица, особенно те из них, у кого выявляются расстройства аутистического спектра (РАС), демонстрируют сенсорную гиперсензитивность [3 и др.]. Это положение дел в системе образования ставит непростую задачу создания среды, показатели которой способствуют благополучию самых разных людей, включая наряду с типовыми еще и индивидуализированные характеристики. Разработки по созданию таких сред для образования практически полностью отсутствуют.

Материалы и методы. Мы исходим из тезиса о том, что для социализации людей разных возрастов и групп значима доказанная связь особенностей среды и состояние конкретного человека [4], что важно и для достижения образовательных результатов. Однако в основном эти данные используются в маркетинговых действиях, к примеру для усиления воздействия, а не для улучшения состояния людей при посещении торговых центров, а для системы образования подобные исследования практически не проводятся. Основное внимание педагоги, родители, руководители образовательных организаций уделяют вопросам повышения эффективности образовательного процесса через внедрение новых технологий, методов и приемов обучения, не задумываясь о влиянии среды на эти процессы.

Отсутствие среды, позитивно переживаемой органами чувств человека, ведет к тому, что он отвлекается [5]. Это, в свою очередь, снижает мозговую (когнитивную) активность, что подтверждено количественными данными. Когда звенит чужой телефон, слышны громкие звуки с улицы, а из-за двери доносится запах обеда, возникает сенсорная реакция, которую обозначают как «блуждание ума» — рассредоточенность. Согласно данным психологов, для приведения себя в активное состояние среднему человеку требуется потом больше 23 минут [6, с. 15], а это половина школьного урока.

Значимы также данные о том, что люди проводят 46,9 % времени бодрствования, думая о чем-то, не имеющем отношения к тому, чем они занимаются в данный конкретный момент [7]. То же происходит и в процессе обучения, соответственно, необходимы специальные обстоятельства и факторы, чтобы эта цифра не становилась еще больше.

При этом, если среда не является цельной, мозг попадает в состояние многозадачности, ему приходится обрабатывать множество новой (хотя и почти бесполезной) информации обо всех конфигурациях вокруг, принимать решение о необходимых действиях: как обойти препятствие, как избежать неприятного впечатления, что выбрать как наиболее предпочтительный вариант и т. п. Быстрое переключение с одной задачи на другую приводит к увеличению количества дофамина — биологически активного вещества, нейро-

медиатора, который отвечает за передачу сигналов из мозга по центральной нервной системе, причем организм делает это на основе саморегуляции [8]. И это, на первый взгляд, неплохо, ведь дофамин снижает уровень тревожности и скуки, увеличивает чувство удовольствия, улучшает настроение. Он фокусирует человека на продуктивных активностях.

Все это влечет за собой когнитивные издержки, такие как повышение уровня кортизола (гормона, отвечающего за стресс и активирующего раковые клетки) и адреналина (гормона «борьбы или бегства»). Пока до конца не выявлено, как именно, но саморегуляция дофамина связана с гибелью нейронов, например при болезни Паркинсона. Кроме того, нейробиологические исследования показали, что в ситуации многозадачности новая информация хранится не в той части мозга, где требуется. Это затрудняет запоминание и последующую актуализацию информации в процессе обучения.

Отвлечение может вызвать синдром постоянно присутствующего неполного внимания, когда человек смотрит на вещи и явления исключительно на поверхностном уровне.

Получается, что, казалось бы, привычная для повседневной жизни ситуация, когда человек отвлекся, показывает, что его окружение негативно сказывается на его самочувствии и что его продуктивность и концентрация в этот момент времени невелики. В таком состоянии в 2015 году признавались около 70 % работающих людей; данных по образовательным учреждениям не приводится, но, на наш взгляд, можно предположить, что цифры соотносимы [6, с. 11].

И наоборот, сенсорное благополучие связано с тем, что человеку комфортно в среде. Это состояние связано с когнитивным благополучием, когда люди могут плодотворно работать и учиться, и это приносит им удовлетворение. Согласно статистике, в Великобритании только 57 % работающих людей в 2015 году были согласны с тем, что их рабочее место позволяет им продуктивно работать [6, с. 15]. Однако проведенный нами небольшой опрос обучающихся одного из шести классов в гимназии г. Екатеринбурга (май 2022 года) показал, что более 50 % подростков не считают среду образовательной организации достаточно эстетичной, еще большее количество детей (62 %) не удовлетворены эстетикой в классных комнатах и счита-

ют, что оформление школьных кабинетов не всегда способствует концентрации внимания и сосредоточению на заданиях педагога.

На рис. 1 поэтапно представлено влияние сенсорно неблагоприятной среды на поведение обучающегося на уроках.

Сенсорное отвлечение	– >	Когнитивное отвлечение: потеря фокуса внимания	– >	Блуждающий ум Неполное внимание Плохое запоминание Стресс Чувство неблагополучия	– >	Потеря продуктивности Уклонение от участия в (образовательном) процессе Стремление к отсутствию
----------------------	--------	---	--------	--	--------	---

Рис. 1. Влияние сенсорно неблагоприятной среды на поведение обучающегося на уроках

На эффективность образовательного процесса влияет и самочувствие обучающихся. При этом ключевым фактором поддержания хорошего самочувствия является снижение уровня стресса. Существует большое количество направлений снижения стресса, в том числе связь с природой, может оказывать положительное влияние, а городские пейзажи, наоборот, могут оказывать негативное влияние.

Заключение. «Проведено ограниченное количество исследований о возможностях соседства на рабочем месте с точки зрения укрепления здоровья и благополучия [9 и др.]. Эти исследования свидетельствуют о том, что ограниченная доступность услуг и удобств, связанных со здоровьем и благополучием на рабочем месте, связана с негативными последствиями для здоровья. Тем не менее отсутствуют методы и инструменты, которые позволяют исследователям, градостроителям и планировщикам понять, какие рабочие участки неэффективны с точки зрения наличия характеристик застроенной среды, а какие способствуют здоровью и благополучию» [7, с. 403]. Кроме того, исследователи обычно фокусируются только на одном из множества соответствующих параметров, хотя преимущество одновременного анализа различных релевантных факторов заключается в обеспечении всесторонней оценки способности среды поддерживать и пропагандировать здоровый образ жизни, повы-

шать эффективность образовательного процесса, совершенствовать существующие и создавать новые образовательные организации с учетом возможностей обеспечения их сенсорного благополучия. В собственных исследованиях авторы опираются на выявление маркеров сенсорного благополучия среды для их учета в процессе проектирования.

Библиографические ссылки

1. *Ellard C.* Time to move. Explorations of time and architectural experience // The wandering brain. URL: <https://colinellard.substack.com/p/time-to-move> (дата обращения: 21.07.2022).

2. *Быстрова Т.Ю., Токарская Л.В.* Инклюзивный дизайн развивающих игрушек: опыт реализации подхода // Академ. вестн. «УралНИИпроект». 2022. № 1. С. 78–83. doi 10.25628/УНИИП.2022.52.1.013

3. *Морозов С.А.* Основы диагностики и коррекции расстройств аутистического спектра : учеб.-метод. пособие для слушателей системы повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования. М., 2014. 448 с.

4. *Burton E., Mitchell L.* Inclusive Urban Design. Streets for Life. Elsevier, 2006. 201 p.

5. *Эллард К.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М. : Альпина Паблишер, 2016. 288 с.

6. Creating positive spaces by designing for cognitive and sensory well-being. Interface, 2021. 68 p. URL: <https://interfaceinc.scene7.com/is/content/InterfaceInc/Interface/EMEA/eCatalogs/Brochures/Cognitive%20Sensory%20Design%20Guide/English/> (дата обращения: 11.03.2022).

7. Development of an urban health and wellbeing index for work precincts: A comparative study in Sydney, Australia / N. Bilorla, L. Thomas, D. Dritsa et al. // Frontiers of Architectural Research. 2022. Vol. 11, Is. 3. P. 402–420. <https://doi.org/10.1016/j.foar.2021.12.003>.

8. Ученые выяснили, как клетки мозга выделяют гормон удовольствия // РИА «Новости». 15.02.2022. URL: <https://ria.ru/20210406/dofam-in-1727063233.html>

9. The effects of workplace nature-based interventions on the mental health and well-being of employees: a systematic review / T.E. MacIntyre, D. Dörfel, J.L. Baker-Blanc et al. // Front. Psychiatr. 2020. № 11. P. 323.

М. П. Харитонов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;*

В. С. Мякотных

А. П. Сиденкова

В. Н. Мещанинов

*Уральский государственный медицинский университет
Екатеринбург, Россия*

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА КОГНИТИВНЫХ РАССТРОЙСТВ

Представлен обзор литературы по проблеме использования неинвазивных технологий в ранней диагностике и прогнозировании возраст-ассоциированного когнитивного снижения, связанного в своей основе с болезнью Альцгеймера. Основное внимание уделяется исследованию состояния буккального эпителия и ротовой жидкости как суррогатных моделей дегенеративного поражения церебральных структур, а также определению роли микроорганизмов ротовой полости в формировании и развитии когнитивных нарушений. Приводится оригинальная гипотеза нейродегенеративного поражения церебральных структур, на основе которой предлагается алгоритм исследований состояния полости рта для наиболее раннего выявления и прогноза когнитивного дефицита.

Ключевые слова: буккальный эпителий, ротовая жидкость, мягкое когнитивное снижение, потеря зубов.

Marina P. Kharitonova

*Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin*

Viktor S. Myakotnykh

Alyona P. Sidenkova

Viktor N. Meshchaninov

*Ural State Medical University;
Yekaterinburg, Russia*

PREDICTION AND EARLY DIAGNOSIS OF COGNITIVE DISORDERS

A review of the literature on the problem of the use of non-invasive technologies in early diagnosis and prediction of age-associated cognitive decline associated with Alzheimer's disease is presented. The main attention is paid to the study of the buccal epithelium, oral fluid, as surrogate models of degenerative lesions of cerebral structures, as well as determining the role of oral microorganisms in the formation and development of cognitive disorders. An original hypothesis of neurodegenerative lesions of cerebral structures is presented, on the basis of which an algorithm for studying the state of the oral cavity is proposed in order to detect and predict cognitive deficits as early as possible.

Keywords: buccal epithelium, oral fluid, mild cognitive impairment, tooth loss.

Введение. Существует множество различных причин, которые напрямую или опосредованно способны повлиять на диагностику мягкого когнитивного снижения: социальные, экономические, поведенческие, соматические, психопатологические, лабораторные, микробиологические, клинические и т. д. В последние годы появились работы, основанные на исследованиях состояния буккального эпителия и ротовой жидкости у пациентов с различными клиническими вариантами когнитивного снижения [1–5].

Установлены корреляции амнезии, нарушения речи, праксиса, гнозиса, патологии ротовой жидкости и буккального эпителия, в особенности с выраженностью кариопикноза и кариорексиса, что

свидетельствует об отчетливой патогенетической связи между нейродегенеративным процессом, связанным с болезнью Альцгеймера, системным воспалением и дегенерацией буккального эпителия [1]. Предлагается использование результатов исследования буккальных клеток в качестве биомаркеров риска болезни Альцгеймера [6].

Материалы и методы. Проведен тщательный аналитический обзор научных публикаций в основном последних лет, в которых наиболее полно отражаются поставленные вопросы и представлены доказанные результаты исследований ротовой полости при нейродегенеративной патологии, сопровождающейся когнитивными нарушениями. Полученный материал подразделен на несколько блоков, в которых последовательно освещаются следующие вопросы: а) состояние буккальной цитограммы в диагностике мягкого когнитивного снижения; б) перинатальные предикторы в диагностике мягкого когнитивного снижения; в) особенности состояния ротовой жидкости при мягком когнитивном снижении; г) роль микроорганизмов ротовой полости в формировании и развитии когнитивных нарушений. В дополнение к данным литературы приведены собственные материалы, полученные на основе исследования пациентов 24–89 лет, у которых подсчитывали число утраченных зубов в разные возрастные периоды при разной степени выраженности когнитивного дефицита.

Результаты. При наших обследованиях 110 лиц разного возраста и пола (46 мужчин и 64 женщины 24–89 лет без клинических признаков когнитивного снижения) также был выявлен ряд закономерностей. Оказалось, что в возрасте после 50 лет число потерянных зубов в значительной степени возрастает ($p < 0,05$) по отношению к более молодому возрасту, в особенности у женщин. При этом в значительной степени возрастает относительное количество потерянных передних зубов — резцов и клыков: до 31 % в возрасте 51–60 лет и до 37 % в возрасте старше 60 лет. Общий относительный показатель потери зубов в возрасте 51–60 лет составил 43,8 % (у мужчин 40,9 %, у женщин 46,9 %), в возрасте после 60 лет — 55,3 % (у мужчин 45,9 %, у женщин 58,4 %).

Известно, что ведущей причиной потери зубов в этом возрасте является патология пародонта, в частности пародонтит с исхо-

дом в пародонтоз, часто на фоне прогрессирующего остеопороза, в основном постменопаузального у женщин, сенильного — у мужчин. Указанные варианты патологии пародонта присутствовали у всех наблюдавшихся пациентов старше 50 лет. Известно также, что остеопонтин плазмы крови — важный фактор ремоделирования кости — может выступать еще и в качестве одного из биомаркеров болезни Альцгеймера и сосудистых когнитивных нарушений [7–10], что в очередной раз указывает на патогенетическую связь двух возраст-ассоциированных патологий — остеопороза, в нашем случае челюстных образований, и нейродегенеративных процессов.

Еще одной из ведущих причин заболеваний пародонта, как известно, является микробное обсеменение полости рта, в частности присутствие обсуждаемой порфириомонады, наряду с другими видами патогенных микроорганизмов, таких как *Prevotella intermedia*, *Actinobacillus actinomycetem-comitans*, *Treponema denticola*, *Bacteroides forsythus* и некоторые другие [11]. Учитывая высочайшую способность порфириомонады к генерализации обсеменения организма человека с проникновением в структуры головного мозга и доказанность участия этого микроорганизма в патогенезе БА [12–14], можно сопоставить названные моменты и построить гипотезу о возможности использования фактора выраженной нетравматической потери зубов в возрасте после 50 лет, в особенности у женщин, в качестве дополнительного косвенного прогностического маркера формирования когнитивного дефицита.

Высказанная гипотеза нашла свое подтверждение при обследовании полости рта у 93 пациентов (24 мужчины, 69 женщин) психогериатрического стационара, страдающих деменцией. Полная потеря зубов отмечалась у 11 (11,8 %) из них (3 мужчин и 8 женщин), а среднее число потерянных зубов достигало 22,6, что отчетливо выше, чем среднее число потерянных зубов у лиц старше 60 лет, не имевших клинических признаков деменции ($n = 17,7$). Средний относительный показатель потери резцов и клыков достигал 78,1 % (436 из 558), что также значительно выше аналогичного показателя у пациентов старше 60 лет, но без признаков деменции — 37 %. У всех наблюдавшихся пациентов наиболее выраженная потеря зубов происходила начиная с 50-летнего возраста, еще до возникно-

вления явных клинических признаков когнитивного снижения. Поэтому связать имевшую место потерю зубов с уже формирующейся деменцией и вследствие этого несоблюдением гигиены полости рта не представлялось возможным. Можно предположить, что у этих пациентов патологические процессы пародонта развивались в том числе на основе микробного обсеменения ротовой полости с участием порфириомонады при сопутствующем остеопорозе костей челюстей. Отсюда повышенная вероятность развития нейродегенеративных процессов, в частности болезнь Альцгеймера, о чем свидетельствуют современные данные литературы [7–10].

Конечно же, для полного подтверждения высказанной гипотезы требуется тщательный анализ катamnестических данных с подсчетом количества лиц, у которых после значительной потери зубов в возрасте 50–60 лет в ближайшей или же отдаленной перспективе диагностирована деменция. Но провести такое исследование представляется очень сложным в силу необходимости приглашения на обследование к специалисту-психиатру всех лиц, наблюдавшихся когда-то у стоматолога, но не имевших отношения к психиатрической клинике. Неизбежно возникнут этические проблемы, связанные в том числе с положениями Закона о психиатрической помощи [15]. Тем не менее нельзя полностью исключить возможность такого исследования в дальнейшем.

Заключение. Таким образом, к настоящему времени выявлен целый ряд факторов, построены теории и высказаны гипотезы, направленные на возможность наиболее ранней диагностики и прогнозирования возраст-ассоциированных когнитивных нарушений. Важное место в этом списке занимают диагностические и прогностические критерии на основе исследования состояния полости рта на присутствие некоторых маркеров, указывающих на высокую вероятность возникновения и прогрессирования нейродегенеративной патологии, сопровождающейся когнитивным дефицитом, в особенности болезнь Альцгеймера. Но практическое использование той или иной методики в отдельности, вероятнее всего, не даст полного представления о наличии предикторов или наиболее ранних, в том числе доклинических, признаков дементирующего процесса. Поэтому видится необходимость построения

некоего алгоритма последовательности диагностического и/или прогностического поиска на основе использования нескольких методов оценки состояния полости рта, например, «от простого к сложному», «от общего к конкретному». Возможные примерные этапы клинико-лабораторных исследований данного алгоритма представляются такими:

- общая оценка состояния полости рта с акцентом на возникшую в возрасте 50 лет и старше выраженную потерю зубов нетравматического генеза;
- исследование ротовой полости на присутствие патологического микробного обсеменения, в частности порфириомонады;
- исследование состояния буккального эпителия с определением состояния ядер буккальной цитограммы;
- определение уровня белка S100B, Aβ42 и τ-белка в ротовой жидкости.

Особенностью предлагаемого алгоритма видится удобный и легко выполнимый скрининг-метод первичного отбора пациентов для дальнейшего исследования на основе определения выраженного дефицита присутствия зубов в возрасте после 50 лет. Разумеется, потеря зубов — процесс многофакторный, но с учетом полученных и данных литературы его можно гипотетически представить в качестве определенного предиктора вероятного нейродегенеративного процесса. Так как просто невозможно провести обследование всех лиц старше 50–60 лет с помощью известных методов на присутствие, например, болезни Альцгеймера или мягкого когнитивного снижения, то предлагаемая методика определения дефицита зубного ряда в качестве первичной точки отсчета представляется очень простой и легко выполнимой составляющей скрининг-методики.

В перспективе диагностический и прогностический алгоритм может быть модифицирован и, конечно же, дополнен другими методами исследования, например, МРТ, ПЭТ-КТ, использованием нейropsychологических шкал и т. д. Перспективным видится тот факт, что забор всех необходимых для лабораторных исследований материалов может производиться непосредственно в стоматологическом кабинете, что значительно упрощает маршрутизацию конкретного пациента.

Библиографические ссылки

1. Возможность использования результатов исследования ротовой жидкости и буккального эпителия в диагностике болезни Альцгеймера / В. В. Базарный, А. П. Сиденкова, А. В. Резайкин и др. // Успехи геронтол. 2021. Т. 34, № 4. С. 550–557. <http://doi.org/10.34922/AE.2021.34.4.007>
2. Экспрессия ab42, t-протеина, p16, p53 в буккальном эпителии: перспективы диагностики болезни Альцгеймера и темпа старения организма / В. А. Зуев, А. С. Дятлова, Н. С. Линькова и др. // Бюл. экспер. биол. 2018. № 11. С. 627–631.
3. Сигнальные молекулы в буккальном эпителии: оптимизация диагностики социально значимых заболеваний / М. А. Пальцев, И. М. Кветной, В. О. Полякова и др. // Молекуляр. медицина. 2012. № 4. С. 18–23.
4. A Method for diagnosing Alzheimer's disease based on salivary amyloid- β protein 42 levels / M. Lee, J.-P. Guo, K. Kennedy et al. // J. Alzheimer's Dis. 2017. Vol. 55, № 3. P. 1175–1182. <https://doi.org/10.3233/JAD-160748>
5. Diagnostic Biomarkers of Alzheimer's Disease as Identified in Saliva using 1H NMR-Based Metabolomics / A. Yilmaz, T. Geddes, B. Han et al. // J. Alzheimer's Dis. 2017. Vol. 58, № 2. P. 355–359. <https://doi.org/10.3233/JAD-161226>
6. Altered cytological parameters in buccal cells from individuals with mild cognitive impairment and Alzheimer's disease / M. François, W. Leifert, J. Hecker et al. // Cytometry A. 2014. Vol. 85, № 8. P. 698–708. <http://doi.org/10.1002/cyto.a.22453>
7. Plasma osteopontin as a biomarker of Alzheimer's disease and vascular cognitive impairment / Y.L. Chai, J.R. Chong, A.R. Raquib et al. // Sci. Rep. 2021. Vol. 11, № 1. P. 1–11. <http://doi.org/10.1038/s41598-021-83601-6>
8. Osteopontin is increased in the cerebrospinal fluid of patients with Alzheimer's disease and its levels correlate with cognitive decline / C. Comi, M. Carecchio, A. Chiocchetti et al. // J. Alzheimer's Dis. 2010. Vol. 19, № 4. P. 1143–1148. <http://doi.org/10.3233/JAD-2010-1309>
9. A novel role for osteopontin in macrophage-mediated amyloid- β clearance in Alzheimer's models / A. Rentsendorj, J. Sheyn, D.-T. Fuchs et al. // Brain Behav. Immunol. 2018. Vol. 67. P. 163–180. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2017.08.019>
10. Elevated osteopontin levels in mild cognitive impairment and Alzheimer's disease / Y. Sun, X.S. Yin, H. Guo et al. // Mediators Inflamm. 2013. Vol. 2013. Art. ID 615745. P. 1–9. <https://doi.org/10.1155/2013/615745>

11. Микрофлора полости рта: норма и патология : учеб. пособие / Е.Г. Зеленова, М.И. Заславская, Е.В. Салина и др. Н. Новгород : Изд. НГМА, 2004.

12. Мякотных В. С., Остапчук Е. С., Сиденкова А. П. Возрастные и гендерные аспекты цереброваскулярной патологии и когнитивных расстройств. М. : Триумф, 2020. <http://doi.org/10.32986/978-5-93673-307-9-12-2020>

13. Porphyromonas gingivalis in Alzheimer's disease brains: Evidence for disease causation and treatment with small-molecule inhibitors / S. S. Dominy, C. Lynch, F. Ermini et al. // Sci. Adv. 2019. Vol. 5, № 1. P. 1–21. <http://doi.org/10.1126/sciadv.aau3333>

14. Activation of Complement Components C3 and C5 by a Cysteine Proteinase (Gingipain-1) from Porphyromonus (Bacteroides) gingivalis / J. A. Wingrove, R. G. DiScipio, Z. Chen et al. // J. biol. Chem. 1992. Vol. 267, № 26. P. 18902–18907. [https://doi.org/10.1016/S0021-9258\(19\)37046-2](https://doi.org/10.1016/S0021-9258(19)37046-2)

15. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-І «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения 24.02.2022).

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ МУЗЫКАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ (в условиях конкурсов)

Музыкальное творчество юных музыкантов связано с особенностями и спецификой музыкально-исполнительской деятельности. Выявление одаренных детей на ранних этапах развития рассматривается как одно из приоритетных направлений исследования в настоящее время. Определение критериев музыкальной одаренности в условиях конкурсного отбора — один из возможных путей решения данной проблемы. Основное внимание в данной работе уделено особенностям выявления критериев музыкальной одаренности.

Ключевые слова: музыкальное искусство, музыкальное творчество, музыкальная одаренность, критерии музыкальной одаренности.

Alla V. Shestakova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Moscow, Russia

FEATURES OF DETERMINING THE CRITERIA OF MUSICAL GIFTED CHILDREN (in Conditions of Competitions)

The musical creativity of young musicians is associated with the peculiarities and specifics of musical performance. The identification of gifted children at the early stages of development is considered as one of the priority areas of research at the present time. Determining the criteria for musical talent in a competitive selection is one of the possible ways to solve this problem. The main attention in this work is paid to the features of identifying the criteria for musical giftedness.

Keywords: musical art, musical creativity, musical talent, criteria of giftedness.

Введение. Исследование музыкальной одаренности как одного из направлений психологии творчества обусловлено количеством детских и юношеских музыкально-исполнительских конкурсов как в современной России, так и за рубежом (WFIMC, EMCY). Участие в конкурсах юных музыкантов позволяет раскрыть им свои музыкально-исполнительские качества, приобрести опыт концертных выступлений, что непосредственно влияет на дальнейшее развитие личности профессионального музыканта.

Определение критериев музыкальной одаренности, особенностей их проявления и влияния в рамках детских и юношеских конкурсов вызвано интересом к выявлению одаренных детей на ранних этапах развития. Полученные результаты особенностей проявления критериев музыкальной одаренности показали ряд изменений в критериях на разных этапах исследования.

Материалы и методы. Методологическую основу нашего исследования составляет представление об одаренности, разработанное в школе отечественной психологии творчества и одаренности: Б. М. Теплов, характеризуя личность, «...которую мы и называем одаренностью, нельзя видеть просто сумму способностей: по сравнению со способностями она составляет новое качество» [1, с. 57]; теории творчества Д. Б. Богоявленской раскрывает механизмы этого нового качества как «развитие деятельности по собственной инициативе». В связи с этим мы рассматриваем одаренность как «свойство целостной личности» [2, с. 32]. При этом, определяя признаки детской одаренности, особое значение мы уделяем представлению об одаренности как способности к творчеству и рассматриваем эти признаки как потенциал психического развития.

Наше исследование было проведено на базе международного музыкального телевизионного конкурса юных музыкантов «Щелкунчик» с 2006 по 2021 г. (ЦМШ при Московской консерватории им. П. И. Чайковского, МССМШ им. Гнесиных). В соответствии с официальными условиями конкурса к прослушиванию были допущены участники по трем номинациям «Фортепиано», «Струнные инструменты», «Духовые и ударные инструменты». Возраст детей — до 13 лет (специальности фортепиано, струнные инструменты, ударные инструменты), до 14 лет (специальность духовые

инструменты). В качестве экспертов, оценивающих результаты конкурсантов, были приглашены известные музыкальные исполнители, педагоги, композиторы, дирижеры. Конкурсное выступление участников оценивалось по критериям: музыкальность, техническая оснащенность, качество звука. Основной задачей нашего исследования на каждом этапе являлся анализ критериев оценки экспертов признаков детской одаренности в условиях конкурса. В какой мере заявленные критерии позволяют выявить и определить одаренного юного музыканта?

Экспериментальные данные составила выборка контингента учащихся музыкальных школ, участвующих в конкурсе (с 2006 по 2021 г.) в количестве 573 человека.

Экспериментальный материал мы условно разделили на четыре периода: 1-й период 2006 по 2009 г., 2-й период 2010 по 2015 г., 3-й период 2016 по 2018 г., 4-й период 2019 по 2021 г.

1 период. На данном этапе при анализе результатов были определены факты, которые оказывали влияние на экспертную оценку: неоправданно завышенная исполнительская программа конкурсанта; заявленная конкурсантом программа не соответствовала требованиям и условиям конкурса; эмоциональная устойчивость при исполнении конкурсной программы, обусловленная опытом участия в других конкурсах; влияние организационных трудностей связанных со сменой музыкальных инструментов, с изменением концертного зала в финале конкурса.

Особое внимание заслуживает мнение экспертов о форме конкурсного отбора музыкально-одаренных детей: «...в какой мере данная форма (конкурс) музыкально-творческой деятельности юных исполнителей влияет на одаренность ребенка, на развитие его музыкальных способностей»; противоречивое мнение экспертов отражалось в определении конкурсной формы, с одной стороны, как социального заказа, с другой — «...целенаправленный результат педагогов и родителей на успех, что часто приводит к подмене творческого исполнения профессиональным умением» [3, с. 26] и драматизму от нереализованных ожиданий творческого успеха. Мы отмечаем, что на данном этапе «...оценка экспертами музыкального выступления носила субъективный характер, и в большей

степени оценивался естественный подход (детская интерпретация) к исполняемым профессионально сложным сочинениям — нельзя его учить тому, чего он (ребенок) еще не может осознать» [3, с. 26]; определение особенностей заявленных критериев музыкальной одаренности проходило в условиях становления конкурса как формы музыкального соревнования.

Второй период. На характер определения критериев музыкальной одаренности данного этапа (2010–2015) оказало участие в качестве экспертов не только известных музыкантов, но и выдающихся педагогов-музыкантов, имеющих большой педагогический опыт, сформированный в традициях русской классической музыкальной культуры. Основное внимание было направлено на становление личности юного музыканта. Особые требования эксперты предъявляли к высокому уровню профессионального исполнения, включающему сценический опыт, звуковедению (выраженном в интонационном осмыслении звука), особым техническим приемам, позволяющим раскрыть содержание и стиль исполняемых музыкальных произведений. При обсуждении результатов исполнения конкурсных программ экспертами были выделены следующие критерии музыкальной одаренности: профессионализм, музыкальность, индивидуальность, техническая оснащенность, виртуозность, артистизм. При этом каждый критерий рассматривался дифференцированно и включал оценку личностных качеств участников — качества воли, саморегуляцию, способность к обобщениям и глубину осмысления исполняемых музыкальных произведений [3, с. 27].

Третий период. В рамках исследования этого периода (2016–2018) мы наблюдаем изменение критериев музыкальной одаренности. Международный музыкальный конкурс юных музыкантов «Щелкунчик» в 2016 г. стал членом Европейской ассоциации музыкальных конкурсов для юношества, что привело к определенным изменениям: состав экспертов включал представителей музыкально-исполнительских школ России, Литвы, Грузии, Китая, Польши, Германии, Сербии, США и др. стран; изменился узкопрофессиональный состав и количество экспертов каждой номинации; увеличение состава экспертов конкретной специальности экспертами — исполнителями непрофильных номинаций привело к изменению

приоритетов в критериях музыкальной одаренности. На основе анализа результатов этого периода экспертами были определены следующие критерии: артистизм, профессионализм, индивидуальность. При этом мы не отмечаем дифференцированный подход к каждому критерию.

Четвертый период. С 2020 г. конкурс стал проводиться совместно с МССМШ им. Гнесиных. Организационные трудности проведения конкурса были связаны с влиянием пандемии 2021 г., что ограничило наши возможности непосредственного присутствия. В целом мы отмечаем: при оценивании экспертами исполнения музыкальных произведений преобладает тенденция общего подхода; краткий анализ профессионального исполнения; доминирует выраженный субъективный характер мнения экспертов.

Закключение. Проведенный анализ экспертных оценок и факторов, влияющих на их проявление, показал изменения в критериях оценки музыкально-одаренных детей и определил проблему необходимости исследовать факторы, влияющих на критерии музыкальной одаренности.

Библиографические ссылки

1. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей / отв. ред. Э. А. Голубева, Е. А. Гусева, В. А. Кольцова и др. М. : Наука, 2003. 379 с.
2. Богоявленская Д. Б. О понятии «одаренность» // Образование личности. 2020. № 3–4. С. 52–57.
3. Шестакова А. В. Определение критериев одаренности детей в условиях конкурсов // Психология творчества и одаренности : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, 15–17 ноября 2021 г., г. Москва / под ред. Д. Б. Богоявленской. М. : Ассоциация техн. ун-тов, 2021. 320 с.

И. И. Шошина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт когнитивных исследований;*

М. А. Тумова

М. Г. Янушко

М. В. Иванов

*ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева» Минздрава России
Санкт-Петербург, Россия*

КОНТРАСТНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРИ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИИ*

Цель исследования — оценка контрастной чувствительности зрительной системы при шизофрении, анализ взаимосвязей с клиническими данными. Установлено снижение контрастной чувствительности в области низких пространственных частот у больных шизофренией в задаче обнаружения стимулов. В более высокоуровневой задаче сравнения у больных шизофренией наблюдалось снижение контрастной чувствительности практически во всех диапазонах пространственных частот. Показаны связи контрастной чувствительности с клинической симптоматикой, что подтверждает общие механизмы развития сенсорного дефицита и симптомов шизофрении.

Ключевые слова: параноидная шизофрения, контрастная чувствительность зрительной системы, магноцеллюлярная и парвоцеллюлярная система.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00074).

Irina I. Shoshina

St. Petersburg State University, Institute for Cognitive Research;

Marianna A. Tumova

Maria G. Yanushko

Mikhail V. Ivanov

FGBU "V. M. Bekhterev NICP", Ministry of Health of Russia

St. Petersburg, Russia

CONTRAST SENSITIVITY AND COGNITIVE DISORDERS IN PARANOID SCHIZOPHRENIA

The purpose of the study was to assess the contrast sensitivity of the visual system in schizophrenia, and to analyze the relationship with clinical data. A decrease in contrast sensitivity in the low spatial frequencies in patients with schizophrenia was established in the task of detecting stimuli. In a higher-level comparison task, patients with schizophrenia showed a decrease in contrast sensitivity in all spatial frequencies. Relationships between contrast sensitivity indices and clinical symptoms are shown, which confirms the general mechanisms of development of sensory deficit and symptoms of schizophrenia.

Keywords: paranoid schizophrenia, contrast sensitivity of visual system, magnocellular and parvocellular system.

Введение. Неоднократно показано, что изменения зрительного восприятия у больных шизофренией могут выступать в качестве информативных биомаркеров, отражающих процессы, протекающие в головном мозге [1–3]. Согласно гипотезе предиктивного кодирования [4], мозг постоянно генерирует и обновляет ментальную модель окружающей среды для создания прогнозов сенсорного ввода, что согласуется с представлениями, сформулированными П. К. Анохиным в рамках теории функциональных систем [5]. Нарушения, возникающие на уровне сенсорного ввода (афферентного синтеза), могут приводить к ложным умозаключениям и ошибкам прогнозирования последующего сенсорного ввода. Другими словами, ментальная модель окружающего мира строится в результате взаимодействия процессов как восходящей (bottom-up), так и ни-

сходящей (top-down) регуляции активности структур различных уровней восприятия. Исходя из роли сенсорного ввода для формирования ментальной модели окружающего мира, представляет интерес теория пространственно-частотной фильтрации в зрительной системе [6].

В зрительной системе восприятие и анализ информации обеспечивается совокупностью нейронных каналов, берущих начало от ганглиозных клеток сетчатки, отличающихся по своим пространственно-частотным характеристикам. Основные из них магноцеллюлярные каналы, специфичные к восприятию в изображении низких пространственных частот и парвоцеллюлярные каналы, специфичные к восприятию высоких пространственных частот. Показано, что при шизофрении наблюдается нарушение работы этих каналов, формирующих дорзальный и вентральный потоки информации из каудальных во фронтальные области коры головного мозга [2, 3, 6] для построения ментальной модели окружающего мира, принятия решения и программирования действий. Однако характер этих нарушений остается недостаточно изученным.

Цель: исследование контрастной чувствительности зрительной системы у больных шизофренией и здоровых испытуемых, анализ взаимосвязей с клиническими данными.

Материалы и методы. Выполнено на базе НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева и Санкт-Петербургского государственного университета. Объекты исследования — пациенты с параноидной формой шизофрении (F20) в подостром состоянии или на стадии становления ремиссии ($n = 62$, из них 30 мужчин); здоровые испытуемые ($n = 56$, из них 29 мужчин). Средний возраст пациентов — 27,38 ($\pm 7,65$) лет, здоровых испытуемых — 25,09 ($\pm 6,74$) лет.

Тяжесть психического состояния оценивали во время интервью с использованием шкалы PANSS. Когнитивные нарушения оценивали по шкале BACS (Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia), учитывали длительность заболевания и терапию. Контрастную чувствительность зрительной системы регистрировали с помощью компьютерной визоконтрастометрии в задаче обнаружения элементов Габора с пространственными частотами от 0,4 до 17,9 цикл/градус, а также задаче сравнения элементов Габора с пространственными

частотами от 0,4 до 18,2 цикл/градус [6]. Пространственная частота отражает количество перепадов яркости в поле зрения размером в 1 угловой градус. Чем больше перепадов яркости (циклов смены светлого и темного) приходится на 1 угловой градус, тем выше пространственная частота.

Статистический анализ выполняли на языке программирования R (версия 4.0.2) в RStudio v1.4.1717. Использовали Wilcoxon rank sum test with continuity correction.

Результаты. В задаче обнаружения установлено, что у пациентов в области низких частот контрастная чувствительность значительно ниже, чем у здоровых испытуемых ($p < 0,001$), а в области средних и высоких частот, наоборот, выше ($p < 0,001$). В более высокоуровневой задаче сравнения в группе пациентов выявлена тенденция к снижению чувствительности в области низких частот ($p = 0,054$) и значимое снижение контрастной чувствительности в области средних и высоких частот по сравнению со здоровыми испытуемыми ($p < 0,001$).

Выявлены значимые положительные связи между значением шкалы T-comp (BACS) и средними значениями контрастной чувствительности в области высоких пространственных частот в задаче сравнения ($r = 0,3$, $p = 0,049$), отрицательная связь со средними значениями пороговой контрастной чувствительности в области высоких пространственных частот в задаче обнаружения и баллами по подшкалам PANSS: «Стереотипность мышления» ($r = -0,32$, $p = 0,03$), «Дезориентация» ($r = -0,37$, $p = 0,011$), «Снижение рассудительности и осознания болезни» ($r = -0,29$, $p = 0,045$). Значимых корреляций с длительностью заболевания и дозой антипсихотиков в аминоксиновом эквиваленте не выявлено.

Заключение. На раннем уровне обработки информации пациенты демонстрируют дефицит контрастной чувствительности только в области низких пространственных частот, тогда как в более высокоуровневой задаче сравнения снижение контрастной чувствительности наблюдается практически по всем пространственным частотам. Выявленные связи с клинической симптоматикой подтверждают общие механизмы развития сенсорного дефицита и симптомов шизофрении.

Библиографические ссылки

1. *Shen L., Liu D., Huang Y.* Hypothesis of subcortical visual pathway impairment in schizophrenia // *Med. Hypotheses*. 2021. № 156. P. 110686. doi:10.1016/j.mehy.2021.110686
2. Contrast Sensitivity of the Visual System and Cognitive Functions in Schizophrenia and Depression / I. I. Shoshina, Yu. V. Mukhitova, I. A. Tregubenko et al. // *Human Physiology*. 2021. Vol. № 47(5). P. 527–538. <https://doi.org/10.1134/S0362119721050121>
3. Сенсорно-когнитивные нарушения при шизофрении, резистентной к терапии / И. И. Шошина, М. А. Тумова, Е. Е. Вакнин и др. // *Соц. и клиническая психиатрия*. 2021. 31(2). С. 13–17.
4. Comprehensive review: Computational modelling of schizophrenia / V. Valton, L. Romaniuk, S. J. Douglas et al. // *Neurosci. Biobehav. Rev.* 2017. № 83. 630–646. doi: 10.1016/j.neubiorev.2017.08.022.
5. *Анохин П. К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М. : Наука, 1978. С. 49–106.
6. *Шошина И. И., Шелепин Ю. Е.* Механизмы глобального и локального анализа зрительной информации при шизофрении. СПб. : Изд-во ВВМ, 2016. 300 с.

Г. Л. Козунова
Л. Н. Юрист
А. Ю. Николаева
А. Ю. Новиков
Б. В. Чернышев

*Московский государственный
психолого-педагогический университет
Москва, Россия*

ПРОФИЛЬ ИНТЕЛЛЕКТА И НЕТЕРПИМОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ПАЦИЕНТОВ С ВЫСОКОФУНКЦИОНАЛЬНЫМ АУТИЗМОМ*

Исследован профиль интеллектуальных способностей и личностные особенности у взрослых социально адаптированных пациентов с расстройствами аутистического спектра (РАС). Испытуемые прошли процедуру тестирования интеллекта с помощью теста Векслера (WAIS-III), заполнили опросники толерантности к неопределенности (НОТН) и коэффициент аутизма (AQ). Для пациентов с РАС было характерно статистически достоверное снижение вербального интеллекта и аномально повышенный уровень нетерпимости к неопределенности в сравнении с нейротипичными добровольцами того же пола и возраста. Дефицит социальных навыков у пациентов с РАС прямо коррелировал со снижением вербальной гибкости, но не с их отношением к неопределенности.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра (РАС), вербальная гибкость, нетерпимость к неопределенности.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 20-18-00252.

Galina L. Kozunova
Lyudmila N. Yurist
Anastasiya. Yu. Nikolaeva
Artem Yu. Novikov
Boris V. Chernyshev

Moscow State University of Psychology and Education
Moscow, Russia

INTELLECTUAL PROFILE AND INTOLERANCE OF UNCERTAINTY IN ADULTS WITH HIGH-FUNCTIONING AUTISM

We assessed the profile of intellectual abilities and personal traits in high-functioning adults with autism spectrum disorders (ASD). We used the standard Wechsler Test (WAIS-III) of intelligence quotient and two questionnaires — Autism quotient (AQ) and the New questionnaire for tolerance to uncertainty. In contrast with age-matched neurotypical controls, patients with ASD demonstrated moderate deficit only in the verbal domain of intellectual abilities and abnormal intolerance to uncertainty. Self-reported difficulties in social interaction in patients with ASD was positively correlated with a low verbal flexibility, but not with their personal attitudes to uncertainty.

Keywords: autism spectrum disorders (ASD), verbal fluency, intolerance to uncertainty.

Введение. У пациентов с РАС наряду с трудностями социального взаимодействия и негибкостью в поведении и мышлении часто наблюдается повышенная тревожность [1]. Трансдиагностическим фактором предрасположенности к эмоциональным расстройствам является нетерпимость к неопределенности — устойчивая тенденция к переоценке предсказуемости событий и острому негативному аффекту при несоответствии ожиданиям. Целью нашего исследования было прояснить взаимосвязи между специфическими чертами аутизма, трансдиагностической нетерпимостью к неопределенности и интеллектуальным профилем.

Материалы и методы. В исследовании участвовал 21 пациент с РАС и 21 нейротипичный доброволец, попарно уравненные

по полу (по 5 мужчин и 16 женщин в каждой группе) и возрасту таким образом, чтобы разница в каждой паре не превышала 3 лет (разброс от 19 до 42 лет, сред. знач. — 29 лет, ст. откл. — 6 лет). Верификация диагноза по критериям DSM-V проводилась опытным психиатром в формате индивидуальной консультации. Выраженность черт аутистического спектра оценивали с помощью опросника «Коэффициент аутизма AQ» [2]. Для тестирования интеллекта использовалась короткая версия теста Векслера (WAIS-III) [3]. Также испытуемые заполнили «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой [4]. Опросник состоит из 33 вопросов, которые разделяются на три шкалы: «Толерантность к неопределенности», «Интолерантность к неопределенности» и «Межличностная интолерантность к неопределенности». В анализ результатов опросника вошли 15 пар испытуемых, так как часть анкет была содержала пропуски.

Результаты. Средний коэффициент интеллекта в группе пациентов с РАС и нейротипичных испытуемых составил 104 (ст. откл. — 8,9) и 108 (ст. откл. — 8,8) баллов соответственно. Дисперсионный анализ показал, что исследуемые группы различались по интеллекту незначительно — на уровне статистической тенденции ($F(1,40) = 3,7$; $p = 0,06$). Вместе с тем у пациентов в сравнении с контрольной выборкой были значимо снижены показатели только по вербальной шкале ($F(1,40) = 9,8$; $p = 0,003$). Эффект взаимодействия факторов Группа X Шкала был достоверен: $F(1,40) = 5,1$; $p = 0,03$). Внутри вербальной шкалы пациенты с РАС справлялись значимо хуже с двумя задачами: объяснить значение слов (перечислив все смыслы, которое данное слово может принимать в зависимости от контекста) ($F(1,40) = 11,5$; $p = 0,002$) и решение арифметических задач в уме ($F(1,40) = 7,1$; $p = 0,01$). В других субтестах из вербальной шкалы — обобщение понятий и осведомленность, у пациентов с РАС также наблюдалась тенденция к снижению баллов ($p = 0,13$ и $p = 0,15$), что свидетельствует о неслучайности такого профиля интеллектуальных возможностей.

По результатам опросника НОТН группы отличались по всем трем шкалам (эффект взаимодействия факторов Группа X Шкала: ($F(2,56) = 16,4$; $p = 0,000002$). Пациенты с РАС отличались повышен-

ной нетерпимостью к неопределенности ($F(1,28) = 16,3; p = 0,0004$), в том числе в межличностных отношениях ($F(1,28) = 4,9; p = 0,03$) и меньшей открытостью к новизне ($F(1,28) = 15,7; p = 0,0005$). Коэффициент корреляции между уровнем вербального интеллекта и выраженностью дефицита социальных навыков составил 0,51 ($p = 0,016$). Например, пациенты со сниженной вербальной гибкостью чаще сообщали, что они предпочитают работать скорее в одиночестве, чем в команде, и испытывают дискомфорт на мероприятиях, где присутствуют незнакомцы.

Заключение. Мы показали, что для взрослых пациентов с РАС характерно небольшое, но систематическое снижение показателей практически по всем аспектам вербального интеллекта. Возможно, эта особенность является отдаленным последствием нарушений речевого и языкового развития в раннем возрасте, которое могло усиливаться в связи с задержкой навыков реципрокного социального взаимодействия. В пользу такого объяснения свидетельствует негативная корреляция между уровнем вербальных способностей пациентов и их стремлением к избеганию социальных контактов.

Библиографические ссылки

1. *Jenkinson R., Milne E., Thompson A.* The relationship between intolerance of uncertainty and anxiety in autism: A systematic literature review and meta-analysis // *Autism*. 2020. Vol. 24, № 8. P. 1933–1944.
2. The autism-spectrum quotient (AQ): Evidence from asperger syndrome/high-functioning autism, males and females, scientists and mathematicians / *S. Baron-Cohen et al.* // *Journal of autism and developmental disorders*. 2001. Vol. 31, № 1. P. 5–17.
3. *Wechsler D.* Wechsler adult intelligence scale // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 1955.
4. *Корнилова Т. В.* Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // *Псих. журнал*. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Анна Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия. anna_ak@rambler.ru

Акопов Гарник Владимирович, доктор психологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия. akopovgv@gmail.com

Акопян Любовь Суреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия. akolubov@mail.ru

Афанасенкова Елена Леонидовна, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института психологии и педагогики, Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия. el_afa@mail.ru

Балабашук Роман Олегович, аспирант 2-го года обучения направления «Психологические науки», Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия. romanpsy20@gmail.com

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. belinskaya@list.ru

Беспалов Борис Иванович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии труда и инженерной психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. bespalovb@mail.ru

Бочаров Виктор Викторович, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией клинической психологии и психодиагностики, старший научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия. bochvikvik@gmail.com

Быстрова Татьяна Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна, Уральский федеральный университет им. первого Президента России, Екатеринбург, Россия. taby27@yandex.ru

Василевский Андрей Сергеевич, бизнес-психолог, психолог-консультант, коуч в когнитивно-поведенческом подходе, Москва, Россия. andvas2004@mail.ru

Вишнева Анастасия Евгеньевна, медицинский психолог, ГБУЗ «Центр патологии речи и нейрореабилитации» ДЗМ, Москва, Россия. nvishneva@mail.ru

Воднева Алёна Руслановна, аспирант, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. vodneva.ar@talantiuspeh.ru

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая научно-образовательным центром «Психология одаренного подростка», Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия. envolkova@yandex.ru

Гашкова Анастасия Сергеевна, магистрант направления когнитивные нейронауки, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. annaболеin08@gmail.com

Даниленко Ольга Ивановна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общей психологии факультета психологии СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. danilenko.olga@gmail.com

Демчук Максим Алексеевич, аспирант, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. demchukmax74@gmail.com

Дикая Людмила Александровна, главный научный сотрудник, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. dikaya@sfedu.ru

Дроздова Ирина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. iidrozdova@sfedu.ru

Евстафеева Евгения Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии, Томский государственный университет, Томск, Россия. evgeniy-eg@mail.ru

Егорова Валерия Александровна, младший научный сотрудник, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. veremeeva@sfedu.ru

Емелин Вадим Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, профессор РАО, Москва, Россия. emelin@mail.ru

Иванов Михаил Владимирович, доктор медицинских наук, профессор, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия. profmikhailivanov@gmail.com

Илюхина Светлана Николаевна, психолог-исследователь, Фонд развития Интернет, Москва, Россия. svetla.iluhina@gmail.com

Исаев Алексей Вячеславович, кафедра физического воспитания и спорта, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. isaev_aleks@mail.ru

Исаева Оксана Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия. oisaeva@hse.ru

Калакуцкая Алина Александровна, психолог, магистрант кафедры ЮНЕСКО Культурно-историческая психология детства, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия. kalakutskaya@gmail.com

Капитанова Елена Валерьевна, психолог, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. kapitanova@sfedu.ru

Карасев Егор Павлович, студент 6-го курса факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ker51998@yandex.ru

Касанов Даурен Айтжанович, инженер-исследователь, учебно-научная лаборатория нейротехнологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. dauren.kasa@gmail.com

- Козунова Галина Леонидовна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Центра нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центра), Москва, Россия KozunovaGL@mgppu.ru
- Косаченко Александра Ильинична**, младший научный сотрудник, учебно-научная лаборатория нейротехнологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. alleshch7@gmail.com
- Костянян Дарья Георгиевна**, аспирант, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», ФТ «Сириус», Россия. kostanyan.dg@talantiuspeh.ru
- Котюсов Александр Игоревич**, младший научный сотрудник, учебно-научная лаборатория нейротехнологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. Sunalexr@gmail.com
- Кошечкина Анастасия Георгиевна**, аспирант кафедры психологии личности факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. koshag@inbox.ru
- Кустова Татьяна Андреевна**, младший научный сотрудник, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. kustova.ta@talantiuspeh.ru
- Леонов Сергей Владимирович**, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. svleonov@gmail.com
- Логвиненко Татьяна Игоревна**, руководитель научной группы, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. logvinenkota.spb@gmail.com
- Локшина Виктория Игоревна**, психолог, магистрант кафедры педагогики и педагогической психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия. vika.lokshina.98@mail.ru
- Маркевич Максим Олегович**, аспирант, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. maksitwen@gmail.com
- Мелещенко Евгений Александрович**, младший научный сотрудник, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. meleshenko@sfedu.ru

- Мещанинов Виктор Николаевич**, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой биохимии, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия. mv-02@yandex.ru
- Момотенко Дарья Анатольевна**, младший научный сотрудник, руководитель проекта «Динамическая картина функционирования головного мозга в естественной среде», Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. momotenko.d@talantiuspeh.ru
- Мякотных Виктор Степанович**, доктор медицинских наук профессор, профессор кафедры факультетской терапии и гериатрии, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия. vmaykotnykh@yandex.ru
- Николаева Анастасия Юрьевна**, научный сотрудник центра нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центра), Москва, Россия. nastia1584@inbox.ru
- Николаева Эльвира Федоровна**, кандидат психологических наук, доцент, профессор, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия. elvira-nik@mail.ru
- Новиков Артем Юрьевич**, врач-психиатр, сотрудник Центра нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центра), Москва, Россия. artemnovikov21@gmail.com
- Осипова Елена Борисовна**, приглашенный тренер-консультант, Институт повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия. osipova-consult@yandex.ru
- Павлов Юрий Геннадьевич**, PhD, заведующий учебно-научной лаборатории нейротехнологий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. pavlovug@gmail.com
- Поликанова Ирина Сергеевна**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. irinapolikanova@mail.ru
- Попова Елена Васильевна**, магистрант Тольяттинского университета, Тольятти, Россия. medekal72mvd@yandex.ru

- Попова Ксения Сергеевна**, бизнес-психолог, тренер-методолог, коуч в когнитивно-поведенческом подходе, Москва, Россия. kse5974@yandex.ru
- Распопин Евгений Владимирович**, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, Екатеринбург, Россия. ev73@mail.ru
- Ребрейкина Анна Борисовна**, кандидат биологических наук, научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. anna.rebreikina@gmail.com
- Рогачёв Антон Олегович**, аспирант, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. rogachev.ao@talantiuspeh.ru
- Рябков Александр Михайлович**, старший психолог межрегионального отдела психологической работы Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Свердловской области, майор внутренней службы, Екатеринбург, Россия. saintal@inbox.ru
- Сагова Зурида Айсовна**, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. zas-msu@mail.ru
- Салах Шауамри Т. М.** аспирант кафедры общей психологии, Казанский федеральный (Приволжский) университет, Казань, Россия. salah.shawamri@mail.ru,
- Сахарова Татьяна Николаевна**, кандидат психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия. sakharova@mail.ru
- Семенова Елена Юрьевна**, аспирант, младший научный сотрудник, Научный центр когнитивных исследований, Научно-технологический университет «Сириус», Сочи, Россия. semenova.ey@talantiuspeh.ru
- Сериков Геннадий Витальевич**, кандидат психологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. gvserikov@sfedu.ru
- Сиденкова Алена Петровна**, доктор медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой психиатрии, наркологии и психотерапии, Уральский

государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия.
sidenkovs@mail.ru

Солдатова Галина Уртанбековна, академик РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. soldatova.galina@gmail.com

Степанова Елена Сергеевна, начальник межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Свердловской области, подполковник внутренней службы, Екатеринбург, Россия. gufsin.mpl@mail.ru

Сысоева Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, научный руководитель, Научный центр когнитивных исследований, Научно-исследовательский университет «Сириус», Сочи, Россия; ведущий научный сотрудник, Лаборатория высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, Москва, Россия. sysoeva.ov@talantiuspeh.ru

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. otihomandr@mail.ru

Токарева Наталья Геннадьевна, медицинский психолог, психиатр, доцент кафедры нервных болезней и психиатрии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, руководитель Мордовского отделения РПО, Саранск, Россия. tokareva-1@mail.ru

Токарская Людмила Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. liydmil@mail.ru;

Тумова Марианна Анатольевна, младший научный сотрудник Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия. drive-shares-dm-noreply@google.com

Харитоновна Марина Павловна, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра клинической психологии и психофизиологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. nosar@sosp.ru

Цветкова Наталья Афанасьевна, кандидат психологических наук, доцент, руководитель психологической службы, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия. mynatulechka@mail.ru

Чернышев Борис Владимирович, кандидат биологических наук, руководитель Центра нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центра), Москва, Россия chernyshevbv@mgppu.ru

Чертополохов Виктор Александрович, лаборатория МОИДС механико-математического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. psvt.msu@gmail.com

Чигарькова Светлана Вячеславна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. chigars@gmail.com

Шестакова Алла Вениаминовна, руководитель МЦЯТиОПМ, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия. a.shes@mail.ru

Шошина Ирина Ивановна, доктор биологических наук, профессор Института когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. shoshinaii@mail.ru

Юрист Людмила Николаевна, студентка Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия am22.au12@gmail.com

Юртаева Марина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. myurtaeva_82@mail.ru

Якушина Анастасия Александровна, аспирант кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. anastasia.ya.au@yandex.ru

Янушко Мария Григорьевна, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева Минздрава России, Санкт-Петербург, Россия. yanushko@list.ru

LIST OF AUTHORS

- Akimova Anna Yu.**, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Russia. anna_ak@rambler.ru
- Akopov Garnik V.**, Doctor of Psychology, professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia. akopovgv@gmail.com
- Akopyan Lyubov S.**, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia. akolubov@mail.ru
- Akopov Garnik V.**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia. akopovgv@gmail.com
- Afanasenкова Elena L.**, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology of the Institute of Psychology and Pedagogy, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia. el_afa@mail.ru
- Balabashchuk Roman O.**, second year graduate student, Kemerovo state university, Kemerovo, Russia. romanpsy20@gmail.com
- Belinskaya Elena P.**, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology of the Faculty of Psychology of Moscow State University named after MV Lomonosov, Moscow, Russia. belinskaya@list.ru
- Bespalov Boris I.**, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Department of Labor Psychology and Engineering Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. bespalovb@mail.ru
- Bocharov Victor V.**, PhD in Psychology, Head of the Laboratory of clinical psychology and psychodiagnostics, V.M. Bekhterev' National research medical center for psychiatry and neurology; Head of Department of Clinical Psychology. St. Petersburg State Pediatric Medical University, St. Petersburg, Russia. bochvikvik@gmail.com
- Bystrova Tatyana Yu.**, Doctor (Philosophy), Professor of Cultural Studies and Design Department Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. taby27@yandex.ru

- Chernyshev Boris V.**, PhD in Biology, head of Moscow Center of neurocognitive research (MEG-center), Moscow, Russia chernyshevbv@mgppu.ru
- Chertopolokhov Viktor A.**, Lomonosov Moscow State University, Laboratory of MOIDS, Faculty of Mechanics and Mathematics, Moscow State University, Russia. psvr.msu@gmail.com
- Chigarkova Svetlana V.**, Ph. D. (Psychol.), Research Fellow, Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. chigars@gmail.com
- Danilenko Olga I.**, Doctor of Cultural Science, Assistant Professor of General Psychology Department of the Saint Petersburg State University, Russia. danilenko.olga@gmail.com
- Demchuk Maxim A.**, postgraduate student of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. demchukmax74@gmail.com
- Dikaya Liudmila A.**, Chief Researcher, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. dikaya@sfedu.ru
- Drozdova Irina I.**, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Educational Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. iidrozdova@sfedu.ru
- Egorova Valeria A.**, Junior researcher, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. veremeeva@sfedu.ru
- Emelin Vadim A.**, DSc in Philosophy, Professor, Department of Labour Psychology and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. emelin@mail.ru
- Evstafeeva Evgeniya A.**, Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Psychophysiology of Tomsk State University, Tomsk, Russia. evgeniy-eg@mail.ru
- Gashkova Anastasia S.**, Master student in Cognitive Neuroscience Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. annabolein08@gmail.com
- Ilyukhina Svetlana N.**, Foundation for Internet Development Psychologist, Moscow, Russia. svetla.iluhina@gmail.com
- Isaev Alexey V.**, Lomonosov Moscow State University, Department of Physical Education and Sports, Moscow, Russia. isaev_aleks@mail.ru

- Isaeva Oksana M.**, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia. oisaeva@hse.ru
- Iurtaeva Marina N.**, PhD in Psychology, Associate professor of the Department of Human resource management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
- Ivanov Mikhail V.**, Doctor of Medical Sciences, Professor, of the FGBU “V. M. Bekhterev National medical research center of psychiatry and neurology”, Ministry of Health of Russia, St. Petersburg, Russia. profmikhailivanov@gmail.com
- Kalakutskaya Alina A.**, psychologist, master student, UNESCO chair Cultural-historical psychology of childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. kalakutskaya@gmail.com
- Kapitanova Elena V.**, Psychologist, Ph.D. of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Social Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. kapitanova@sfedu.ru
- Karasev Egor P.**, student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. kep51998@yandex.ru
- Kasanov Dauren A.**, Research Engineer, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. dauren.kasa@gmail.com
- Kharitonova Marina P.**, doctor of medical sciences, professor, head of the Department, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. nocar@sosp.ru
- Kosachenko Alexandra I.**, Researcher, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. alleshch7@gmail.com
- Koshevaya Anastasia G.**, Postgraduate Student, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. koshag@inbox.ru
- Kostanyan Daria G.**, PhD Student, Junior Researcher, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. kostanyan.dg@talantiuspeh.ru

- Kotlyusov Alexander I.**, Researcher, Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. Sunalexr@gmail.com
- Kozunova Galina L.**, Ph D. in psychology, reseach fellow in Moscow Center of neurocognitive research (MEG-center), Moscow, Russia KozunovaGL@mgppu.ru
- Kustova Tatiana A.**, Junior Researcher, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. kustova.ta@talantiuspeh.ru
- Leonov Sergey V.**, Associate Professor of the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Cand. Sc. (Psychol.), Moscow, Russia. svleonov@gmail.com
- Logvinenko Tatiana I.**, Head of the Scientific Group, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. logvinenkota.spb@gmail.com
- Lokshina Victoria I.**, psychologist, master student, chair pedagogy and pedagogical psychology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia. vika.lokshina.98@mail.ru
- Markevich Maxim O.**, PhD student, Junior Researcher, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. maksitwen@gmail.com
- Meleshchenko Evgeniy A.**, Junior researcher, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. meleshenko@sfsedu.ru
- Meshchaninov Viktor N.**, doctor of medical sciences, Professor, Head of the Department of Biochemistry, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia. mv-02@yandex.ru
- Momotenko Darya A.**, Junior researcher, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. momotenko.d@talantiuspeh.ru
- Myakotnykh Viktor S.**, doctor of medical sciences, Professor, Professor of the Department of Faculty Therapy and Geriatrics, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia. vmaykotnykh@yandex.ru
- Nikolaeva Anastasiya Yu.** reseach fellow in Moscow Center of neurocognitive research (MEG-center), Moscow, Russia nastia1584@inbox.ru
- Nikolaeva Elvira F.**, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Togliatti State University, Togliatti, Russia. elvira-nik@mail.ru

- Novikov Artem Yu.**, psychiatrist, research fellow in Moscow Center of neurocognitive research (MEG-center), Moscow, Russia artemnovikov21@gmail.com
- Osipova Elena B.**, Invited trainer-consultant, Institute of Advanced Training and Retraining of Managers and Specialists, St. Petersburg State University Of Railways Of Emperor Alexander I, St. Petersburg, Russia. osipova-consult@yandex.ru
- Pavlov Yuriy G.**, PhD, Head of Educational and Scientific laboratory of Neurotechnologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. pavlovug@gmail.com
- Polikanova Irina S.**, Senior Researcher of the laboratory “Psychology of Professions and Conflict” of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Cand. Sc. (Psychol.), Moscow, Russia. irinapolikanova@mail.ru
- Popova Elena V.**, Master’s student of Togliatti University, Tolyatti, Russia. medekal72mvd@yandex.ru
- Popova Kseniya S.**, business psychologist, trainer-methodologist, cognitive behavioral coach, Moscow, Russia. kse5974@yandex.ru
- Raspopin Evgeniy V.**, Candidate of Psychological Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Humanities of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia. ev73@mail.ru
- Rebreikina Anna B.**, Candidate of Biological Sciences, Researcher, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. anna.rebreikina@gmail.com
- Rogachev Anton O.**, PhD Student, Junior researcher, Center for Cognitive Sciences, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. rogachev.ao@talantiuspeh.ru
- Ryabkov Alexander M.**, Interregional Department of Psychological Work of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Sverdlovsk region, Senior Psychologist, Major of Internal Service, Yekaterinburg, Russia. saintal@inbox.ru
- Sagova Zurida A.**, Associate Professor, Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology, Moscow, Russia. zas-msu@mail.ru
- Sakharova Taiana N.**, Ph.D. in Psychology, Professor, Director at Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. sakharova@mail.ru

- Salah Shawamri T. M.** postgraduate student of the Department of General Psychology, Kazan Federal (Volga Region) University, Kazan, Russia. salah.shawamri@mail.ru
- Semenova Elena Yu.,** PhD Student, Junior Researcher, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. semenova.ey@talantiuspeh.ru
- Serikov Gennady V.,** Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Social Psychology, Southern Federal University Rostov-on-Don, Russia. gvserikov@sfsedu.ru
- Shestakova Alla V.,** Head of ICLT& ETM (RUDN University), Moscow, Russia. a.shes@mail.ru
- Shoshina Irina I.,** Doctor of Biological Sciences, Professor, Institute for Cognitive Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. shoshinaii@mail.ru
- Sidenkova Alyona P.,** doctor of medical sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychiatry, Narcology and Psychotherapy, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia. sidenkovs@mail.ru
- Sysoeva Olga V.,** Candidate of Psychological Sciences, Scientific Supervisor, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University, Sochi, Russia; Leading Researcher, Laboratory of Higher Nervous Activity of Man, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. sysoeva.ov@talantiuspeh.ru
- Tumova Marianna A.,** junior researcher of the FGBU “V. M. Bekhterev National medical research center of psychiatry and neurology”, Ministry of Health of Russia, St. Petersburg, Russia. drive-shares-dm-noreply@google.com
- Soldatova Galina U.,** Academician of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Professor, Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. soldatova.galina@gmail.com
- Stepanova Elena S.,** head of the Interregional Department of Psychological Work of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Russia. gufsin.mpl@mail.ru
- Tikhomandritskaya Olga A.,** candidate of psychological sciences, associate professor, acting Head of the Department of Social Psychology of the Faculty of Psychology of Moscow State University named after MV Lomonosov, Moscow, Russia. otihomandr@mail.ru

Tokareva Natalia G., medical psychologist, psychiatrist, medical psychologist, psychiatrist, Associate Professor, chair of Nervous diseases and Psychiatry, Mordovian state University named after N. P. Ogarev, Head of the Mordovian Branch of the Russian Psychological Society, Saransk, Russia. tokareva-1@mail.ru

Tokarskaya Liydmila V., Ph.D. (Psychology), Associate Professor of Psychological Department Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. liydmil@mail.ru

Tsvetkova Natalia A., Ph.D. in Psychology, Docent, Chair at Psychological Service at Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. mynatulechka@mail.ru

Vasilevskii Andrey S., business psychologist, psychologist-consultant, cognitive behavioral coach, Moscow, Russia. andvas2004@mail.ru

Vishneva Anastasia E., Medical Psychologist, “Center of Speech Pathology and Neurorehabilitation”, Moscow, Russia. nvishneva@mail.ru

Vodneva Alyona R., PhD Student, Junior Researcher, Scientific Center for Cognitive Research, Sirius University of Science and Technology, Sochi, Russia. vodneva.ar@talantiuspeh.ru

Volkova Elena N., Doctor of Science, Professor of Psychology, Head of the Scientific and Educational Center “Psychology of a Gifted Teenager”, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia. envolkova@yandex.ru

Yakushina Anastasia A., Postgraduate student of the Department of Psychology of Education and Pedagogy of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. anastasia.ya.au@yandex.ru

Yanushko Maria G., Candidate of Medical Sciences, Leading Researcher of the FGBU “V. M. Bekhterev National medical research center of psychiatry and neurology”, Ministry of Health of Russia, St. Petersburg, Russia. yanushko@list.ru

Yurist Lyudmila N., student of Moscow state university of psychology and education, Moscow, Russia am22.au12@gmail.com

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

Психология коучинга (Coaching Psychology): перспективы развития (Н. В. Антонова), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 22-00-014) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 гг.

Предполагаемая продолжительность жизни современных молодых людей и их отношение к своему внешнему облику как маркер ее возможной продолжительности (А. Г. Артамонова, Т. А. Воронцова), Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/>

Роль модуляций нелокального контраста в обнаружении лиц и определении пола (В. В. Бабенко, Д. В. Явна, Д. С. Алексеева), Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (№ 20-64-47057).

Психологический анализ двигательной активности в процессе решения познавательных задач (Д. Ю. Баланев, Е. В. Смешко), Томский государственный университет, Томск, Россия. Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Субъективное благополучие молодых людей с разной степенью выраженности регуляторно-личностных ресурсов (Т. Н. Банщикова), Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00975.

Психология формирования паттернов поведения детей и культура (Л. Ф. Баянова, В. П. Ульянова), Психологический институт РАО, Москва, Россия; Дворец детского и юношеского творчества, Октябрьский, Россия. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-78-10153.

Связь саморегуляции с активностью российской молодежи (О. В. Бубновская В. В. Калита, А. В. Лысова, М. Л. Соколовский), Дальневосточный федеральный университет Владивосток, Россия; Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет) Москва, Россия; Университет Саймона Фрейзера Ванкувер, Канада; Северо-Кавказский федеральный университет Ставрополь, Россия. Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-31673 «Политические предпочтения и социальная активность учащейся молодежи: региональные и личностные предикторы» и гранта ФЦК ДВФУ «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлеченности в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества».

Изучение склонности к аддиктивному поведению студентов с помощью психофизиологического метода (И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, С. Д. Робин, А. И. Матвеева), Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Психологические характеристики школьников, активно занимающихся исследовательской деятельностью (Л. А. Дикая, В. А. Егорова, Е. А. Мелешенко), Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета, 2022, № ВнГр-07/2020-02-АП.

Психологические факторы, способствующие повышению исследовательского потенциала у обучающихся общеобразовательных учебных заведений (В. А. Егорова, Л. А. Дикая, Е. А. Мелешенко), Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия. Работа выполнена при финансовой поддержке Южного федерального университета, 2022, № ВнГр-07/2020-02-АП.

Особенности отношения к математике как фактора выбора STEM направлений у подростков из России и Киргизии (В. И. Исмагуллина, Т. А. Адамович), Психологический институт Российской академии образования Москва, Россия. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14127.

Связь сочетаний генотипов генов COMT и DRD4 с эмоционально-личностными особенностями молодежи (Е. М. Ковш, П. Н. Ермаков, В. В. Бабенко, Е. В. Воробьева, Д. В. Явна, Е. Г. Денисова, Д. С. Алексеева), Южный федеральный университет, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 20-64-47057).

Взаимосвязь черт «Темной триады» и ориентаций на материализм (Д. С. Корниенко, Н. П. Ячменёва, М. В. Балева), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Москва, Пермь, Россия. Исследование выполнено при поддержке ИОН РАНХиГС, тема 13.15.

Стресс-факторы городской цифровой среды: личностные детерминанты восприимчивости (О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, А. И. Матвеева, Н. Е. Жданова), ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург, Россия.

Особенности использования технологий виртуальной реальности при формировании навыка публичных выступлений (С. В. Стрельников, А. И. Ковалев), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. Работа выполнена при поддержке Научной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы и искусственный интеллект».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акопов Г. В.</i>	
Проблема сознания: новые подходы и решения.....	3
<i>Акопян Л. С., Акопов Г. В.</i>	
Созерцание как особый психологический феномен и форма самотерапии.....	7
<i>Афанасенкова Е. Л.</i>	
Проблемы, вызовы и риски пандемии посткоронавирусного этапа развития образования в России.....	12
<i>Балабащук Р. О.</i>	
Система хронотопических характеристик образа мира и психологические детерминанты ее становления в процессе обучения в вузе.....	20
<i>Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.</i>	
Глобальные риски цифрового мира как актуальная проблема социальной психологии.....	25
<i>Беспалов Б. И.</i>	
Возможности и проблемы диагностики профессионально важных качеств хоккеистов с помощью тренажера виртуальной реальности.....	30
<i>Бочаров В. В., Юртаева М. Н.</i>	
Соотношение самостигматизации, страха негативной оценки и я-функций у больных пограничными расстройствами.....	35
<i>Василевский А. С., Попова К. С.</i>	
Разработка и апробация методологии когнитивно-поведенческого коучинга.....	40
<i>Воднева А. Р.</i>	
Межличностная синхронизация в контексте наставнических отношений.....	45
<i>Волкова Е. Н., Акимова А. Ю., Исаева О. М.</i>	
Взаимосвязь психологического благополучия и внутренней мотивации студентов, увлеченных программированием.....	48

Даниленко О. И.

Отношение к правилам вузовского этикета:
основания и опыт эмпирического исследования..... 54

Евстафеева Е. А., Демчук М. А.

Показатели качества жизни у женщин
с благоприятным и неблагоприятным течением
рака молочной железы..... 59

Емелин В. А.

Утрата устойчивости профессиональной идентичности как
следствие технологического ускорения в информационном
обществе..... 64

Калакуцкая А. А.

Проблемы использования метафорических ассоциативных
карт в диагностической работе психолога и пути их решения..... 69

Капитанова Е. В.

Внешний облик как ценность
для современных старшеклассников..... 73

Карасев Е. П., Сагова З. А.

Изучение оптимизма и спортивной идентичности
у профессиональных спортсменов и любителей..... 78

Косаченко А. И., Котюсов А. И.,

Касанов Д. А., Гашкова А. С., Павлов Ю. Г.

Пупиллометрическое и электроэнцефалографическое
исследования когнитивной перегрузки..... 83

Костянян Д. Г., Сысоева О. В.

Влияние слуховой стимуляции на различение стимулов
на физиологическом и поведенческом уровнях..... 87

Кустова Т. А.

Психофизиологические показатели
межличностной синхронизации
в диадах «наставник — наставляемый»..... 91

Локишина В. И.

Связь профессиональной мотивации
с эмоциональным выгоранием у педагогов системы
дошкольного образования..... 95

<i>Маркевич М. О., Логвиненко Т. И.,</i>	
<i>Ребрейкина А. Б., Сысоева О. В.</i>	
Ритмическая структура чтения и эффект кросс-модального ритмического прайминга на грамматические суждения.....	100
<i>Мелещенко Е. А., Дикая Л. А., Егорова В. А.</i>	
Исследование влияния микрополяризации на распознавание выражения эмоций.....	105
<i>Момотенко Д. А.</i>	
Психофизиология исполнительных функций при печати на компьютере.....	109
<i>Николаева Э. Ф., Попова Е. В.</i>	
Влияние пандемии COVID-19 на психологическое благополучие человека.....	114
<i>Осипова Е. Б.</i>	
Генеалогическое исследование истории своей семьи как способ формирования жизнестойкости.....	120
<i>Поликанова И. С., Леонов С. В.,</i>	
<i>Якушина А. А., Чертополохов В. А., Исаев А. В.</i>	
Разработка технологии с использованием виртуальной реальности для оценки уровня мастерства борцов вольного стиля.....	124
<i>Рогачёв А. О., Сысоева О. В.</i>	
Увеличение альфа-ритма головного мозга при сравнении длительностей временных интервалов.....	129
<i>Рябков А. М.</i>	
Криминальная зараженность подростков, совершивших уголовные преступления.....	133
<i>Салах Шауамри Т. М.</i>	
Сравнительный анализ телесной составляющей переживания межэтнического отношения, проживающих в многонациональных регионах.....	137
<i>Сахарова Т. Н., Цветкова Н. А.</i>	
Основные направления в работе психологической службы вуза.....	144

<i>Семенова Е. Ю., Логвиненко Т. И.</i>	
Роль билингвального языкового опыта в осуществлении исполнительных функций.....	148
<i>Сериков Г. В., Дроздова И. И.</i>	
Проблема психолого-психотерапевтической помощи лицам, интолерантным к оцениванию своего внешнего облика.....	152
<i>Солдатова Г. У., Вишинева А. Е., Кошечкина А. Г.</i>	
Выбор формата медианногозадачности подростками и их когнитивные особенности.....	156
<i>Солдатова Г. У., Илюхина С. Н.</i>	
Доверие к технологиям подростков и родителей: личный опыт и технофобия.....	161
<i>Солдатова Г. У., Чигарькова С. В.</i>	
Психологические особенности жертв и агрессоров в ситуации киберсталкинга.....	165
<i>Степанова Е. С., Распопин Е. В.</i>	
Ресоциализация осужденных к длительным срокам лишения свободы.....	168
<i>Токарева Н. Г.</i>	
Роль психологических исследований в эпилептологии: опыт работы мордовского отделения российского психологического общества.....	173
<i>Токарская Л. В., Быстрова Т. Ю.</i>	
Учет характеристик сенсорного благополучия среды в образовательном процессе.....	179
<i>Харитонова М. П., Мякотных В. С., Сиденкова А. П., Мещанинов В. Н.</i>	
Прогнозирование и ранняя диагностика когнитивных расстройств.....	185
<i>Шестакова А. В.</i>	
Особенности определения критериев музыкальной одаренности детей (в условиях конкурсов).....	193
<i>Шошина И. И., Тумова М. А., Янушко М. Г., Иванов М. В.</i>	
Контрастная чувствительность и когнитивные нарушения при параноидной шизофрении.....	198

Козунова Г. Л., Юрист Л. Н.,

Николаева А. Ю., Новиков А. Ю., Чернышев Б. В.

Профиль интеллекта и нетерпимость к неопределенности у пациентов с высокофункциональным аутизмом.....	203
Сведения об авторах.....	207
List of Authors.....	215
Дополнение к первому тому.....	222

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
Всероссийского психологического форума

Том 2

Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 года

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

*Электронное сетевое издание
размещено в архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>*

Подписано 24.11.2022. Формат 60 × 84 1/16.
Уч.-изд. л. 13,02. Объем данных 4,1 Мб.
Гарнитура Minion Pro.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

